

А. В. Кочетов
**ЗОЛОТОЙ
ТОПОР
ВРИТРЫ**

Путешествие по Таиланду

**Москва
«Мысль»
1987**

ББК 26.89(57) К75
РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
П. А. Эльянов,
доктор исторических наук Э. О. Берзин

Фотографии
А. В. Кочетова, В. Н. Коровкина

На первой стороне обложки: Национальная гордость тайцев — храм Изумрудного Будды
На последней: Старинная пагода в провинции Уттарадит

Кочетов А. В.

К75 Золотой топор Вритры: (Путешествие по Таиланду).— М.: Мысль, 1987.—160с., 16л. ил.
1 р. 10 к.

Автор книги — журналист-международник, член Союза писателей СССР, проработавший в Таиланде несколько лет,— делится впечатлениями об этой древней стране, занимающей центральное положение на Индокитайском полуострове. В отдельных очерках, написанных ярким языком, с глубоким проникновением в образ жизни тайцев, он рассказывает об истории их государства, его природе, культуре, об обычаях свободолюбивого народа тай, о тех социально-экономических переменах, которые произошли в Таиланде за последнее десятилетие. Подчеркивается роль Таиланда в формировании современной политической обстановки в регионе, осложняемой происками агрессивных империалистических кругов.

К $\frac{1905020000-032}{004(01)-87}$ 155 – 87

ББК 26.89(5Т)

© Издательство «Мысль». 1987

Оглавление

Вступление—3

Глава I НА БЕРЕГАХ «МАТЕРИ ВОД»

- Город печали в «стране улыбок»—8
- Семь плюс три—16
- Опасная трансформация—26
- О чем умалчивают туристские проспекты—31
- Монах из Сингапура—39

Глава II В КРАЮ ЦВЕТУЩИХ РОЗ И «БЕЛОЙ СМЕРТИ»

- Сангха—51
- «Рим Юго-Восточной Азии»—61
- Легенда-быль и правда, похожая на вымысел—69
- Первая столица Сиам—74
- Плыви, кратонг!—83
- Колыбельная для слонов—89
- Враг номер один—99
- Сиам значит «темнокожий» —105

Глава III ТЫСЯЧЕКИЛОМЕТРОВЫЙ... ХОБОТ

- Фаранги из России—114
- У Золотой ступы —123
- Где живут сиамские коты?—131
- «Жемчужный кулон юга» —138
- Рабство XX века—145
- Самый веселый Новый год —153

Вступление

В самом центре Юго-Восточной Азии, в пределах средней части Индокитайского и севера Малаккского полуостровов, расположено государство Таиланд. Его координаты на лаконичном языке принятых в мировой практике географических обозначений: 5°30' — 20°25' северной широты и 97°20' — 105°35' восточной долготы. Площадь страны — 514 тысяч квадратных километров; численность населения превышает 50 миллионов человек. Столица — Бангкок.

Таиланд — конституционная монархия (с 1932 г.), глава государства — король (с 1950 г. Пумипон Адульядет— Рама Девятый).

С 1977 года у власти находится гражданская администрация, которая пришла на смену военно-полицейскому режиму, правившему страной с небольшими перерывами в течение сорока с лишним лет. Согласно последней конституции, принятой в 1978 году, в стране восстановлен ряд буржуазно-демократических свобод и ослаблены ограничения на деятельность многочисленных политических партий (кроме Коммунистической, которая находится на нелегальном положении). Высший законодательный орган—Национальное собрание, состоящее из сената и палаты представителей. Исполнительную власть осуществляет правительство во главе с премьер-министром (с 1980 г.— Прем Тинсуланон).

Внутренняя и внешняя политика нынешней администрации Таиланда в значительной мере характеризуется стремлением поддерживать связи с США,

Японией и другими крупными капиталистическими странами. США видят в Таиланде в первую очередь стратегически важный с точки зрения положения в регионе объект, тот «непотопляемый авианосец», с которого в случае необходимости можно развязать агрессию против той или иной миролюбивой страны Юго-Восточной Азии (как, например, это было сделано по отношению к свободолюбивому Вьетнаму). Постоянному нагнетанию напряженности в регионе служит предоставление Таиландом на своей территории под нажимом Соединенных Штатов пристанища для банд свергнутого кампучийским народом полпотовского режима, которые совершают варварские набеги на мирные поселения в приграничных районах Кампучии. Таиланд выступил в Организации Объединенных Наций соавтором резолюций, направленных на вмешательство во внутренние дела Кампучии, был одним из инициаторов созыва в Нью-Йорке в июле 1981 года так называемой Международной конференции по Кампучии. Под «диктовку» США самолеты тайландских ВВС ежедневно по нескольку раз вторгаются в воздушное пространство Кампучии; военные корабли Таиланда нарушают морские границы соседней страны. Давлением Вашингтона объясняется также курс Бангкока на искусственное обострение отношений с Лаосом, недружественные акции против Вьетнама. Через Таиланд, который является членом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), США и Япония пытаются втянуть эту региональную экономическую организацию в свои опасные милитаристские планы.

Политическая зависимость Таиланда от капиталистических держав подкрепляется зависимостью экономической. Правда, в последние годы здесь произошла смена лидера: первое место в международных торгово-экономических связях Таиланда ныне прочно удерживает Япония, которой удалось оттеснить США и ФРГ.

История появления Таиланда (Сиам¹) на карте Земли овеяна многочисленными народными преданиями и мифами. Давным-давно, гласит одна из старинных легенд, высоко над облаками в жестоком, смертельном поединке схватились бог Индра и демон Вритра. Искусно владея палицей-ваджрой, которую для него смастерил демиург Тваштар, справедливый Индра, «царь вселенной», сокрушает вооруженного топором коварного Вритру, сотворенного из плоти, сомы и огня. Победа «царя вселенной» получила не только космогоническое истолкование — Индра бился за солнце, за уничтожение косного хаоса,— но и... географическое.

Согласно преданию, топор поверженного Вритры упал на Землю где-то между Куньлуном (Китай) и Сумерой (Индия). Сомнительно, конечно, чтобы у злого чудовища оружие было выковано из чистого золота, скорее всего сделано оно было из менее благородного металла,— но так или иначе на месте падения топора образовалась Суварнабхуми, или Золотая страна. И сразу же, будто застеснявшись исходящего от нее ослепительного блеска, земля здесь торопливо натянула на себя плотное покрывало тропической растительности; с трех сторон выросли высокие горы; быстрые реки, словно капиллярами прорезав вечнозеленые массивы лесов, понесли прозрачные воды к синему океану. Индра направил в Суварнабхуми своих приверженцев из Декана, приказав им заселить Золотую страну. И стали они называться кхмерами. Проведав о действиях «царя вселенной», бог Куньлуна Юйхуан в свою очередь отрядил сюда тайский народ из Юньнани, дав ему тем самым возможность в награду за трудолюбие собирать богатые урожаи на плодородных поймах. Распри, разгоревшиеся между последователями Индры, с одной стороны, и Юйхуана — с другой, завершились в

¹ Со времен средневековья (XVI в.) до 1939 г. и в 1946— 1948 гг. Таиланд назывался Сиамом.

конечном счете торжеством тай; значительная часть территории Золотой страны превратилась в их постоянное место жительства.

По очертанию современный Таиланд даже более похож на оружие Вритры, чем вся Суварнабхуми, или тот регион мира, который мы зовем сегодня Индокитаем. Страну обычно делят на четыре района: Центральный, Южный, Северный и Северо-Восточный, причем два последних часто объединяют в единое целое.

Южный Таиланд охватывает часть полуострова Малакка; по своей конфигурации он напоминает рукоять топора. Само же «лезвие», развернутое слева направо, тыльной гранью примыкает к Бирме: хребты Танентаунджи², Дона, Билау служат естественной западной границей, отделяющей Таиланд от соседнего государства; на северо-востоке и востоке «лезвие» по реке Меконг соприкасается с Лаосом, а на юго-востоке — с Кампучией. Южную его кромку и восточную часть «топорища» омывают волны Сиамского залива, а западную сторону «рукояти» — воды Андаманского моря, составляя береговую линию, равную 2614 километрам.

Центральный Таиланд (бассейн реки Чаупхрая, или Менам) занимает Менамскую низменность — колоссальной величины чашу, края которой на севере, западе и востоке резко загнуты вверх: с трех сторон ее окружают горы и возвышенности, а к югу низменность постепенно ниспадает к Сиамскому заливу. В районе города Накхонсаван реки Пинг, Йом и Нан, сливаясь, образуют Чаупхраю, русло которой ниже по течению распадается на рукава, охватывая территорию шириной до 135 километров. Здесь начинается дельта. Вместе с Бангкокской равниной она выступает географическим и экономическим сердцем страны.

Менамская низменность покрыта аллювиальными отложениями, почти полностью распаханна и используется под посевы риса. К этому району примыкают пограничные с Кампучией области, имеющие выход к Сиамскому заливу: интенсивно расчлененное нагорье с отдельными вершинами высотой до полутора тысяч метров и реками, самой крупной из которых является Чантхабури, переходит здесь в равнину, выступающую как бы юго-восточным продолжением Менамской низменности. К сильно изрезанному южному побережью вплотную подходят отроги гор — в море они продолжают в виде скалистых островов. Вдоль рек культивируют рис; на участках, что повыше, разбиты плантации сахарного тростника; на берегу Сиамского залива выращивают кокосовые пальмы.

К Северному Таиланду—району континентального нагорья—относятся складчатые горы, составляющие единое целое с системой Гималаев (далее на юг эта гигантская горная дуга протягивается на Малаккский полуостров, пересекая весь Таиланд). Образуются они из нескольких параллельных хребтов, расчлененных долинами четырех рек; тут имеется ряд крупных межгорных котловин с выровненным дном, высланных аллювием и весьма удобных для земледелия. Недалеко от города Чиангмай находится самая высокая в стране гора — Интханон (2576 метров).

Район Северо-Востока, занятый в основном плато Корат, составляет по площади более трети территории Таиланда. Обрывистый западный край плато—растянутый на сотни километров хребет Донгпхраяфай — приподнят на пятьсот метров выше уровня моря; южный, более низкий (горы Дангрэк), словно навис над Кампучией. К востоку Корат переходит в долину полноводной реки Меконг, русло которой в ширину варьируется от семисот метров до полутора километров; с севера плато тоже ограничено Меконгом. Сложен Корат горизонтально

² Все географические названия даны по справочнику «Малый атлас мира». М., ГУГК, 1985 г.

залегающими пластами красных песчаников — сильно засоленными и малоплодородными. В дождливый сезон плато затопляется, а в жаркий страдает от засух.

Южный Таиланд—сравнительно узкая полоса Малаккского полуострова, в отдельных местах в ширину достигающая всего лишь тридцать—пятьдесят километров. Вдоль западного побережья с севера на юг вытянулась горная гряда, состоящая из хребтов Билау и Луанг. Самая высокая ее точка — Каолуанг (1465 метров). Восточная ветвь гряды — хребет Пукет—соединяет перешеек Кра, наиболее узкий участок таиландской части полуострова Малакка, с островом Пхукет, самым большим островом страны. В дельтах рек Крабури, Паттани, Тапи, Кирират и других выращивают рис. В Южном Таиланде сосредоточены главные плантации каучуконосов.

Итак, получив общее впечатление о Таиланде, географическом положении и делении его на основные районы, отправимся в путешествие по стране, которая по контурам своей территории весьма схожа с оружием Вритры.

Глава I

На берегах «Матери вод»

Город печали в «Стране улыбок»

«Не может быть!» — воскликнет читатель и снисходительно пожмет плечами. Город, название которого состоит из ста сорока семи букв?! Да такого ни на одной карте мира не сыщешь. Имена личные, фамилии, растянутые в несколько строк,— это еще куда ни шло. Среди персонажей произведений Виктора Гюго, к примеру, встречается католический аристократ Хиль-Базилио-Фернан - Иренео - Фелиппе -Фраско-Фраскито граф да-Бельверана. Героя одного из рассказов Марка Твена зовут Гассан - Бен - Али - Бен - Селим - Абдалла - Магомет - Моисей - Алхамалл- Джемсетджеджибой - Дулип, султан Эбу-Будпур. Скончавшегося в 1985 году последнего потомка императора некогда могущественного в Южной Америке индейского племени инков величали Луис Фелипе Атауальпа Урака Дучисела Двадцать Седьмой Рамирес Санта-Крус. Из старинных хроник доподлинно известно, что в середине прошлого века едва родившийся наследник испанского престола при крещении получил тяжелейшую цепь имен: Дон Педро д'Алькантара - Мария - Фердинандо - Гонсаго - Ксавиер - Мигуэль -Габриэль - Рафаэль - Антонио - Иоао - Леопольде - Франциско - д'Ассизи - Саксен - Кобург Гота де Браганца э Бурбон.

Однако даже представители испанской ветви королевского дома Бурбонов не могут составить достойной конкуренции сиамскому генералу Чакри (Раме Первому) по части буйства фантазии. Вступив в 1782 году на трон, он перенес резиденцию главы государства из Тонбури в Банг Кок³ — стратегически важный укрепленный пункт, расположенный на реке Менам, и распорядился дать ему название, которое в переводе на русский звучит приблизительно так: «Город ангелов; Высшее вместилище божественных сокровищ; Великая земля, которую нельзя завоевать; Великое и процветающее царство; Великолепная и восхитительная столица девяти драгоценных камней; Место, где живут самые великие владыки и находится великий дворец; Обиталище богов и перевоплощающихся духов».

Город, о котором идет речь,— Бангкок. Но местные жители предпочитают именовать свою столицу Крунг тхэп — по первым двум словам из помпезной

³ «Банг» по-тайски означает поселение, «кок» — разновидность сливового дерева.

выдумки Рамы Первого, которая занимает подобающее ей место в знаменитой книге Гиннеса. В этом своеобразном своде различных рекордов за столицей Таиланда закреплён титул самого длинного географического названия.

Сегодняшний Бангкок широко и свободно раскинулся по берегам Чаупхраи — крупнейшей водной артерии Юго-Восточной Азии, орошающей Центральный Таиланд. Долгое время она называлась, да и сейчас часто называется Менам. Это двойное наименование реки объясняется происшедшей в свое время путаницей. Дело в том, что по-тайски «менам» и есть «река». А виновники курьеза, первые прибывшие сюда европейцы, не владея языком коренного населения, решили, что здешняя река зовется Менам (дословно—«Мать вод»). Возникшая топонимическая погрешность позднее закрепились картографически. Для тайландцев же их основная река всегда была Чаупхраей — менам Чаупхрая.

Выгодное положение — на перекрестке важных торговых путей — способствовало быстрому росту города. В конце XVIII — начале XIX века строительство его велось на левом берегу Чаупхраи, там, где река образует крутую дугу, обращенную выпуклой стороной на запад; центр представлял собой остров между Чаупхраей и специально прорытым каналом-клонгом; тут были возведены королевский дворец, знаменитые буддийские храмы и пагоды. Постепенно усилиями зодчих Бангкок растягивался вверх и вниз по левому берегу, квартал за кварталом продвигался на восток. Со временем черта города перешла за населенные пункты правобережья, включая город Тонбури с его полутора миллионами жителей. В 1932 году через Чаупхраю был перекинут мост, названный Мемориальным, а полвека спустя недалеко от его тяжелых кургузых ферм, словно бы сжалившись над старым тружеником, весенней радугой шагнул легкий изящный мост Патумтани, приняв на себя основную часть напряженного дорожно-транспортного движения между двумя половинами города.

Бангкок — перевалочный пункт на воздушных трассах, связывающих северное и южное полушария, Европу и Дальний Восток. Находясь примерно в тридцати километрах от Сиамского залива, он является крупным океанским портом, на который приходится восемьдесят процентов тайландского экспорта и девяносто процентов импорта. По числу жителей столица в несколько десятков раз превышает все другие города королевства.

В Бангкоке сосредоточены важнейшие государственные и общественные учреждения страны, ключевые промышленные предприятия, фирмы, местные и иностранные банки. Здесь же расквартирован главный армейский гарнизон, традиционно обеспечивающий решающую роль и контроль военных в различных сферах политической жизни.

Утверждают, что столица Таиланда не имеет общепризнанного ярко выраженного центра. Одни считают ее центром старые кварталы; другие — фешенебельную улицу Силом, эдакий восточный Уолл-стрит; третьи — площадь Короля Чулалонгкорна с величественным, в стиле позднего Ренессанса, зданием парламента; четвертые—современные разномастные постройки, выросшие вдоль широких проспектов Сукхумвит, Пхетбури, Сиаюттхая. И все же любой житель Бангкока, отвечая на вопрос «Как добраться до центра?», растолкует маршрут, который непременно приведет к вызывающим восхищение королевскому дворцу — Гранд-паласу и храму Пра Кео, откуда двести с лишним лет назад начал расти город.

Не исключено, что именно за необычайную красоту Гранд-паласа и окружающих его буддийских построек, величественных зданий Таммасатского университета и Пастеровского института восторженные путешественники нередко называют Бангкок «крошечным дитятей Парижа». «Над городом, — писал француз де Воллан, — гордо высятся зубчатые стены королевской резиденции,

золотые верхушки дворцов и храмов... Цветные изразцы, блески, кристаллы, позолота на тонких высоких башнях горят огнем под яркими лучами тропического солнца. То здесь, то там вспыхивает пурпуровый, белый, синий, красный, голубой свет, который играет точно бенгальский огонь на белых шпилях, осыпанных кристаллами и стеклярусом».

Часто Бангкок именуют еще и «младшим братом Нью-Йорка». Возможно, корни этой аналогии туристы находят в обилии всевозможной рекламы, а также в аскетизме современных архитектурных форм, которым отмечены новые жилые кварталы, большинство зданий торговых компаний и офисов. Реклама на самом деле придает «городу ангелов» поразительную пестроту. Покупателям предлагается бук-пяльно все. Американская фирма «Вестингауз» расхваливает холодильники и кондиционеры, западногерманская «Бош» — свечи зажигания, японская «Сони»—транзисторные радиоприемники, телевизоры и видеосистемы. Местные бизнесмены, подчиняясь законам стихийной коммерции, на все лады славословят пиво «Кратинтонг», виски «Меконг», сигареты «Фоллинг рейн»... Предприниматели бойко ведут торговлю. Пяти с половиной миллионам жителей столицы денно и нощно назойливо лезут в глаза рекламные щиты и неоновые плакаты. Не хочешь, а купишь; не нужно, а приобретешь. С той лишь разницей, что одни готовы в любой момент раскошелиться, скажем, на «мерседес» последней модели, в то время как другие, которых несравнимо больше, могут позволить себе оторвать от семейного бюджета лишь несколько батов⁴, чтобы купить в праздничные дни своему ребенку бумажного змея или стаканчик мороженого. Есть в Бангкоке и такие, кто лишен даже этой возможности: согласно официальным данным, четверть населения города ютится в трущобах.

С архитектурной точки зрения таиландская столица разнолика и космополитична. Новые кварталы застраиваются с помощью иностранных фирм— японских, американских, западногерманских. Каждая привносит в облик Бангкока что-то свое, лишая его при этом тех специфических черт, по которым Крунг тхэп можно отличить от других городов мира. Здесь, на небольшом кусочке азиатской земли, воистину сошлись Восток и Запад, что по крайней мере проявилось во внешнем облике города, рельефно обнажающем, кроме того, резкие социальные контрасты.

Пожалуй, только храмы (по-тайски—ваты), число которых с каждым годом растет, возводятся в старинном, традиционном национальном стиле. Около четырехсот бангкокских ватов, в художественном облике которых сказалось влияние зодчества Индии, Бирмы и Китая, скованы сегодня в тисках железобетонного модерна. И конечно же каждый из них по-своему примечателен. На сооружение храмов затрачивалось много труда, возводились они не один год, а на их украшение шли несметные богатства. Собранные в буддийских ватах столицы драгоценные камни, золото, великолепные статуи и искусные изделия из серебра были предметом черной зависти, острого вожделения и кровавых распрей между феодальными князьями древнего Сиама.

Такие уникальные, чарующие своей сказочной красотой храмы, как Пра Кео, По, Тримит, Мраморный, Лежащего Будды, Утренней зари, представляющие собой ценнейшие исторические памятники искусства, имеют давнюю и непреходящую мировую известность. Трудно не испытать восторг при виде поразительного мастерства сиамских умельцев, превративших тяжелый неуклюжий камень в каскады кружев и потоки играющей пены.

Каждый храм действительно чем-то примечателен. Мраморный, например... черепахами! Да, славными медлительными черепахами. Почти в любой стране

⁴ Двадцать семь батов приблизительно соответствуют одному американскому доллару.

существуют ритуалы, которые туристы, как правило, строго соблюдают. Большинство их связано с бросанием денег в озера, реки, просто в фонтаны. Избавился подобным образом от одной-двух монет, поглядел, как они, блеснув в воде, опустились на дно, и можно не сомневаться, что когда-нибудь вновь побываешь на этом месте. В Таиланде не предлагают швырять деньги на ветер. Желающие еще раз приехать в Бангкок должны купить черепаху, выцарапать на ее панцире свои инициалы или полные имена и пустить животное в небольшой водоем на территории Мраморного храма.

«Младший брат Нью-Йорка»! Наиболее точно определение это подходит Бангкоку с точки зрения той огромной пропасти, которая пролегает здесь между богатыми и неимущими, с точки зрения тех социальных пороков, которые вобрал в себя «город ангелов», словно подражая своему заокеанскому собрату.

Итак, с одной стороны, красивые пагоды, богатейшие храмы и монастыри, районы каменных монстров — угловатых громадин банков, отелей, супермаркетов, чистые тихие кварталы шикарных особняков с полным сервисом, кабельным телевидением, собственной службой безопасности и мраморных вилл, где обитает местная элита, привыкшая разъезжать на «роллс-ройсах», посещать закрытые клубы, по уик-эндам выезжать к морю в личные бунгало, разбросанные на пляжах курортных комплексов Хуахин и Паттая. А с другой...

В нескольких сотнях метров от ультрасовременного здания, принадлежащего какой-то западной торговой фирме, возвышающегося на улице Рамы Четвертого и очертаниями напоминающего, по выражению одного иностранного корреспондента, «некую космическую станцию на вынужденной посадке», сквозь легкую дымку пыли на фоне огромных порталных кранов, танкеров и сухогрузов взору открывается океан хаотически разбросанных хибарок, войти в которые можно, только согнувшись в три погибели. Это печально знаменитый Клонг Той, где на смену кирпичным гигантам Пришли кое-как сколоченные из ящичков и ржавого листового железа, а порой слепленные просто из картона и полиэтиленовой пленки жалкие подобия жилищ. Тишина уступает тут место шуму неистовых голосов полуголых ребятишек, копошащихся в придорожной грязи. В Клонг Тое не увидишь ярким плакатов и неоновых вывесок, сюда не заглядывают даже продавцы жареных орехов, разносящие свой товар по всему городу в глубоких плетеных корзинах, подвешенных к коромыслам. На лицах обитателей Клонг Тоя, этого сгустка нищеты, чудовищной антисанитарии и беспорядка, написаны горькая печаль, скорбь и безысходность.

В Клонг Тое нашли пристанище те, кто, задолжав помещикам, оставшись без средств к существованию, в разное время вынуждены были уйти из деревень в город. Обнищание, безземелье, голод, болезни вынуждают огромные массы людей идти в Бангкок в поисках заработка. Ежегодно из сельской глубинки в «город ангелов» на постоянное поселение приезжают сотни тысяч человек, не считая миллиона с лишним «сезонников», пытающихся найти работу в столице в период между сборами урожая.

Демографическая проблема, характерная и для многих других азиатских стран, ее социальные аспекты, в частности процесс разорения деревни, вызывают тревогу не только в правительственных кругах самих этих государств. Свидетельство тому — недавнее исследование Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), в котором приводятся следующие факты. Если в 1950 году лишь два города Азии насчитывали более пяти миллионов жителей — Шанхай и Токио, то сейчас таких городов пятнадцать. Среди них — Бангкок, Калькутта, Джакарта, Дели, Карачи и другие. При сохранении нынешних высоких темпов прироста населения к концу столетия

численность жителей во многих из них превысит (а в некоторых уже превысила) десять миллионов.

Сегодня в странах Азии проживают около трех миллиардов человек, или шестьдесят процентов населения земного шара; к 2000 году ожидается увеличение почти на миллиард.

Миграция разоряющихся крестьян в города усугубляет и без того тяжелое положение. Ведь не имея возможности возвратиться обратно, обездолженные, отчаявшиеся, изуверившиеся люди оседают в трущобах, где в настоящее время обитает в среднем каждый третий житель перечисленных в документе ЭСКАТО городов. К началу будущего тысячелетия трущобы поглотят шесть человек из десяти.

...Судьбу Бунчая Понсакуна, который попытался вырваться из замкнутого круга нищеты, разделяют, с незначительными отклонениями в худшую или лучшую сторону, миллионы жителей азиатских государств. Неважно, где находится их пристанище: в столицах ли или в провинциальных центрах. Важно другое. Их удел — бедность и несправедливость.

Бунчай Понсакун родился и вырос в деревне. У него была крытая тростником деревянная хижина на сваях, предохраняющих жилище от наводнений, а также от змей, которых в Таиланде полным-полно. У него был небольшой участок, всего несколько раев⁵, где семья Понсакунов выращивала рис. Земля принадлежала помещику. За клочок пахоты приходилось расплачиваться натурой, отдавая хозяину половину и более урожая. Оставшегося риса едва хватало на пропитание. Рядом со своей лачугой Бунчай соорудил миниатюрный, размером со скворечник, домик «на одной ноге» для доброго духа, который должен был приносить семье благополучие и достаток, оберегать ее от всяческих бед и горестей. Подобные «скворечники» можно видеть возле каждой крестьянской хижины в любом уголке Таиланда.

Но добрые духи не вняли мольбам Бунчая. Одно за другим на него обрушились несчастья. Сначала сильное наводнение сокрушило сваи, и дом его рухнул в воду. Пришла беда — открывай ворота. Наводнение сменилось засухой: палящее солнце испепелило землю, уничтожило посевы. Бунчай задолжал помещику.

В поисках лучшей доли он с семьей — женой и тремя детишками—решил отправиться в столицу, надеясь, что там ему повезет: он найдет работу, муниципалитет предоставит ему жилье, ребятишки пойдут в школу. Несбыточные желания! Мечты, которым не суждено было воплотиться в реальность. Жертва капиталистической несправедливости, Бунчай пополнил армию тайландских безработных. Городские власти даже и не подумали позаботиться о его семье. Он не мог остаться совсем без крыши над головой и... поселился в Клонг Тое, где собралось десятки тысяч таких же, как он, изгоев.

Те, у кого есть сампаны, живут прямо на воде: в лодках рождаются, в лодках и умирают. Остальные — в лачугах и развалюхах, собранных их же руками из «строительного материала», которым до отказа набита примыкающая к Клонг Тою портовая свалка. Канализации и электричества здесь нет, питьевой воды—тоже. Если остальное городское население пользуется водой, которую фирма «Поларис» добывает из артезианских колодцев, разливая по двухлитровым бутылкам и продает на всех углах, то жители Клонг Тоя довольствуются водой Чаупхраи, на поверхности которой, подернутой зеленоватой пленкой, покачиваются арбузные корки, пустые кокосовые орехи, обломки бамбука. Жители Клонг Тоя не только купаются в Чаупхрае, они чистят ее грязной водой зубы,

⁵ Один рай равен 0,16 га.

готовят на ней пищу. И это, Несмотря на то, что еще в 1981 году группа ученых из Азиатского технологического института, обследовав Чаупхраю, официально дала следующее заключение: «Из-за плохого качества воды и слива в реку промышленных отходов она на протяжении десятков километров вплоть до устья непригодна для рыболовства». Если бы только для рыболовства! Несколько лет назад разразился огромный скандал по поводу отравления детей, смерть которых—и это было доказано в ходе судебного разбирательства — наступила в результате прямого сброса ядовитых веществ в Чаупхраю.

Случайные заработки позволяют Бунчаю кое-как сводить концы с концами. Ни о каких покупках предметов домашнего обихода и речи быть не может. Кусок материи, обмотанный вокруг бедер, — вот и вся его одежда. Имей Бунчай лодку, он стал бы «угольщиком» — развозил дешевый древесный уголь, без которого многие жители столицы не могут даже сварить себе горсть риса, или «перевозчиком», за гроши переправляющим людей с одного берега Чаупхраи на другой. Но увы, лодки у него нет.

Время от времени муниципальные власти предпринимают шаги по «улучшению» условий жизни обитателей Клонг Тоя: под предлогом необходимости расширять морские ворота страны, строить дополнительные верфи администрация бангкокского порта регулярно изгоняет жителей того или иного района Клонг Тоя, и люди вынуждены искать пристанище в других местах столицы. Вот и выходит, что если десять лет назад в «городе ангелов» насчитывалось около двухсот трущобных районов с населением чуть меньше полумиллиона человек, то ныне каждый пятый житель Бангкока ведет нищенское существование в этих очагах социального порока. Недаром Крунг тхэп все чаще называют «городом печали».

Мог ли предположить генерал Чакри, что по истечении двух веков начальные слова придуманного им стасорокасемибуквенного названия столицы Сиама претерпят в устах тайландцев столь поразительную метаморфозу?

Кстати, существует иная версия, согласно которой написание города, основанного Рамой Первым на месте укрепленного пункта Банг Кок и столь вычурно им окрещенного, удлиняется еще на двадцать букв. Выдвинули ее западногерманские лингвисты, дающие несколько отличающийся от занесенного в книгу рекордов Гиннеса перевод полного названия столицы «страны улыбок»⁶.

«Страна улыбок» — именно такое определение встречается во многих путеводителях по Таиланду, авторы которых пытаются убедить посещающих страну туристов в том, что народ, дескать, счастлив, оттого и улыбается. В известной степени это утверждение не лишено смысла, ибо по натуре своей тайцы исключительно жизнерадостны. Их излюбленное выражение «Май пен рай» означает «Не надо обращать внимания» или «Не стоит огорчаться». Однако за приветливой веселостью, внешним спокойствием миллионов простых людей скрывается их серьезная озабоченность днем сегодняшним, глубокая тревога за день грядущий.

Семь плюс три

В стране наступил «прохладный» сезон, однако дни стояли на редкость жаркие, солнце палило нещадно. Не было ни малейшего желания выходить из помещения, охлажденного мощными кондиционерами, к монотонному урчанию которых мы давно привыкли, поскольку включены они были круглый год.

⁶ «Город ангелов, Великий город бессмертных, Величественный, усеянный драгоценностями бога Индры, Резиденция короля, Место королевских и других дворцов, храмов, Родина Вишны и других богов» и так далее.

Двенадцать месяцев кряду пользуясь этими охладительными аппаратами, мы тем самым как бы бросали вызов местным климатологам, которые упорно делят климат Таиланда на три периода: с февраля по май — жаркий, с июня по сентябрь — дождливый, с октября по январь — прохладный⁷.

Признаюсь, никакого особого различия, во всяком случае в самой столице, за время пятилетнего пребывания в Таиланде я не ощутил. Непрекращающаяся жара, помноженная на постоянную влажность, оборачивается каким-то мокрым пеклом. И неудивительно, что климат «страны улыбок» стал предметом для иронии, анекдотов, в которых времена года определяются как «жаркое», «очень жаркое», «невыносимо жаркое» и «адски жаркое».

Таиланд лежит в тропическом поясе, в зоне муссонов. Зимы здесь не бывает, даже в горах никогда не выпадает снег. В целом на климат влияют такие факторы, как сезонная смена ветров, близость огромных водных пространств, сложный рельеф. Муссоны «прохаживаются» над территорией страны с июня по октябрь—с юго-запада на юго-восток, с сентября по февраль — в обратном направлении. Расположенные на севере горные массивы защищают Таиланд от холодных потоков воздуха. На большую часть страны основную массу осадков приносит юго-западный муссон. Влажный сезон, продолжительность которого колеблется от 174 до 236 дней, начинается сильными шквалами и бурями, переходящими в затяжные ураганные ветры.

Количество осадков увеличивается по мере приближения к морю—с севера на юг. При среднегодовом количестве осадков по стране в 1600 миллиметров на севере и северо-востоке Таиланда норма их составляет 800—1500, в Центральном районе—1200 — 2000 и на юге — 2000— 4000 миллиметров (в целом же в Таиланде даже в самый дождливый сезон осадков выпадает гораздо меньше, чем в других государствах Юго-Восточной Азии).

Наибольшей сухостью отличается область западного Кората, вытянутая вдоль предгорий хребта Донгпхраяфай, а самой большой влажностью — район вокруг городка Такуапа (там выпадает 4200—6000 миллиметров). Расположенный на западном побережье Малаккского полуострова, в провинции Районг, Такуапа лежит как раз там, где на пути муссонов, дующих со стороны Андаманского моря, встают высокие горы. Окрестностям Такуапы далеко, правда, до Черапунджи (Индия) — самого «мокрого» места в мире, тем не менее жители этого района «отдыхают» от дождей в году в общей сложности лишь тридцать дней из трехсот шестидесяти пяти.

Несмотря на то что Таиланд целиком находится в области тропических муссонов, средняя годовая температура в разных районах страны варьируется весьма ощутимо, что зависит от удаленности от моря, от наличия и расположения горных хребтов. В северных провинциях ртутный столбик в «зимний» период опускается до отметки десять—тринадцать градусов выше нуля (там наблюдается также довольно резкое колебание температуры на протяжении суток: жаркий день сменяется относительно прохладной ночью). В континентальных районах воздух в дождливые месяцы «охлаждается» до двадцати четырех—двадцати шести градусов тепла. Центральные провинции и плато Корат, защищенное горными цепями с севера, запада и юга, не знают резких перепадов: в самое «прохладное» время года среднемесячная температура здесь составляет двадцать четыре градуса, в самое жаркое—двадцать девять тепла. В феврале — мае, когда градусник в этих районах нередко показывает плюс сорок—сорок два, почва здесь превращается в твердую корку, ландшафт приобретает серовато-коричневый оттенок, поля пустеют, многие животные погружаются в

⁷ В нашей научной литературе чаще выделяется два сезона: дождливый (с мая по октябрь) и сухой (с ноября по февраль).

летнюю спячку. Даже выносливые буйволы, спасаясь от зноя, предпочитают дремать, погружившись в илистую кашу высохших болот. Северное побережье Сиамского залива, включая Бангкокскую равнину, также отличают умеренные колебания температуры. В столице же всегда жарко и влажно.

В тот день, о котором идет речь, погода теоретически должна была быть если не прохладной (по названию сезона), то вполне сносной. Однако я знал, стоит только переступить порог дома, как попадешь в настоящую парилку: рубашка мгновенно прилипнет к телу, лицо и руки покроются испариной.

Но работа есть работа. И никакие ссылки на климатические «аномалии» не освобождают от выполнения порученного задания. Включив зажигание и опустив стекла, чтобы сквозняк гулял по салону автомобиля, я направился за контейнером, прибывшим в наш адрес.

Порядок получения импортных грузов в Таиланде усложнен до предела. Сначала мне пришлось заехать в Министерство иностранных дел за разрешением, потом — на центральную таможню, где это разрешение украсилось десятком печатей и подписей средних и высоких должностных лиц. Пройдя еще несколько необходимых процедур, я в конце концов очутился на территории бангкокского порта. Я был очень похож на выжатый лимон, когда с кипой бумаг появился в кабинете господина Патпонга, где обычно завершались мои портовые мытарства. Сходство с цитрусовым можно было бы дополнить сравнением с рыбой, выброшенной на берег: я задыхался, мне недоставало воздуха. Около двух часов провел я за рулем, а ветер, задувавший в кабину автомобиля, создавал лишь видимость комфорта.

...Бангкок поражен многими серьезными «болезнями». Среди них — перенаселенность, нехватка электроэнергии, отсутствие в большинстве районов очистных систем, способствующее загрязнению окружающей среды. Над городом, лежащим в низине, словно в гигантской пиале, постоянно — и в ненастье, и в погожий день — висит серый смог, видимый издали, за многие километры от столицы. И немудрено. Шестьсот тысяч зарегистрированных в Бангкоке автомашин и автобусов ежегодно выпускают в воздух вместе с выхлопными газами пятьсот тридцать пять тонн (!) свинца. Глощают его главным образом жители старых кварталов: здесь, на тесных улочках и в переулках, именуемых «крокодиловыми тропами», все время возникают транспортные пробки, которые часто не рассасываются по нескольку часов. Полицейские-регулирующие не в состоянии навести порядок. Муниципалитет решил было установить специальный компьютер, который бы централизованно упорядочил движение транспорта, и даже вроде бы приобрел его — то ли в Японии, то ли в США, — выложив тридцать с лишним миллионов батов, но куда канули деньги налогоплательщиков, куда подевался сам компьютер — для бангкокцев остается загадкой.

По данным Министерства здравоохранения, в кубическом метре воздуха «города ангелов» содержится 500 миллиграммов вредных для человека веществ, что на 170 единиц превышает научно установленный предел безопасности. Не так давно местный ученый-токсиколог С. Критлаксан, исследовав содержание свинца в крови жителей Бангкока, обнаружил, что в центре столицы показатели составили сорок — шестьдесят миллиграммов на сто миллилитров крови, что на сорок процентов превысило допустимый уровень.

Господин Патпонг, очевидно, был знаком с выводами Критлаксана. Он прекрасно понял мое состояние, состояние человека, вынырнувшего из шлейфов дыма, оставляемого дизельными грузовиками, автобусами и трехколесными моторикшами. Не говоря ни слова, Патпонг вытащил из холодильника бутылку кока-колы и, когда я утолил жажду, отдышался, словом, пришел в себя, взял у меня разрешение, выданное в Министерстве иностранных дел, колокольчиком вызвал

помощника и передал мои бумаги с напутствием побыстрее оформить получение груза: одна нога здесь, другая там.

— Мистер Кочетов,— неожиданно спросил Патпонг, едва клерк удалился,— вам приходилось слышать о чудесах света?

— Разумеется. Правда, не уверен, что сейчас сходу перечислю все семь, но, если хотите, попробую, — ответил я, размышляя, к чему это клонит Патпонг.— Пирамиды-усыпальницы фараонов четвертой египетской династии Хеопса и Хефрена.— Я загнул первый палец.

Затем из тайников памяти я поочередно извлек мраморную статую Зевса Олимпийского; творение грека Фидия, единственное чудо света, оказавшееся на материке в Европе; мавзолей в Галикарнасе высотой сорок три метра, с колоннами и скульптурами, созданный по приказу Артемисии в честь своего супруга и родного брата карийского царя Мавсола; гигантский маяк, воздвигнутый Птолемеем II на острове Фарос в Средиземном море на подходе к Александрии; храм греческой богини охоты Артемиды, покровительницы лесных зверей и природы, сожженный Геростратом; четырехъярусные висячие сады Семирамиды в Вавилоне, которые Навуходоносор построил в доказательство своей любви к молодой супруге — индийской принцессе.

— И седьмое...— я задумался.

Патпонг неторопливо вытащил из ящика стола какую-то книгу, нашел в ней нужную страницу и прочитал: «Бронзовая статуя Аполлона на острове Родос в Эгейском море. Сооружена около двухсотдевяностого года до нашей эры над входом в порт. Ноги статуи покоились на двух скалах, так что корабли могли свободно проплывать между ними. Простояв пятьдесят шесть лет, Аполлон был свергнут с высоты в результате землетрясения».

— Колосс на глиняных ногах! — воскликнул я.

— Почему глиняных? — удивился Патпонг.— Бронзовых!

— Выражение есть такое. Не выдержали коленки у бога. Вот и стала фраза крылатой. Только не Аполлон это был, а Гелиос. покровитель Родоса, жители которого верили, что по его просьбе остров был поднят со дна морского. Могу добавить, мистер Патпонг, что расколотый колосс пролежал у Родоса около тысячи лет, пока наконец некий арабский наместник, нуждавшийся, видно, в деньгах, не продал его одному негодянту, который, решив пустить Гелиоса в переплавку, разрезал бронзовую статую на части и увез ее на... девятистах верблюдах. Все семь чудес света, таким образом, налицо,— подвел я итог.— Но, простите, к чему этот необычный экзамен?

— Бог с вами! Я и в мыслях не держал устраивать экзамены.— Патпонг с жаром замахал руками.— Просто возникли кое-какие ассоциации... В любой стране можно найти уникальные творения разума человеческого, неподражаемые образцы зодчества, скульптуры. Чудеса местного, что ли, масштаба.

— Национального, — уточнил я.

— Так вот, если бы меня попросили назвать чудеса Таиланда, я остановился бы на трех. Как минимум на трех, — повторил Патпонг, заметив мое удивление.— На первое место я поставил бы храм Изумрудного Будды. Вы наверняка бывали в нем.

Патпонг не ошибся. В храме Пра Кео я бывал, и не раз.

Туристские маршруты по Бангкоку начинаются обычно с монастыря Пра Кео, построенного в 1785 году и входящего в общий архитектурный ансамбль с королевским дворцом. У Пра Кео есть и другое название—ват Изумрудного Будды. Восседающий в храме на высоком пьедестале «отец религии» ошеломляет отнюдь не своими размерами — как, скажем, упомянутый колосс Родосский. Высота его всего шестьдесят один сантиметр. Поражает то, что

фигура выточена из цельного куска зелено-голубой яшмы. Вот уже много лет Изумрудный Будда, облаченный в перекинутую через плечо тогу из чистого золота, выступает хранителем благополучия и символом процветания страны. Легенда утверждает, что его подарил сиамцам индийский царь Ашока. Но Будда, прежде чем украсить собой храм Пра Кео, совершил длительное путешествие: на протяжении столетий, в ходе постоянных военных конфликтов между Сиамом и соседними государствами, он неоднократно переходил в качестве боевого трофея из рук в руки. Так или иначе, но статуя замысловатым путем попала в итоге в Накхонситхаммат, город на юге Таиланда, потом очутилась на севере, в Чипнграо, где и находилась до середины XV века. Через какое то время «Изумрудный» обнаружился в Лампанге, позже его перевезли в Чиангмай, оттуда — в Луанг-Пхабанг (Лаос). В годы правления короля Таксина (1767—1782) Будда вернулся в Сиам, а с 1785 года навсегда «прописался» в столичном монастыре Пра Кео.

Пра Кео — типичный образец бангкокского периода в развитии тайландского искусства и архитектуры⁸ — представляет собой весьма сложный комплекс зданий, произвольно расположенных на обширном пространстве, обнесенном трехметровой зубчатой каменной стеной. Крутые скаты крыши святилища покрыты цветной черепицей с преобладанием зеленого, оранжевого и желтого оттенков. Фронтоны основных строений пышно декорированы буддийскими символами, узорами из смальты, разноцветного стекла, дерева; изящно изогнутые коньки и консоли позолочены, стены отделаны мозаикой и керамическим орнаментом. Вся эта золотая канитель и терракота, лаковая роспись и филигранные барельефы, хитросплетения витражей и инкрустация зеркальными осколками сверкает и переливается, как в волшебной восточной сказке. Архитектурную композицию дополняют внушительные фигуры демонов, львов, гаруд, как бы беспорядочно размещенных по всей территории монастыря.

Из общего стиля кричаще выбивается лишь резиденция королей династии Чакри в ансамбле Гранд-паласа. Построена она значительно позже самого Пра Кео, во второй половине прошлого века, одним западным зодчим, эклектически объединившим псевдобарокко с сиамской классической архитектурой.

Ват Пра Кео знаменит не только статуей Изумрудного Будды. Это один из немногих храмов Таиланда, где в буддийский пост, приходящийся на июнь — июль, в перерывах между проповедями исполняются популярные народные сказки. Обступив служителя-чтеца, пристроившегося где-нибудь в укромном уголке, посетители завороченно вслушиваются в искусное чередование речитатива с песней, песни со стихом, стихотворения вновь с речитативом и так далее, в которых пересказываются трагические и героические, комические и назидательные истории, случившиеся с персонажами популярных в народе сказок и мифов.

— За «Изумрудным», — прервал мои размышления Патпонг, — следует Будда из храма Тримит. Слышали о таком?

— Кажется... — припоминал я, — в чайна тауне.

Несомненно, я видел храм Тримит, проезжал мимо него. Похоже, в одном из китайских районов столицы. Может быть, в квартале, который примыкает к улице Эварат, где прилепившиеся друг к другу лавчонки сплошь забиты всякой всячиной: от сушеной рыбы и чеснока до рубашек и запонок из драгоценных и полудрагоценных камней — настоящих или поддельных? А может, Тримит расположен рядом с Сампенгом, знаменитым своим рынком — шумным и

⁸ Семисотлетняя история Сиамы учеными разделяется на три основных периода: период Сукхотаи (середина XIII—середина XIV в.), период Аюттхאי (середина XIV—середина XVII в.) и бангкокский период (с 1782 г.).

многоцветным, где товары кустарного производства, местных промыслов сливаются в живописный натюрморт с ведомыми и неведомыми цветами, фруктами и овощами? Или на Нью-роуде, главной улице третьего, самого старого китайского квартала Бангкока?

Я мысленно представил себе Дорогу слонов — так издревле называлась Нью-роуд, которая появилась на карте города в 1864 году, в те далекие времена, когда она была единственным наземным путем, соединявшим Бангкок с провинциями. По ней в обоих направлениях важно шествовали караваны груженых товарами слонов.

Нынешняя Нью-роуд (ее первоначальное официальное название—Чароен крунг-роуд, что означает «улица зажиточного города»), грязная, очень тесная, застроенная преимущественно двухэтажными домами; первый этаж обычно отведен под магазин, бар или лавку, на втором проживает семья хозяина. Мелкие продавцы, скорняки, стекольщики, разменщики денег (мани ченджер) составляют основную массу ее обитателей. Обосновались тут, правда, и дельцы покрупнее: ювелиры, встречающие покупателей перед своими магазинами, витрины которых сверкают и искрятся от попадающих на изумрудные кольца и бриллиантовые ожерелья солнечных лучей; банкиры, чьи офисы с их тихим шуршанием подсчитываемых купюр и монотонным шелестом электронных калькуляторов наглухо закрыты от празднolibопытных взоров.

Несколько лет назад Нью-роуд наряду с проспектом Петбури-экстеншн и улочками, прилегающими к порту, славилась шумными притонами. Стоило появиться здесь в ночное время скучающему тайцу или иностранцу, как к нему стайей слетались зазывалы, предлагая за определенную плату препроводить в один из вертепов, где можно было посмотреть секс-фильм и «хорошо провести ночь»... Дело в том, что официально порнография и проституция в Таиланде преследуются законом — караются штрафом и даже тюремным заключением. С выводом американских войск из страны количество потребителей подобного рода «товара» значительно поубавилось, однако спрос на него все еще достаточно высок.

— Кажется, в старом китайском квартале, — повторил я.

— Точно. В районе Сампенга, — обрадовался Патпонг и поведал мне почти фантастическую историю.

Долгое время Будда из храма Тримит ничем не выделялся среди своих каменных собратьев, которых в конце XVIII века король Сиам приказал вывезти из города Сукхотаи в Бангкок, чтобы украсить ими столичные монастыри. Сначала Будда валялся в развалинах старого храма на территории ткацкой мастерской. С годами он перекочевал в храм Сан Чин, переименованный в период второй мировой войны в Тримит, где в течение десяти лет восседал под открытым небом. В помещение его занести не могли — он весил пять с половиной тонн. Старожилы Бангкока хорошо помнят ночь с 24 на 25 апреля 1953 года, когда, казалось, над городом разверзлись хляби небесные. Чудовищной силы гроза обрушилась на столицу. Молнии металась по крышам. Одна из них попала, по всей видимости, в статую. Потоки воды довершили разрушительную работу. В общем Будда был сильно «изранен»... Наутро монахи обнаружили в трещинах, вызванных стихией, блестящие крапинки металла. В ход были пущены ножи. Служители культа остолбенели, когда под слоем известки открылось золото. Кто придумал этот камуфляж? Много веков назад, когда Сиаму приходилось отражать бесконечные набеги своих воинственных соседей, предусмотрительные люди нанесли на изображение Будды какой-то раствор, превратив статую из золотой вроде бы в каменную, дабы враги не обратили на нее внимания. Более семи столетий Будда был облачен в эту своеобразную «одежду».

— Итак, — Патпонг улыбнулся, — осталось последнее, третье, чудо. Не стану сейчас о нем рассказывать. Если не возражаете, послезавтра, в воскресенье, я вам его покажу. Соглашайтесь, такая возможность выпадает не часто.

Мы договорились встретиться через день, в одиннадцать часов утра, в открытом «летнем» кафе гостиницы «Ориентал».

Вокруг фонтана с разноцветными ленивыми рыбками были расставлены пять-шесть столиков на витых железных ножках, покрытых овальными мраморными плитами. Место, выбранное Патпонгом, было идеальным во всех отношениях. Столик, который мы заняли, стоял ближе всех к воде. Буквально в двух-трех метрах от нас плескались воды Чаупхраи, мимо скользили прогулочные катера с экскурсантами, сампаны рыбаков, лодки «угольщики», продавцов фруктов. Перед нами открывалась великолепная панорама. На противоположном берегу Чаупхраи бурлил район Бангкока—Тонбури. В давние времена Тонбури был, хотя и недолго, столицей Сиама (1768—1782 годы), именно здесь вступил на трон генерал Чакри. Над Тонбури господствовала восьмидесятиметровая колонна вата Арун, или храма Утренней зари, покрытая фарфоровой мозаикой. Далеко вправо и влево была видна река: таким образом, все, что происходило на воде, находилось в поле нашего зрения.

— Пожалуй, пора раскрыть секрет, — сказал Патпонг после того, как официант принес две порции заказанного нами «айс ти» — крепкого чая, в котором плавали кубики льда. Патпонг отпил глоток через пластмассовую трубочку.— Сегодня праздник...

— «Тод катин»? — спросил я.

— Да, «Роял тод катин» — «Королевская процессия».— Мой собеседник посмотрел на часы.— Осталось недолго.

На обоих берегах происходило заметное оживление. Жители Тонбури и Бангкока толпами стекались к Чаупхрае. Народ шел сюда полюбоваться королевскими ладьями, когда они будут двигаться по реке.

Как-то во время одной из экскурсий по городу мы мимоходом осмотрели эти ладьи. Они стояли на суше, под навесом,— унылые, потускневшие и запыленные, словно отслужившие свой век и превратившиеся в музейные экспонаты. К празднику «Роял тод катин» лодки обычно приводят в порядок, заново раскрашивают.

И вот в тишине, нарушаемой лишь сигналами автомобильных сирен, доносящимися откуда-то из глубины города, на реке появляются ладьи—длинные, узкие, как пироги древних индейцев, они своими острыми носами напоминали волшебные корабли. Я насчитал их более сорока. Команды были разодеты в старинную военную форму. У каждой свой цвет: красный, синий, оранжевый... В отдельных лодках на веслах сидело до восьмидесяти гребцов.

Патпонг выступал в роли комментатора, рассказывал о предназначении той или иной ладьи, приводил их названия.

Особым великолепием отличалась сорокапятиметровая золотистая ладья короля Пумипона Адульядета «Шри Суп-паннахонг», нос которой был сделан в виде огромной птицы. Рядом, бок о бок, плыли «Ананта Нагарай» и «Анекчатпучонг», где находились члены семьи Рамы Девятого. В одной из лодок на специальном постаменте возвышался контейнер. В нём, по словам Патпонга, лежали хитоны, которые король раздаст монахам по прибытии в храм Арун. В этом заключалась конечная цель церемонии «Роял тод катин»—одарить служителей культа новыми буддийскими одеждами. Любопытная деталь: если в странах Западной Европы центральная власть, делая ценные подарки духовенству, исстари пыталась тем самым подчинить его своему влиянию, то в

Таиланде подобные подношения рассматривались и в определенной степени продолжают рассматриваться как священное действие, как обмен на духовные ценности—тхамму. Стоимость подарков отражает величину «заслуг» дарителя и его социальный статус.

Королевские ладьи «Шри Суппаннахонг», «Ананта Нагарай» и «Анекчатпучонг» со всех сторон были окружены лодками с барабанщиками, с приближенными Его Величества, знатью, высшими государственными чиновниками, полицейскими.

— Представьте себе,— продолжал Патпонг.— В конце семнадцатого века в процессии «Роял тод катин» принимали участие до двадцати тысяч человек! Четыреста ладей! Красота, степень роскоши, формы лодок зависели от положения, которое занимали их владельцы в обществе, от их титула, ранга, богатства.

Патпонг объяснил, что если «Роял тод катин» отмечают только в столице — на то он и «роял» (королевский) — то просто «катин» отмечается в стране повсюду. Причем обычно после подношения одежды монахам начинаются игры; наиболее распространенная «пленг рыа» — состязание острословов. Команды заранее готовятся к соревнованиям, иногда продолжающимся не только весь день, но и всю ночь. Запасаются едой, напитками, табаком. Мужчины и женщины находятся в разных лодках. Кто-нибудь первым бросает вызов, и, если противник его принимает, вокруг соперников останавливаются лодки со зрителями. Таких групп обычно образуется несколько. Игра начинается со взаимных любезностей, затем следуют вопросы и ответы. В «пленг рыа» много остроумных и насмешливых реплик. Например, мужчина просит девушку полюбить его; та отвечает: «Как можно полюбить человека, если после каждого его прихода у ее односельчан пропадает буйвол?» В противоборство двух команд может вмешаться третья. Пока вновь присоединившийся к игре поет, ведущий первой лодки делает вид, что ложится спать, его, мол, ничто не интересует, поворот событий не нов, все происходящее весьма скучно. Одновременно его товарищи дают понять, что их вожак достойный противник, и, как только настанет его очередь петь, они его разбудят...

Здесь, в кафе гостиницы «Ориентал», на берегу Чаупхраи, мы не чувствовали изнуряющей жары. Как-никак близко вода, над головой зонт, на мраморной столешнице бокалы с освежающим «айс ти». В город, в духоту, в пекло, выходить не хотелось. Мы решили дождаться возвращения ладей. Когда еще выпадет счастливая возможность стать свидетелем парада четырех десятков королевских лодок — процессии, которую Патпонг не без основания включил в свой список трех чудес Таиланда. Раздача одежды монахам происходит ежегодно, но далеко не всегда эту церемонию сопровождает парад ладей.

Чудес света было и остается семь. Все остальные — восьмые. Восьмым признавали Колизей и Александрийскую библиотеку, Пергамский алтарь и Пальмиру, Венецию и Петербург. К восьмому относят иногда Эйфелеву башню, Тадж-Махал, Ангкор, Паган, Баальбек, Великую китайскую стену, минареты Хивы и многое, многое другое. Таиланд в этом списке «претендентов», думается, обойден незаслуженно. Будда из храма Тримит, королевские ладьи пусть себе относятся к категории, как выразился господин Патпонг, чудес местного масштаба. Но что касается храма Пра Кео с помещенной в нем фигурой Изумрудного Будды, то он безусловно достоин занять подобающее место в перечне «неофициальных» чудес света.

Опасная трансформация

Накануне выборов в столичный муниципалитет по местной программе телевидения показывали документальные кинокадры, запечатлевшие Бангкок в тот период, когда он был лет на двадцать—двадцать пять моложе. Сопровождавший кинокадры дикторский текст подводил зрителей к нехитрому выводу: вот, дескать, какая странная и, прямо скажем, не очень комфортабельная жизнь ожидала бы нынешнее поколение бангкокцев, не проявляй власти постоянной заботы и внимания к проблемам благоустройства «Венеции Востока». Это привлекательное сравнение было прочно закреплено за Бангкоком из-за обилия каналов-клонгов, до конца XIX века служивших практически единственными транспортными магистралями. Когда рассказывают о Венеции, в мыслях каждого рисуется чудесный город на севере Италии, «город-амфибия»— без мостовых и тротуаров. Повсюду вместо улиц — каналы. Жителей Венеции не беспокоят рев автомобильных сирен и треск мотоциклов, лишь гондолы бесшумно скользят по зеркальной водной глади.

Бангкок восьмидесятых годов представляет собой совершенно иную картину, даже отдаленно не имеющую ничего общего с Венецией. Люди здесь ходят по самым обыкновенным тротуарам, а машины движутся по не менее обыкновенным мостовым. Между автомобилями, выписывая головокружительные виражи, стараясь во что бы то ни стало всех обогнать, снуют «самло»— трехколесные моторикши.

Ныне в столице Таиланда почти все каналы укрылись бетоном, уступили место широким улицам и зеленым бульварам. Казалось бы, действия городских властей можно только приветствовать: по настоянию санитарной инспекции они пошли на то, чтобы засыпать клонги, упрятать их под асфальт и тем самым избавиться от чудовищной сырости, разъедавшей Бангкок, серой плесенью покрывавшей здания, решительно покончить с нездоровым запахом пищевых отходов, которые повсюду сбрасывали прямо в воду.

Однако на смену одному злу пришло другое, еще более страшное с точки зрения последствий, которые с течением времени вырисовываются все с большей отчетливостью. «Город ангелов» опускается... Сантиметр за сантиметром, медленно, но неумолимо столица оседает, как бы «врастает» в землю. Бывшая «Венеция Востока» грозит превратиться в современную Атлантиду!

В 1970 году сотрудники Азиатского технологического института, впервые проверив жалобы горожан, утверждавших, что стены их домов из-за оседания грунта дают значительные трещины, установили следующее: за десять лет Бангкок «понизился» на целых пятьдесят два сантиметра. Причин этого бедствия несколько, но основными считаются две. Первая—бесконтрольное выкачивание грунтовых вод: через одиннадцать тысяч артезианских скважин для нужд города ежегодно поступает почти полтора миллиона кубометров воды. Вторая—ликвидация клонгов, которые служили довольно неплохой, как выяснилось, естественной дренажной системой.

Каждый год город оседает почти на десять сантиметров. Каждый год множится число районов таиландской столицы, опускающихся ниже уровня Чаупхраи. Ученые полагают, что, если немедленно не будут приняты эффективные меры, весь город к началу третьего тысячелетия окажется под водой.

Впрочем, под водой Бангкоку и сегодня приходится бывать не так уж редко. В сезон дождей столица как бы вновь превращается в «восточную Венецию».

«...Капот «тоёты» обдала желтоватая волна. В дверцу машины глухо, с всплеском ударила другая. Их гнал радиатором грузный автобус-экспресс, едва ползущий по затопленному проспекту... Бампер в бампер «плыли» рядом автомобили с зажженными среди дня фарами. У некоторых они светили из-под

воды. Мотоциклисты плескались в потоке, пытаясь завести захлебнувшиеся двигатели. Мутная жижа перехлестывала пороги лавочек...» Это рассказ очевидца «обычного» наводнения. А вот в 1975 году было зарегистрировано наводнение, о котором говорили как о катастрофе. Разбушевавшаяся стихия практически полностью парализовала инфраструктуру Бангкока, причинила материальный ущерб в сто двадцать пять миллионов батов; половина города в течение месяца была затоплена. На улицах и проспектах появились лодки. Ни о каком автомобильном движении и речи быть не могло. Припаркованные около тротуаров машины полностью, ушли под воду—из нее торчали только крыши; ребятишки добирались до них вплавь и вели свои беззаботные игры на импровизированных островках. Владельцы многих магазинов, лавок, кафе пытались строить баррикады из мешков с песком, из целлофановых пакетов, наполненных чем придется. Но тщетно — вода проникала внутрь, в помещениях плескалась испуганная рыба.

Спустя восемь лет стихийное бедствие 1975 года было вытеснено из памяти банкокцев самым разрушительным за последние четыре десятилетия наводнением. И самым продолжительным — оно длилось около пяти месяцев! Долго не забудут тайцы и чудовищного наводнения 1986 года...

В сухие периоды вряд ли кому придет в голову сравнивать сегодняшний Бангкок с городом на севере Италии. «Венеция Востока» канула в Лету. Но не все каналы исчезли. Небольшая сеть клонгов до сих пор сохранилась. Туристские проспекты о ней умалчивают. Каналы перестали быть достопримечательностью «города ангелов»; приезжим теперь не предлагают совершить по ним экскурсию. Исключение, пожалуй, составляет лишь «плавучий рынок», однако маршрут туда проложен таким образом, что трущобы Клонг Той и ему подобные остаются в стороне. Приезжим незачем заглядывать под внешне благополучную маску Бангкока.

В выходные и праздничные дни «плавучий рынок» функционирует особенно оживленно. Добраться до него не составляло труда: следовало лишь нанять прогулочный катер на пристани около отеля «Ориентал» и, миновав королевский дворец, Таммасатский университет, буддийские храмы, возвышающиеся на обоих берегах Чаупхраи, свернуть в клонг, который, извиваясь гигантской змеей, выводит любителей экзотики на «базар». Так мы и сделали.

Поездка была рассчитана на три часа, причем кроме «плавучего рынка» предстояло посетить храм Арун. Быстроходный катер резко обгонял «угольщикова», «перевозчиков», крестьянские баржи и сампаны, плоскодонки и другие плавсредства, груженные товаром. Лишь в одном месте взору открылись — нет, не трущобы — выстроившиеся вдоль берега среди пальм и бамбука, плотно прижавшиеся друг к другу деревянные домишки на сваях. В каждом от входа к самой воде спускались ступеньки. Двери и окна открыты, вернее они просто отсутствовали, их функции выполняли тростниковые занавески. Там, где занавески приподняты, можно было видеть полулежащих на полу у входа стариков с причудливыми трубками во рту — похоже, для марихуаны. Хозяйки жарили на соевом масле рис с чесноком в больших глубоких сковородках в форме полушарий. Мужчины были одеты в панунг — кусок материи, обмотанный вокруг бедер, женщины в пасин, тоже кусок материи, но прикрывающий еще и грудь. Возле уходящих в клонг ступеней резвились черные от загара дети. Многие, еще не умея ходить, научились плавать. Непременная принадлежность каждой хижины — маленькая, вроде игрушки, пагодка с «добрым духом», такая же, что стояла на «одной ноге» около дома Бунчая Понсакуна.

Петляя по каналу, над которым, словно это улица, висели на проводах электрические лампочки и фонари для вечернего освещения «проезжей части»,

мы вскоре добрались до «плавучего рынка». В нос резко ударил приторный аромат восточных сладостей, настоенный на крайне неприятном запахе. Так пахнут плоды дуриана. Тайцы очень любят дуриан: в стране выращивают свыше шестидесяти его разновидностей. Наибольшим спросом пользуются сорта «золотая подушка», «длинный черенок» и «гиббон». Сочные сладкие плоды, покрытые твердыми шипами, порой тянут на три килограмма. Определять степень их зрелости следует по запаху (от него, видно, и пошло название фрукта), запаху настолько неприятному—смесь гнилого лука с тухлыми яйцами, — что в Таиланде запрещено вносить плоды дуриана в некоторые общественные места, в отели, кинотеатры, провозить их в самолетах, на пассажирских судах.

«Плавучий рынок» — зрелище и впрямь сказочное. Сотни тайцев на всевозможных суденышках с моторчиком, а чаще всего с одним длинным веслом на корме, съехались сюда, чтобы, не выходя на берег, купить, продать или обменяться товарами, невероятное разнообразие которых трудно себе даже представить. Бананы, папайя, плоды манго, рамбутана, летчи, мангустина, сакодиллы, свежая и сушеная рыба, креветки, ювелирные и другие изделия из меди и черного серебра, тика и бамбука. Чем только не забиты «прилавки»! Чего только здесь не предлагали!

— Мистер, купите кольцо. Настоящее белое золото с аквамаринном!

— Мистер, возьмите виноград. Лучше, чем у меня, нигде не найдете.

— Мистер, попробуйте «малако».

Услышав знакомое «малако», я вспомнил забавный случай, который произошел с приехавшей впервые в Бангкок семьей одного советского специалиста. Как-то утром под окном виллы, где он поселился с женой и сыном, раздались выкрики: «Малако, малако!» Мамаша, сунув сыночку бидон и несколько батов, послала мальчика на улицу. Тот вскоре вернулся, но без молока. Зато в руках он тащил продолговатый зеленый плод папайи, которая по-тайски звучит как «малако».

Торговцы и торговки в широкополых соломенных шляпах, предохраняющих от солнечного удара, с деревянными обручами внутри, для того чтобы шляпа не прилегала вплотную к голове, наперебой расхваливали и протягивали свой товар. На «плавучем рынке» нелегко удержаться от соблазна. Вместе с моим товарищем и коллегой по работе мы приобрели по медному брелочку для ключей — крокодилов на цепочке — и, поскольку наступило обеденное время, съели цыплят-табака, приготовленных на наших глазах. Нам приходилось пробовать их и раньше. В Бангкоке их жарят прямо на улице. Остро наперченного, натертого чесноком цыпленка распластывают, зажимают концом расщепленной бамбуковой палки и пять—десять минут вертят над раскаленными углями. Цыпленка мы запили холодным кофе, который один из лодочников разливал в целлофановые пакеты, вставляя в них соломинки и накрепко связывая «под горлышко».

На обратном пути, когда наш катер вынырнул из клонга — густая крона нависших над головой пальм делала его похожим на туннель — и весело помчался по залитой солнцем поверхности Чаупхраи, оставляя за собой белую полосу пены, мой спутник спросил:

— Ну как цыпленок?

— Отличный,— искренне ответил я.

— Хочешь, раскрою секрет?

— Валяй,— пробормотал я, предчувствуя какой-то подвох.

— Это был не цыпленок.

— Не может быть! А что же?

— Лягушка!

Мне стало дурно. С минуту я сидел, словно окаменев.

— Лягушка! Почему же ты раньше молчал?

— Не хотел расстраивать,— был ответ.— Видел, с каким аппетитом ты уминал «цыпленка-табака».

— Так значит, я и прежде ел эту гадость?

— Конечно. Но пожалуйста, успокойся. Лягушки не простые. Их специально выкармливают. Деликатес!

Как я уже сказал, в прогулку по клонгам входил также осмотр храма Арун. Обнесенный белой каменной стеной, он стоит на самом берегу реки словно крепость. В его архитектурный ансамбль помимо центральной основной группы из пяти ступ разной высоты входят несколько крытых галерей—для хранения изображений Будды и священных текстов, и навесов, под которыми верующие могут переждать дождь, спрятаться от солнца.

Несмотря на жару, я полез по узкой лестнице на вершину центральной восьмидесятиметровой башни храма, откуда открывался вид на Бангкок. Вдали были видны ват Пра Кео; ват По, стены которого расписаны сюжетами из мифологии, астрономии, медицины и географии; Золотая гора, где, согласно преданию, находятся останки Будды; резко контрастирующие с культовой архитектурой современные отели «Дусит-тани», «Рама», «Шератон».

Любуешься красотами «города ангелов», вглядываешься и восхитительную панораму тайландской столицы и с горечью думаешь о том, что в один прекрасный день все эти замечательные творения рук человеческих могут быть стерты с лица земли. Они исчезнут, если не прекратится бесконтрольное выкачивание грунтовых вод, если срочно не будут найдены новые источники водоснабжения города. Создание эффективной дренажной системы и строительство плотин — единственное спасение города. В противном случае оправдаются самые мрачные прогнозы специалистов: «восточная Венеция» превратится в современную Атлантиду.

О чем умалчивают туристские проспекты

Можно ли на участке размером один гектар дать полное представление о стране, площадь которой уступает Франции всего на каких-нибудь тридцать три тысячи квадратных километров?

Можно ли на таком сравнительно крошечном клочке земли наглядно и всеохватно представить, как живет народ Таиланда, рассказать о флоре и фауне этой страны, о сельском хозяйстве и промышленности, о культуре и искусстве, национальных спортивных играх и еще о многом, что в совокупности определяет лицо государства?

Путеводитель по Тимленду отвечает на все эти вопросы утвердительно.

Что такое Тимленд?

Если данную аббревиатуру (предварительно отделив от нее слово «лэнд», в английском языке означающее, как известно, «земля» или «страна») сначала раскрыть, расшифровать, а затем перевести на русский, то получится «Таиланд в миниатюре».

Каждый, кто прибывает в Бангкок самолетом, невольно обращает внимание на огромную красочную рекламу, находящуюся приблизительно на полпути между аэропортом «Донмыанг» и собственно столицей. Плакат с изображением слонов, перетаскивающих бревно, призывает посетить Тимленд, и поставлен он в том месте, где от основной автомагистрали отходит в сторону узкая проселочная дорога, заманчиво и таинственно скрывающаяся в густых зарослях. И конечно, каждому любопытно и интересно узнать, что же представляет собой на деле загадочный «мини-Таиланд»...

Машина медленно ползла по пыльной дороге, проложенной среди плотного невысокого кустарника и разнокалиберных пальм. То тут то там на обочинах попадались высушенные солнцем змеи, раздавленные колесами автомобилей. Вскоре мы подъехали к высоким, красного цвета воротам из полированного тика, покрытым ажурной резьбой. Золотые буквы свидетельствовали о том, что по другую сторону ворот находился «Тимленд». Поставив машину под специально оборудованным навесом и пройдя нехитрую процедуру, в результате которой каждый из нас лишился ста батов, а взамен приобрел входной билет, мы оказались на территории «Таиланда в миниатюре».

Согласно программе, полученной при входе, до начала представления оставалось еще около часа. А пока следовало осмотреть Тимленд самостоятельно. Первым, с чем предстояло ознакомиться, был процесс выращивания и обработки риса...

Таиланд—страна аграрная, и абсолютное большинство ее жителей (около семидесяти процентов самодеятельного населения) занимается сельским хозяйством, которое дает двадцать пять процентов валового национального продукта⁹. Главная культура — рис, ежегодное производство которого составляет двенадцать-тринадцать миллионов тонн. Под этой культурой занято почти девяносто процентов обрабатываемой площади.

Участок земли в экспозиции Тимленда, где «выращивали» рис, был разбит на несколько маленьких квадратов, наполненных водой и отделенных друг от друга невысокими насыпями. В одном из квадратов крестьянин в панунге и соломенной шляпе пахал землю. Почти по колено в мутной жиже, он ходил за плугом, который тащил буйвол: зрителям демонстрировали способ взрыхления почвы.

Примитивный плуг, деревянная соха, кетмень, мотыга и серп—вот, пожалуй, и все орудия сельскохозяйственного производства многих крестьянских семей. Никаких современных механизмов, никаких машин для облегчения тяжелого ручного труда. Впрочем, машины и механизмы есть: тракторы, опрыскиватели, молотилки... Вопрос в том—у кого.

В стране господствует полуфеодалное землевладение. В целом, все шире испытывая воздействие капитализма, таиландская деревня продолжает оставаться отсталым сектором хозяйства, для которого характерны отсутствие у главной массы трудящихся основных средств производства, концентрация их в руках немногочисленных эксплуататоров. Вместе с тем аграрный строй Таиланда отличается некоторыми специфическими особенностями: в нем преобладает парцеллярное (семейно-индивидуальное мелкотоварное) крестьянское хозяйство. Масштабы крупных земельных владений здесь меньше, чем в других развивающихся странах, весьма значительна прослойка середняков, почти нет иностранного землевладения.

Двадцать пять процентов крестьянских семей вообще не имеют земли. Им приходится арендовать ее у помещиков. Непомерные налоги и эксплуатация со стороны торгово-ростовщического капитала превращают сельских тружеников в самую бедную и угнетаемую часть населения. Производит рис каждая семья, как правило, в одиночку. Однако даже если сил и средств для выращивания урожая семье хватает, то приобрести современные орудия производства единолично совершенно невозможно. Таиландскому крестьянину подобная роскошь не по карману. Все это конечно же не может не сказываться на производительности труда в сельском хозяйстве: она в Таиланде очень и очень низкая.

⁹ Из пятидесятимиллионного населения Таиланда в городах проживает лишь девять миллионов человек.

В стране, правда, действуют кооперативы. Но цель, которую преследуют большинство из них,— отнюдь не совместное ведение хозяйства. Возникли такие объединения более полувека назад для содействия крестьянам в деле продажи части урожая, организации поставки им товаров первой необходимости по льготным ценам. В снабженческо-сбытовых кооперативах насчитывается полтора миллиона человек.

С начала пятидесятых годов развитие сельского хозяйства в Таиланде шло в течение почти трех десятилетий главным образом экстенсивным путем: за это время освоенная площадь увеличилась примерно в три раза — более чем с шести миллионов гектаров до семнадцати. Специалисты полагают, что резервы прироста годных для распашки земель практически исчерпаны. Необходимо интенсифицировать сельское хозяйство, повсеместно создавать кооперативы широкого профиля. Несколько таких кооперативов уже действуют; обработка земель в них ведется сообща, размеры фондов позволяют покупать трактора, в том числе и хорошо зарекомендовавшие себя машины с маркой «Сделано в СССР». В перспективе планируется создавать так называемые образцовые деревни — в три стадии. На первой стадии крестьянам будут предоставляться земельные наделы, обеспечивающие необходимый прожиточный минимум; строительство коммунальных сооружений будет находиться в ведении провинциальных властей. На второй стадии государство поможет сельским труженикам наладить и улучшить системы общего и профессионального образования, здравоохранения. Третья стадия предусматривает кооперирование в вопросах капиталовложений и сбыта продукции.

Вряд ли кто из таиландских крестьян отказался бы переселиться в подобные деревни, однако они пока что существуют лишь в проекте, на бумаге соответствующего министерства. Действительность же современной деревни далека от этих планов. С рассветом выходит крестьянин на рисовое поле и покидает его затемно. Пригнувшись к земле, медленно передвигается он по колену в воде под палящим солнцем. Редко увидишь на поле быка, еще реже трактор.

Но вернемся к нашей экскурсии по Тимленду. В другом квадрате рисового поля женщины высаживали светло-зеленую рассаду риса. Быстрыми ловкими движениями они втыкали молодые побеги в землю на расстоянии двадцати—двадцати пяти сантиметров один от другого. Тут же демонстрировалось устройство, с помощью которого повсеместно крестьяне качают воду из каналов на поля: двое молодых ребят, нажимая на деревянные, наподобие велосипедных, педали, приводили в движение цепь с насаженными на нее лопастями; вода плавно струилась по желобам.

В последнем отделении «павильона рисоводства» показывали, как серпами срезаются созревшие стебли, как они связываются в небольшие снопы. Затем стебли раскидывали на расположенной рядом площадке, посередине которой был врыт кол. Это ток. К колу был привязан буйвол; он лениво ходил по кругу и топтал стебли, выбивая из них «падди» — неочищенный рис. Чуть в стороне, под навесом, несколько молодых ребят, окружив большой чан, наполненный рисом, поочередно били деревянными молотами по зерну. Они старались попасть непременно в центр, чтобы рис не разбрасывался на землю. Похоже, так молотили еще в прошлом веке.

Обрабатываемый в Тимленде рис скорее всего идет на кухню, где готовят еду для работников «мини-Таиланда». А вот урожаи риса, выращенного за пределами Тимленда, в хозяйствах крестьян, не объединенных в кооперативы, оказываются либо в амбарах помещиков, о чем говорилось выше, либо в руках посредников и спекулянтов, которые сбывают сельскохозяйственные продукты по

ценам, во много раз превышающим покупные. И хотя правительство выделяет фонды, осуществляет программы, направленные на поддержание крестьянских хозяйств, поощряет создание кооперативов, крестьяне в общей своей массе продолжают оставаться неимущими. Стремясь освободиться от долговой кабалы, часть их по примеру Бунчая Понсакуна бежит в город, лелея мечту вырваться из тисков бедности, другие предпочитают борьбу. В местных газетах нередко появляются сообщения, что в такой-то провинции фермеры выступили против помещика, в таком-то районе они провели митинг, требуя увеличения закупочных цен, в такой-то волости крестьяне расправились с перекупщиками.

Земельный вопрос стоит в Таиланде чрезвычайно остро. Еще в 1975 году был принят закон об аграрной реформе, согласно которому в течение трех последующих лет намечалось перераспределить шесть с половиной миллионов раев. Однако до сих пор безземельным и малоземельным семьям не выделено и половины предусмотренных площадей. Крупные помещики, объединяясь с торговцами-спекулянтами, всеми силами противятся правительственным реформам, идут в обход принимаемых властями указов, выискивают лазейки, чтобы удержать свои позиции,— все это в конечном счете оборачивается дальнейшим разорением мелких хозяйств, не столь, может быть, быстрым, как прежде, но неуклонным.

Таиланд издревле славится изделиями из бронзы, ценной древесины, из особой глины — селадона, шелковыми тканями, драгоценными и полудрагоценными камнями, используемыми в ювелирном деле. Все это мы увидели в одном из демонстрационных залов Тимленда. Часть его была отведена под цех керамики. Несколько мастериц, ловко вращая ногами гончарные круги, быстро изготавливали глиняные тарелки, вазы, горшки; другие лепили фигурки людей, рыб, животных, делали пепельницы, подсвечники, подставки для настольных ламп. Художники после обжига тут же раскрашивали сувениры, покрывали их лаком — каждый посетитель мог приобрести таиландский селадон прямо «с огня».

Половина следующего помещения была заставлена ткацкими станками. Старыми и допотопными. Впечатление такое, будто они попали в Тимленд из глухой деревни начала прошлого столетия. Тем не менее из-под рук ткачих выходила узорчатая шелковая материя, восхищавшая нежным и тонким восточным орнаментом, удивительно приятным подбором красок.

В том же зале была устроена выставка национальных музыкальных инструментов — их насчитывалось приблизительно шестьдесят видов. Мы с интересом разглядывали ангалун, чакау, гон вонг йай... Последний, к примеру, являл собой набор из полутора десятков гонгов, подвешенных на круговой раме, внутри которой размещается исполнитель. В экспозиции были представлены пинай, по звучанию напоминающий шотландскую волынку; талон — двойник индийского тимпана; клонг тьяд — барабан китайского происхождения; такау — внушительного размера гитара; ренад ек — ксилофон в форме речной ладьи, сделанной из крепких пород дерева; скрипки сау дуанг, сау о, сау сам сай, монотонно-печальные звуки которых так нравятся таиландцам. Сау сам сай, состоящая из треугольной скорлупы кокосового ореха, грифа слоновой кости и трех шелковых струн, пожалуй, наиболее распространенный в стране струнный музыкальный инструмент. Рассказывают, что едва ли не главным увлечением правившего Сиамом в начале минувшего века короля Рамы Второго была игра на сау сам сае. Его замечательный инструмент сравнивали со скрипкой Страдивари. За удивительную чистоту и нежность звучания король назвал его «Сверкающим». Где он сейчас, никто не знает. Оптимисты настаивают на том, что когда-то «Сверкающий» был помещен в столичный Национальный музей и, если

хорошенько порыться в его хранилищах, он наверняка обнаружится среди заброшенных экспонатов; скептики же полагают, что все это выдумки — такого инструмента и в помине не существовало. Осмотр экспозиции сопровождался тихой, льющейся из репродукторов музыкой. Надо сказать, что для тайцев, как и для других народов Юго-Восточной Азии, музыка является важным элементом времяпровождения. Любое мероприятие — праздник урожая или свадьба, рождение или кремация, религиозное торжество или спортивное состязание — не обходится без приглашения группы оркестрантов, иногда профессионалов, а чаще всего любителей, пользующихся неизменным уважением среди сограждан.

Европейцам сиамская национальная музыка обычно кажется несколько заунывной и однообразной, но среди жителей Таиланда, особенно в провинциях, традиционные народные мелодии очень популярны. Необычность музыки вызвана тем, что в октаве, при равномерном расположении семи полных тонов, отсутствуют как полутона, так и система гармонии; красота того или иного произведения заключена только в прелести основной темы, которую исполнители заучивают на слух и разнообразят импровизацией.

В стране широко распространены и европейские музыкальные инструменты. Они стали проникать в Сиам с конца XIX века, с ними же пришли и принципы западной музыкальной гармонии. В 1891 году, во время визита русской миссии в Бангкок, королевский военный оркестр впервые исполнил на балу «Сиамскую кадрили», произведение, написанное в европейской манере. С того времени и вплоть до наших дней тайландским композиторам не чужда западная музыка, отдельные принципы которой они переносят на национальную почву.

Время, отведенное на самостоятельный осмотр Тимленда, истекало, до начала представления оставалось несколько минут, и мы, следуя примеру остальных посетителей «мини-Таиланда», направились к центральной площадке. Путь наш лежал мимо аквариумов, где плавали рыбки и рыбыны всевозможных цветов и размеров, мимо террариумов, кишевших ящерицами, змеями и крокодилами, мимо клеток со сказочными птицами, сиамскими котами, обезьянами — гиббонами, макаками, лангурами, долгопятами.

Первым номером программы, которую нам предложили в Тимленде, были народные танцы. На лужайке появилось не менее ста девушек в пестрых, переливающихся на солнце национальных костюмах. Смотришь на танцовщиц и понимаешь, что не зря Таиланд издавна считается страной красивых женщин.

Тайские танцы... Спокойные, плавные, неторопливые и вместе с тем очень выразительные. Глядя на девушек, представляешь: вот сейчас они ткнут шелк, теперь собирают урожай, вытаскивают сетями рыбу. Зрелище яркое, красочное. На головах у танцовщиц конусообразные шапочки. В такт музыке девушки делают движения пальцами с надетыми на них длинными бронзовыми наконечниками...

Затем была показана работа слонов. Обычная, каждодневная работа, которую эти могучие животные выполняют во многих тайландских провинциях. Два слона принесли откуда-то десяток бревен, аккуратно сложили их штабелем, подровняли хоботами и столкнули в небольшой пруд, после чего проделали ту же операцию, только в обратном порядке — словно в кино, когда по недосмотру раззявы механика пленку пускают задом наперед: слоны выловили лесины из воды, сложили штабелем, подровняли хоботами и неторопливо куда-то унесли.

Далее мы стали свидетелями петушиного боя, схваток воинов на тайских мечах «краби-крабонг» (дословно — «палка-шест»), на копьях, просто на палках; видели, как укрощают королевских кобр.

Представление завершила сцена из классической танцевальной драмы в масках, по-тайски — «кхон».

Трудно сказать, когда зародилось искусство «кхон». Доподлинно лишь известно, что более шести веков назад, в период Сукхотаи, постановки «кхон» уже существовали. Правда, тогда, как и позднее, во времена Аюттхаи, «кхон» ставился только избранными и только для избранных. Это было искусство придворное, и принимать участие в спектаклях-пантомимах могли лишь принцы, министры, члены королевской семьи, приближенные монархов. И только мужчины! К прошлому веку, уже в бангкокский период, «кхон» «вышел» из дворцов на улицы и площади. Спектакли с участием актеров уже обоюбого пола разыгрывались на открытом воздухе, причем нередко в них принимали участие слоны. Сейчас «кхон» — популярнейшее народное представление. Тайский вариант знаменитого индуистского эпоса «Рамаяны» — «Рамакиан» да эпические поэмы «Махабхараты» служат чуть ли не единственными источниками тем для «кхон». А для того, чтобы показать на сцене весь спектакль «Рамакиан» от начала до конца или разыграть в лицах восемьдесят пять тысяч двустиший (шлок) «Махабхараты», требуется не один вечер и даже не одна неделя!

Перед нами прошла заключительная сцена сиамской версии «Рамаяны» — жестокая битва между обезьянами, которые помогали принцу Рама вернуть прелестную Ситу, и демонами, слугами десятиглавого царя ракшасов Раваны, похитившими красавицу царевну. Танцы сопровождалась громкой тревожной музыкой, актеры исполняли невероятные акробатические кульбиты. Все участники спектакля были в разноцветных масках: Рама — в зеленой, его сводный брат Лакшман — в золотой, Сугрива, царь обезьян, — в красной, Хануман, мудрый советник Сугривы и предводитель обезьяньего войска, — в белой. Боги и богини были украшены коронами и тиарами. Военачальник ракшасов, с которым сражался Хануман, кроме жуткой маски с кривыми клыками носил пирамидальный головной убор, на котором в три ряда были прикреплены маленькие маски, символизировавшие способность демона к превращению в другие существа. Вообще для персонажей «кхон» существует бесконечное множество различных масок; для одних только демонов их более сотни.

Помимо «кхон» в Таиланде существует театр «лакхон», где актеры выступают без масок, но сильно загримированы. Популярен также теневой театр — «нанг». Эта наиболее древняя форма театрального искусства упоминается в хрониках 1458 года. Слово «нанг» в переводе с тайского означает «кожа». Изображения героев для спектаклей «нанг» и даже целые сцены сначала рисуют на специально выделанной буйволиной коже, а затем вырезают и раскрашивают. Фигуры, освещаемые в вечернее время лампами сзади, отбрасывают тени на прикрепленный прямо на улице к столбам экран из тонкого полотна длиной около пятнадцати и шириной от четырех до шести метров. По обе стороны от экрана рассаживаются музыканты, певцы, декламаторы. Передвигая фигуры, актеры танцуют, по ходу действия декламаторы объясняют зрителям смысл пьесы, поступки того или иного героя. Обычно фигуры «нанга» окрашены в черный цвет, но они могут быть и цветными — для дневных представлений, которые даются не за экраном, а перед ним. В последние годы число трупп театра «нанг» сильно сократилось, это искусство даже в провинциях вытеснил кинематограф. Отмирает и некогда знаменитый марионеточный театр «хун».

Наиболее распространенными из современных театральных жанров считаются «ликхэй» — небольшие представления в основном на исторические темы (исполняются, как правило, при посвящении в монахи, во время праздников) и «ламтад» — комедии, отличающиеся злободневностью, в ходе которых актеры постоянно импровизируют, состязаясь друг с другом в остроумии.

Осмотр Тимленда закончился. Мы узнали, что такое «Таиланд в миниатюре». Однако нам показали лишь частичку страны, причем выбранную специально для туристов. Многие еще надо было посмотреть самому, пощупать руками, попробовать, как говорится, «на зубок». Мозаика личных наблюдений, сравнений, сопоставлений фактов с официальными данными поможет окончательно восполнить пробелы, нампронно не замеченные инициаторами «мини-Таиланда».

Монах из Сингапура

Он был застрелен в одном из старых кварталов Бангкока, там, где еще сохранилась беспорядочная сеть клонгов. Почти у самого дома его автомобиль нагнал микроавтобус, в салоне которого скрывались несколько человек. Прогремела автоматная очередь. Раздался звон разбитых стекол, завизжали тормоза. Потеряв управление, автомобиль круто развернулся и минуту спустя рухнул в канал, мутные воды которого поглотили его вместе с водителем... Так трагически оборвалась жизнь известного всей стране борца за демократию и социальную справедливость тридцатидевятилетнего доктора философии, профессора Бунсанонга Буниотаяна.

Полиции скоро удалось напасть на след преступников. Расследованием было установлено, что двое из четырех арестованных, учинивших расправу над Буниотаяном, являлись членами крайне правой группировки «Навапон», которая наряду с такими организациями, как «Черный слон» и «Красные быки», «специализировалась» на террористических актах.

А спустя семь месяцев после убийства Бунсанонга Буниотаяна местная реакция, подстрекаемая силами международного империализма, ввергнув страну в пучину очередного военного переворота, нанесла, как отмечали зарубежные обозреватели, «смертельный удар по тайландскому эксперименту».

Начало «эксперименту» было положено в середине октября 1973 года, когда четыреста тысяч жителей Бангкока в ответ на призыв штаба демократически настроенной молодежной организации — Национального студенческого центра — вышли на улицы столицы. Над колоннами развевались плакаты: «Долой американских «джи ай»!», «Да здравствует конституция!» Трудящиеся требовали ликвидации односторонней ориентации тайландского правительства на США, закрытия военных баз, созданных Пентагоном на территории «страны улыбок», безотлагательного проведения в жизнь ряда социальных реформ.

Демонстрантов встретили свинцом и штыками. По приказу начальника полиции участников манифестации ослепляли слезоточивым газом, давили танками и бронетранспортерами, поливали свинцовым градом с вертолета. Двое суток в Бангкоке продолжались ожесточенные бои. Но уже ничто не могло спасти прогнивший режим «кровавых маршалов» — так народ прозвал премьер-министра Танома Киттикачона и его заместителя Прапата Чарусатиена. Трудящиеся одержали победу. Главари хунты бежали за границу: Киттикачон нашел себе приют в США, Чарусатиена приласкали на Тайване.

К власти пришло гражданское правительство. Однако сорок лет военно-полицейской диктатуры не прошли бесследно. Несмотря на прилагаемые усилия, кабинет министров, который вначале возглавил Сания Дхармасакти, потом Сени Прамот, затем его младший брат Кыкрит, не смог излечить страну от тяжелых недугов, оставшихся ей в наследство от «черных десятилетий». Не так-то просто оказалось вырваться «государству свободных» из «дружеских объятий» американского империализма.

Таиланд не только «страна улыбок». Коренное население называет свою родину Пратет-тай, что переводится как «государство свободных». В самом деле, за всю свою многовековую историю Сиам никогда не терял независимости, суверенитета и в отличие от соседей не значился в списках колониальных владений какой-либо капиталистической державы. Вместе с тем этот факт не означает, что страна по счастливому стечению обстоятельств выпала из политической игры международного империализма, игры под названием «экспансионизм», ставками в которой являются целые народы и государства.

Итак, формально Пратет-тай всегда оставался свободным. А на практике? В середине прошлого века Великобритании удалось путем всевозможных интриг и угроз навязать Сиаму первое неравноправное соглашение, по которому английские купцы получили возможность бесконтрольно хозяйничать на территории своего партнера. Это был далеко не конец безжалостной игры, а лишь самое ее начало: в столицах европейских держав быстро перетасовывались карты— и за короткий срок документы, официально закреплявшие бесправие Сиам, легли в несгораемые шкафы соответствующих ведомств Парижа и Вашингтона, Копенгагена и Осло, Стокгольма и Рима.

А формально страна числилась в реестре свободных. Она была «свободной», когда в годы второй мировой войны здесь всем заправляли японские милитаристы, диктовавшие Бангкоку внешнюю и внутреннюю политику; оставалась «свободной» и по окончании войны, когда выбор Вашингтона пал на Сиам как на своего «преданного и надежного союзника» в Юго-Восточной Азии.

Надо сказать, что Сиам всегда приковывал внимание Белого дома, который видел в нем важный стратегический объект, откуда щупальца американского спрута легко могли протянуться в другие страны региона. Предпринимались и практические шаги. Чего стоит, например, ловкий пируэт, мастерски исполненный «акробатами» с берегов Потомака во время второй мировой войны!

...В январе 1942 года Таиланд, заключив соответствующий пакт с Токио, объявляет войну Соединенным Штатам и Литии. Вскоре японские империалисты уже хозяйничают в Бангкоке и других крупных городах страны. Они ведут себя совсем не как союзники, а как настоящие завоеватели: руками местного населения строятся военные объекты, необходимые Токио, «оккупанты» захватывают банки и торговые фирмы, предприятия и рудники. В стране разворачивается мощное освободительное движение. До самого конца войны японские войска оставались в Таиланде.

Вот тут-то и стала явной игра американской дипломатии. Спекулируя на патриотических чувствах тайландцев, президент США в августе 1945 года заявляет о том, что США никогда не считали Таиланд врагом, а посему не признавали факта объявления им войны со стороны Бангкока.

Здесь необходимо небольшое отступление...

Дело в том, что в начале сороковых годов будущий премьер-министр Таиланда Сени Прамот, возглавлявший дипломатическую миссию Сиам в США, отмежевался от внешнеполитического курса лидеров, стоявших у власти в Бангкоке, и из-за границы возглавил борьбу своего народа против японской «оккупации». Он категорически отказался передать государственному департаменту в Вашингтоне заявление своего правительства об объявлении войны Соединенным Штатам. Данное обстоятельство и послужило для Белого дома поводом к тому, чтобы не только не признать в лице Таиланда противника, но даже выставить эту страну жертвой японской агрессии. «Великодушие» правительства Трумэна объяснялось просто. До войны инвестиции американского капитала в Сиаме составляли всего три миллиона долларов; доля США (вместе с Канадой) в его импорте не превышала семи, а в экспорте — одного процента.

Старые убытки можно было легко списать в расчете на куда более серьезные выгоды.

Для закрепления психологическо-дипломатического успеха Соединенные Штаты предприняли чуть позже еще один, не менее ловкий ход. Они вмешались в переговоры между Англией и Таиландом, в ходе которых Лондон стремился навязать Сиаму двадцать одно требование, превращавшее Бангкок фактически в колонию. Переговоры вначале велись на Цейлоне (Шри-Ланка), в городе Канди, затем были продолжены в столице США. Участие в них представителя госдепартамента привело к тому, что Англии пришлось значительно умерить свой аппетит. Надо отдать должное дипломатии США — она ловко сыграла на патриотических чувствах тайландцев, которые, вполне естественно, были в высшей степени рады, что у них нашелся такой всемогущий «покровитель и защитник», как Соединенные Штаты.

Первые послевоенные годы. «Раздобывшиеся» американцы предлагают за сиамский каучук более высокие цены, чем за лучший по качеству каучук, традиционно добываемый и импортируемый из Британской Малайи. Затем США нежданно-негаданно дают вдруг не по-хозяйски щедрую плату за скопившиеся в Таиланде запасы олова и оловянного концентрата. В 1949 году вконец «расщедрившийся» Вашингтон снимает секвестр с сиамского золота (сорок три миллиона долларов), хранившегося со времен войны в Японии; в том же году Таиланд благосклонно принимают в контролируемый Соединенными Штатами Международный банк реконструкции и развития—страна получает весьма ощутимые денежные займы. Словом, потекли доллары в мощную местную буржуазию, «сильных мира сего», от которых взамен требовалось одно: ориентация на США и установление в Таиланде твердого антикоммунистического режима.

В ответ на «высокое доверие» бангкокские власти в числе первых в регионе откликнулись на призыв Белого дома начать интервенцию против Кореи: за определенную мзду они посылают туда четыре тысячи солдат, что составило восьмую часть их тогдашней армии. Трудно было себе представить, что эта акция совершена тем самым Бангкоком, который прежде активно выступал на стороне национально-освободительных движений народов Юго-Восточной Азии; тем самым Бангкоком, который предлагал французам начать деколонизацию региона и предоставил политическое убежище членам правительства Лаоса после того, как войска Патет Лао потерпели поражение от иноземных захватчиков. Немыслимо было поверить, что американскую агрессию в Корею поддержал тот самый Таиланд, по чьей инициативе чуть раньше в Бангкоке была образована Лига стран Юго-Восточной Азии для совместной борьбы за независимость. И вот по истечении нескольких лет Таиланд не только предаёт общие национально-освободительные интересы, но и отходит от международного нейтралистского движения, отказывается даже участвовать в знаменитой Делийской конференции стран Азии и Африки (лишь в последний момент он послал туда наблюдателя). Столь крутой поворот политического штурвала — результат совершенного в ноябре 1947 года государственного переворота, свержения буржуазно-демократического правительства и установления военной диктатуры во главе с фельдмаршалом Пибун Сонграмом.

Из-за океана Бангкоку время от времени подбрасывали крупные и мелкие подачки. Он их охотно принимал и отрабатывал. Оказывал, в частности, помощь марионеточным властям Лаоса, открыто выступал против тамошнего Фронта освобождения, активно проповедовал идею создания антикоммунистического буддийского «оборонительного» блока. Идея эта, правда, провалилась, но с Лаосом Бангкок все же заключил договор о торговле, который по сути дела явился ширмой для массового экспорта (через Таиланд) американского оружия лаосским

ставленникам международного империализма. Повинуясь команде из-за океана, правящая верхушка Таиланда была готова начать вооруженный поход против соседей. Однако такая экстремальная акция требовала, говоря юридическим языком, «казуса белли» — повода к войне. Дабы прикрыть свою враждебность, закамуфлировать планы возможного ввода в страну иностранных войсковых контингентов с последующим их вторжением в Восточный Индокитай, Таиланд подает жалобу в Совет Безопасности ООН: на него, дескать, надвигается «красная опасность» и «коммунистическая угроза». Но... Женевская конференция пяти великих держав 1954 года, в ходе которой были подписаны соглашения о прекращении военных действий в Индокитае и о политическом урегулировании в регионе, спутала карты тайландской буржуазии и реакции. Долларовый дождь обещал смениться засухой. В Бангкоке заволновались. Однако напрасны были страхи: эскулапы из Белого дома не дали больному зачахнуть — последовала очередная денежная инъекция, которую Таиланд оплатил согласием на сколачивание милитаристского блока СЕАТО со штаб-квартирой в Бангкоке. Опираясь на эту организацию (в нее вошли США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан), Вашингтон и Бангкок развернули яростную кампанию против других государств Индокитая, применяя все виды давления и нажима: от экономической блокады до прямого вооруженного вторжения в соседние страны.

Кульминационный момент «преданности и надежности» относится к периоду развязанной Пентагоном агрессии во Вьетнаме. Получив серию долларовых подачек в виде так называемой безвозмездной помощи, Таиланд взамен вынужден был поступиться своей независимостью и превратиться в форпост американской авантюры, направленной против миролюбивых народов Индокитая. Соединенные Штаты Америки уготовили Бангкоку роль первой скрипки. Согласно расписанной за океаном «партитуре», страна за непродолжительный отрезок времени была превращена, по словам руководителей Белого дома, в «непотопляемый авианосец Пентагона».

К концу 1968 года в Таиланде насчитывалось более шестидесяти американских стратегических объектов, в том числе семь крупных военно-воздушных баз и военно-морская — Саттахип. Здесь были расквартированы пятьдесят тысяч заокеанских солдат и офицеров; в Южный Вьетнам был направлен сиамский полк «Королевская кобра», а затем дивизия «Черные леопарды» — всего двенадцать тысяч обученных наемников. Таиландские летчики пилотировали доверенные им самолеты 7-28, вторгались в воздушное пространство соседних стран в рамках выработанной в Вашингтоне пресловутой программы «азиатизации» войны, то есть уничтожения азиатов руками самих азиатов. За двенадцать тысяч солдат Соединенные Штаты Америки заплатили своему партнеру тридцать миллионов долларов!

Финал американской авантюры во Вьетнаме общеизвестен. США, потерпев позорное фиаско, вынуждены были сесть за стол переговоров, которые завершились 27 января 1973 года подписанием в Париже соглашения о прекращении войны. Лучи мира осветили истерзанную землю Индокитая. К голосу разума вынужден был прислушаться и Таиланд. «Непотопляемый авианосец» дал течь.

После октябрьских событий 1973 года Таиланд вступил на путь преобразований, в определенной степени отразивших настроения демократической общественности. Гражданское правительство настояло на закрытии всех американских баз, на полном выводе «джи ай» из страны. Летом 1975 года распался военный блок СЕАТО, просуществовавший свыше двадцати лет. В интересах широких слоев национальной буржуазии кабинет министров

пошел на установление торговых связей с некоторыми социалистическими государствами: ГДР, Венгрию, Польшу и Румынию посетила представительная делегация; возрос товарооборот с Советским Союзом.

Позитивные преобразования коснулись и внутренней политики. Принятая конституция заметно ограничила влияние верхушки армии, были предприняты конкретные шаги по борьбе с коррупцией, частично проведена земельная реформа, разрешены деятельность профсоюзов и политических партий (кроме Коммунистической партии Таиланда), издание ряда левых газет и журналов.

Однако приверженцы свергнутого военно-полицейского режима не сложили оружия, они всячески сопротивлялись реалистическому курсу гражданского правительства. Правые всеми правдами и неправдами старались вернуть прежние позиции. Сторонникам демократии приходилось действовать в сложных социально-политических условиях. В стране не существовало достаточно влиятельного антиимпериалистического фронта, который мог бы объединить прогрессивные организации.

Ощущая поддержку некоторых военных кругов Таиланда, заинтересованных в сохранении американского присутствия, Вашингтон попытался оставить здесь свои опорные пункты и часть войск: хотя к концу 1975 года все самолеты ВВС США покинули территорию Таиланда, там оставалось временно около восьми тысяч «джи ай» — на базе в Утапао. Реакция активизировала антивьетнамскую кампанию; на границе с Лаосской Народно-демократической Республикой тайскими правыми экстремистами, имевшими отношение к вмешательству ЦРУ в Лаосе, были спровоцированы вооруженные инциденты. Граница была закрыта. Нагнеталось напряжение и на границе с Кампучией.

Все более осложнялась обстановка и внутри страны: рост цен привел к новым выступлениям рабочего класса, студенчества, интеллигенции, средней и мелкой буржуазии. Встал вопрос о вотуме недоверия правительству. Король распустил парламент. Подготавливая победу на предстоящих выборах, правые прибегли к террору против оппозиции, против демократически настроенных политиков. Реакция не останавливалась перед физической расправой над левыми журналистами и лидерами Национального студенческого центра; подметные письма с угрозами получали многие государственные деятели, вплоть до премьер-министра и членов его кабинета. Во время демонстраций трудящихся, которые требовали увеличения заработной платы, выделения пособий на медицинскую помощь, субсидий на непосильные квартирные расходы, молодчики из реакционной организации «Красные быки» швыряли с крыш домов гранаты и бутылки с зажигательной смесью, пытаясь посеять в людях страх и панику. Сыгранность реакционных кругов говорила о том, что их действия направляли руки опытных «дирижеров», которым нужен был лишь подходящий повод для открытого выступления «сводного оркестра правых» и восстановления в стране власти «сильной личности». И вот повод нашелся.

В списках пассажиров авиалайнера западногерманской компании «Люфтганза», совершавшего обычный рейс из США в Европу через Таиланд, значилась супружеская пара по фамилии Чон. Преклонного возраста мужчину в темной тройке, накрахмаленной белой сорочке, манжеты которой скрепляли жемчужные запонки, легко можно было принять за преуспевающего бизнесмена. Он в меру шутил с соседями, в меру помалкивал, в меру улыбался, слушая забавные истории, которыми перебрасывались окружавшие его случайные попутчики. Подозрений этот человек не вызывал и внимания к себе не привлекал. Когда настал час обеда, супруги Чон по примеру остальных живо расправились с бифштексом по-гамбургски, запив его доброй порцией баночного пива

«хейнекен». Воздушная трапеза сменилась сиестой: коммерсант и его жена откинули спинки кресел и углубились в сон. Спокойный, приятный полет.

Метаморфоза с мистером Чоном произошла несколько позже, после того как в салоне раздался механический голос стюардессы: «Пристегнуть ремни, воздержаться от курения, самолет идет на посадку». Взгляни в тот момент соседи в глаза бизнесмену, они прочли бы в них плохо скрываемое беспокойство.

Колеса «боинга» мягко коснулись бетонного покрытия; самолет, пробежав до конца взлетно-посадочной полосы, свернул на боковую дорожку и вскоре остановился напротив центрального здания столичного аэропорта, заняв место в длинной шеренге своих воздушных собратьев. Пока лайнер «Люфтганзы» проделывал наземные маневры, господин Чон не отрывался от иллюминатора. Заметив на поле черный лимузин, он облегченно вздохнул, повернулся к жене и слегка сжал ее руку. Лицо коммерсанта озарила улыбка, когда в салон по трапу поднялся офицер в парадной форме тайландских ВВС. Отдав честь и поздравив супругов Чон с прибытием, он вывел их из самолета, почтительно помог устроиться на заднем сиденье ожидавшего автомобиля, который, взвизгнув шинами, стремительно покинул территорию аэропорта. А остальным пассажирам «боинга», рассаживающимся по автобусам, оставалось лишь гадать, кто же этот джентльмен с внешностью преуспевающего бизнесмена, которому вовсе не обязательно топтаться в очередях к иммиграционным и таможенным чиновникам, штемпелюющим паспорта и осматривающим багаж вновь прибывших.

Дальнейшие события показали, что радость мистера Чона и его супруги была несколько преждевременной. Факт незаконного въезда в страну человека, скрывавшегося под вымышленным именем, стал, несмотря на самые тщательные меры предосторожности, достоянием общественной гласности и вызвал мощную волну протеста. Компанию «Люфтганза» чуть было не привлекли к суду — ей предъявили обвинение в связи с расследованием, имевшим целью выяснить, каким образом господину Чону удалось проникнуть в Таиланд. Сотрудники полиции, обнаружившие в конце концов супругов на одной из военно-воздушных баз, расположенной недалеко от столицы, в ходе допроса задали коммерсанту вопрос: «Каковы мотивы вашего возвращения?» В ответ Чон пустился в пространные объяснения, из которых стало ясно, что в Соединенных Штатах, где он находился в эмиграции, слишком высокая стоимость жизни, а у него, дескать, нет достаточных средств, денег еле-еле хватало лишь на то, чтобы оплачивать счет за квартиру в Бостоне.

Слезные откровения, причитания и жалобы мистера Чона возымели действие: в трехдневный срок его вместе с супругой выдворили из Бангкока, но не в Бостон, а в Сингапур, где жизнь, должно быть, представлялась тайландским властям значительно более дешевой, чем в Соединенных Штатах. Но, как говорится, битому неймется. Несколько месяцев спустя Чон снова объявился в столице «государства свободных»...

Девятнадцатое сентября 1976 года. Зал ожидания сингапурского аэропорта. Объявляется посадка на самолет японской авиакомпании «Джапан Эйрлайнз», рейс 718. Среди пассажиров — уже знакомый нам джентльмен, правда, на этот раз одет он был не в темную тройку, а в шафраново-желтую тогу буддийского монаха. Описав круг над городом, самолет взял курс на «страну улыбок».

Служитель культа возвращался на родину под весьма благовидным предлогом: выполнить религиозный долг по воле больного отца — «предаться размышлениям о суетности всего земного» в одном из бангкокских храмов. Что ж, святое дело. Если, конечно, не знать, что настоящее имя монаха Таном Киттикачон!

Население столицы встретило бывшего диктатора отнюдь не здравицами и счастливыми улыбками; отсутствовали и орхидеи, которые здесь принято вручать высоким гостям. Восторженные крики раздавались лишь из толпы юнцов военизированной молодежной организации, патроном которой некогда был новоявленный священнослужитель. Эскортируемый подростками «монах» отправился с аэродрома в храм Боворниват, расположенный в центре Бангкока. Чтобы никто не сомневался в его подлинных намерениях, «кровавый маршал» повесил на двери своей кельи объявление: «Я хочу мирно выполнять религиозный долг».

Дыма, как известно, без огня не бывает. Прогрессивная таиландская печать отмечала, что монашество Киттикачона — ловкий политический ход, и довольно прозрачно намекала на связи бывшего премьер-министра с Центральным разведывательным управлением США.

Дремлет в келье монастыря ставленник ЦРУ, не один год верно служивший своим хозяевам из Лэнгли. Тихо напевает сутры, просматривает священные тексты Трипитаки, освежает в памяти буддийский канон. И не знает, что как агент ЦРУ он еще не списан со счетов, на него продолжают делать ставку. Именно поэтому сотрудники Лэнгли, разрабатывающие акции типа «изоляция», не превратили Киттикачона в своего очередного «клиента». Не секрет, какой финал ожидает ставленников шпионского ведомства, чей флаг украшает орел и роза ветров на синем фоне, которые либо скомпрометировали себя, либо просто стали неудобными. С ними не церемонятся, их уничтожают — безжалостно и хладнокровно.

Таном Киттикачон избежал плачевной участи своих «коллег» — доминиканского диктатора Трухильо, южнокорейского президента Пак Чжон Хи и других. Он и после свержения продолжал числиться в картотеке агентов Лэнгли. Похоже, его приезд в Таиланд был спланирован заранее. Как только «кровавый маршал» поселился в храме Боворниват, в штаб-квартире ЦРУ не замедлили нажать соответствующую кнопку, и появление в Бангкоке «монаха-отшельника» послужило сигналом местной реакции активизировать действия: спешно были наняты сотни грузовиков, которые доставляли из провинций в столицу вооруженных членов организации «Красные быки» и сельских скаутов. Их высаживали в центре города, неподалеку от Таммасатского университета, где по призыву Национального студенческого центра несколько тысяч учащихся устроили сидячую забастовку, протестуя против возвращения в страну Киттикачона. Выступление учащихся поддержали профсоюзы, руководство которых обратилось к трудящимся массам с призывом провести всеобщую стачку. Была уже назначена дата общенародного выступления. Однако оно не состоялось...

Участники сидячей забастовки, как выяснилось позже, разыграли «пантомиму с повешением». Дабы ни у кого не возникло сомнений относительно героя пантомимы, человек, изображавший бывшего главаря военной хунты, был облачен в монашескую тогу.

Реакционные силы, вынашивавшие планы реставрации военно-полицейского режима, власти свинца и пушек, предприняли поистине дьявольский ход, использовав в провокационных целях средства массовой информации. Еще не завершилась пантомима, как по радио было объявлено, что студенты «покусились на трон и монархию»; они, дескать, произвели экзекуцию над... наследным принцем Вачиралонгкорном. Это было очень серьезное обвинение, особенно в условиях Таиланда, где короля и членов его семьи не просто уважают, перед ними благоговейт, их чтят все от мала до велика. В заключение передачи диктор призвал народ встать на защиту монархии.

Провокация удалась.

Утром 6 октября 1976 года Бангкок стал свидетелем жесточайшей расправы над студентами. Молодчики из правых группировок, на помощь которым пришли специальные отряды полиции, пустили в ход карабины и автоматы, гранаты и даже противотанковые пушки. Они атаковали Таммасатский университет. Взрывчаткой и тяжелыми грузовиками были взломаны железные ворота.

Студентов расстреливали в упор, раненых добивали ногами и прикладами, выкалывали им штыками глаза, обливали бензином и сжигали на кострах. Кровавая бойня продолжалась несколько часов.

Гражданское правительство было низложено, власть перешла в руки хунты, которая объявила о введении в стране чрезвычайного положения. Число задержанных по заранее составленным «черным спискам» превысило десять тысяч человек. Режим стремился возвести в Таиланде стену страха: страха быть арестованным, страха потерять работу, страха лишиться горсти риса.

Казалось, над «страной улыбок» вновь опустилась ночь фашизма.

Но недолго властям пришлось бить в старый военный барабан, звуки которого столь ненавистны многострадальному тайскому народу. В конце 1977 года к руководству страной пришло новое правительство (сперва его возглавил Криангсак Чаманан, а с марта 1980 года — Прем Тинсуланон), которое, несмотря на грубый нажим со стороны американской администрации, пытается вести Таиланд по пути демократических перемен, добрососедства и невмешательства. Теплые ветры разрядки все активнее проникают сюда, в этот далекий уголок планеты. Все больше и больше тайландских политиков приходят к выводу, что мир и прогресс—это те главные условия, которые необходимы и для решения внутренних проблем.

Однако в высших эшелонах власти еще сильны проамериканские настроения. Запуганные мнимой угрозой, в частности со стороны вьетнамских «экспансионистов», тайландские власти охотно принимают от США военное снаряжение, которым Пентагон буквально начиняет Таиланд, идут на разжигание враждебных действий на границе с Кампучией. Остатки полпотовских банд с согласия Бангкока нашли себе приют на территории Таиланда, откуда регулярно совершают варварские набеги на мирные села Кампучии. Жестоким артиллерийским обстрелам подвергаются пограничные районы этой соседней страны. В угоду Вашингтону тайландская военщина осуществила вооруженный захват части Лаоса, якобы незаконно утраченной еще в прошлом веке. Белый дом усиленно подогревает обстановку в Индокитае. Обозреватели отмечают, что США, объявившие Юго-Восточную Азию «сферой своих жизненных интересов», расширяют здесь свое военное присутствие, проводят совместные американо-тайландские маневры. Именно США подстегивают враждебный курс правящих кругов Таиланда в отношении трех братских государств Индокитая—Лаоса, Кампучии и Вьетнама. Подобная позиция таит в себе серьезную опасность для дела мира и стабильности в этом районе.

Всемерно нагнетая напряженность в азиатско-тихоокеанском регионе, стремясь сколотить новые милитаристские блоки, «крестоносцы» из Вашингтона продолжают вынашивать также планы открытия в Юго-Восточной Азии своего рода «второго фронта» против мира социализма. Именно эту цель преследовала, в частности, состоявшаяся в 1985 году на индонезийском острове Бали встреча президента Р. Рейгана с министрами иностранных дел стран—членов АСЕАН, в ходе которой глава Белого дома пытался добиться перерождения Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в военно-политическую группировку, которая бы послушно следовала в фарватере имперского курса Вашингтона.

Подстегивая страны АСЕАН к конфронтации со своими соседями — Лаосом, Кампучией, Вьетнамом, — администрация США изображает в качестве первопричины напряженности в регионе присутствие в Кампучии вьетнамских добровольцев, которые выполняют там свой интернациональный долг, оказывают помощь в деле обеспечения безопасности Народной Республики Кампучии.

Демократически настроенные круги Таиланда понимают, что подобные маневры США вызваны желанием отвлечь внимание мировой общественности от истинных причин сохраняющейся острой ситуации в регионе, где мир и стабильность находятся под угрозой из-за непрекращающихся попыток внешних сил помешать процессу национального возрождения в Кампучии. Прогрессивные силы Таиланда всецело поддерживают предложения Советского Союза, направленные на создание в азиатско-тихоокеанском регионе, включая Юго-Восточную Азию, безъядерных зон, одобряют позицию СССР. В Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 года отмечается: «Основой дружественных отношений, укрепления доверия и взаимопонимания между народами в этой части мира, как, впрочем, и в других регионах, может и должно стать не противопоставление одних государств другим, а развитие равноправного, открытого для всех сотрудничества. При таком подходе — а именно в этом заинтересованы все народы — не может быть места сколачиванию блоков и контрблоков, созданию всякого рода «осей», «треугольников», формированию замкнутых группировок, культивированию протекционизма и дискриминационных мер при осуществлении взаимных торгово-экономических связей». И далее: «Упрочение добрососедства и дружбы всех азиатско-тихоокеанских стран, объединение их усилий в общем поиске конструктивных решений проблем безопасности в Азии и в районе Тихого океана благоприятно сказались бы не только на ситуации в азиатско-тихоокеанском районе, но и явились бы вкладом в дело сохранения и упрочения всеобщего мира».

Глава II

В краю цветущих роз и «белой смерти»

Сангха

К этой поездке мы готовились с особенной тщательностью, обдумывали каждую мелочь, каждую деталь. Нам предстояло совершить длительное путешествие в Чиангмай, город, расположенный в семистах километрах севернее столицы, где-то... «на лбу у слона». Именно «на лбу», ибо по очертаниям территория Таиланда напоминает не только топор демона Вритры, о чем уже говорилось, но и гигантскую голову слона.

Чиангмай считается вторым по величине и значимости городом страны после столицы, хотя он и не выдерживает с ней никакой конкуренции — число жителей Бангкока в пятьдесят (!) раз превышает население административного и политического центра Северного Таиланда. Основное богатство области — древесина (особенно ценятся тиковые деревья). В недрах Северного Таиланда имеются небольшие запасы нефти (добывается в районе города Фанг), встречаются месторождения драгоценных и полудрагоценных камней: цирконов, сапфиров, тигрового глаза и других.

Население Северного Таиланда отличается пестротой этнического состава. Большинство его представлено народами лао и тай, которые живут в долинах крупных рек; в горах же издавна поселились горные народы тай (шаны, лу и кюи), народ лава (по происхождению родственные мон-кхмерам), тибето-бирманские

народы — карены, акха, лису, лаху, мео и ман. В Северном Таиланде самая низкая плотность населения—около сорока человек на один квадратный километр. Имевшиеся резервы свободных и пригодных для распашки земель в долинах рек в последние десятилетия сократились: освоены новые земли, на которых сооружены оросительные системы. Это позволило увеличить производство главной культуры — риса. Земледелием занимаются местные лао и тай (последние переселились сюда из Центрального Таиланда). Живущие в долинах рек крестьяне помимо риса выращивают табак, соевые бобы, кукурузу, хлопчатник, гречиху. Провинция Чиангмай наряду с провинцией Лампанг занимает ведущее место в производстве шеллака, по сбору которого Таиланд находится на втором месте в мире после Индии.

Позади скрылись последние строения столицы, исчезла духота, густо пропитанная парами бензина и всевозможными запахами тайской пищи, которую в Бангкоке нередко готовят прямо на улице. Оборвались крики бродячих торговцев, постепенно умолк присущий каждому азиатскому городу шум. Замерли голоса мальчишек — продавцов газет, гурьбой обступающих машину, стоит только притормозить у светофора.

Автомобиль резво катил по шоссе, ведущему от Бангкока на север. Выбранная нами дорога—одна из трех наиболее важных магистралей, радиально расходящихся из «города ангелов»: первая, юго-восточная, соединяет Бангкок с крупным портом Саттахип и растянувшейся на много километров по побережью Сиамского залива цепочкой приморских курортов; вторая уходит на юг, в направлении границы с Малайзией.

Конечно, можно было бы обойтись без лишних хлопот, сопутствующих любому автопробегу: купить, к примеру, билет на самолет местной компании «Тай эйруэйс» и через час спуститься по трапу в аэропорту Чиангмая или воспользоваться услугами частной туристической компании «Роял тур» и, безмятежно заняв место в комфортабельном автобусе, отдать себя на попечение гидов, опыт общения с которыми у меня уже имелся...

...Поездка эта была организована «Роял тур». Программа двухдневной экскурсии в Национальный заповедник Као Яй попала мне в руки по чистой случайности, однако сразу привлекла внимание загадочной последней фразой: «Те, у кого крепкие нервы, имеют редкий шанс поохотиться на тигров».

Владелец «Роял тур» предлагал совершить увлекательное путешествие—осмотреть одно из самых живописных мест Таиланда. Он очень старался, расхваливая предлагаемый сервис. Но мы, естественно, клюнули не на сервис, а на тигров.

Автобус, как и обещал «Роял тур», был современный: просторный салон, мягкие широкие вертящиеся кресла, огромные стекла, покрытые специальной зеленоватой пленкой, защищали глаза от резкого солнечного света и позволяли пассажирам спокойно поглядывать в окна. Нас несколько удивило то обстоятельство, что в автобусе собрались представители самых различных стран. Тайцев среди пассажиров не было: очевидно, охота на тигров их не привлекала. Они либо не находили экзотики в отлове обыкновенных представителей местной фауны, или же, что более вероятно, не посчитали разумным вкладывать деньги, и немалые, в довольно сомнительное предприятие. Вокруг нас сидели тихие, но говорливые японцы, шумные американцы и канадцы, молчаливые и чопорные англичане, веселые французы, а также задумчивые фаранги¹⁰— так в Таиланде

¹⁰ Ученые выдвигают версию, что слово «фаранг», обозначающее «европеец», было заимствовано народами Юго-Восточной Азии у арабов еще в средние века. Сами же тайцы считают, что «фаранг» — несколько измененное слово, означающее «француз».

называют лиц европейского происхождения, национальная принадлежность которых неизвестна.

В такой разношерстной компании неслись мы по шоссе. Первый «привал» был на молочной ферме, принадлежавшей двум владельцам—тайландцу и датчанину.

Управляющий этим предприятием рассказал нам, как водится, о процессе производства молока. Все здесь было автоматизировано и механизировано. Машины для дойки коров, консервации и упаковки молока в полиэтиленовые пакеты — импортные. В заключение всех нас угостили парным молоком, стоимость которого конечно же была заранее включена предусмотрительным и бережливым владельцем «Роял тур» в сумму, выплаченную каждым из пассажиров автобуса за поездку.

Конечный пункт путешествия — национальный заповедник Као Яй, где нас, если верить программе, ожидал сюрприз — ночная охота на тигров.

Вечерело... Нас расселили по двухкомнатным бунгало и предупредили, что через час на площадке перед управлением заповедника состоится интернациональный товарищеский ужин. Соседнюю комнату в бунгало заняла пара молчаливых бразильцев, которые, узнав, что мы русские, казалось, проглотили языки.

Ужинали на лужайке вокруг костра по типу «шведского стола». Каждый набирал себе в тарелку приглянувшуюся ему еду, расставленную на больших блюдах в стороне от костра, и располагался на гимнастических матах, которые были разложены полукругом у здоровенной охапки горящих поленьев. Официанты — тайки и тайцы в национальных костюмах — обносили туристов традиционными местными напитками.

Недалеко от костра мы заметили микрофон.

— Концерт, видно, задумали,— сказал мой товарищ, имея в виду, конечно, тайцев.

Действительно, через несколько минут по мегафону объявили, что начинается представление, по окончании которого всех желающих приглашают принять участие в ночной охоте на тигров.

— Концерт будет состоять из двух отделений,— продолжал голос в репродукторе.— Итак, отделение первое.

Около часа у костра выступали тайские девушки и юноши. Они пели народные песни, разыгрывали сценки из «Рамакан», читали стихи, танцевали «ча-ча-ча» под звуки чингов и кастаньет.

Затем радиоголос объявил перерыв, сказав, что второе отделение концерта будет дано «исключительно силами наших гостей». Туристы, безмятежно попивавшие пиво и кока-колу, стали озабоченно переглядываться. Некоторые поспешно ретировались. Среди спасавшихся бегством мы заметили и молчаливых бразильцев.

«Что ж, споем какую-нибудь песню,— решили мы,— не танцевать же».

Наша идея оказалась далеко не оригинальной. Все фаранги, подходившие к микрофону для исполнения очередного номера, принимались петь. Пели дуэтом, хором и в одиночку. На лужайке перед управлением тайландского национального заповедника Као Яй звучали мелодии Японии и Шотландии, Америки и Франции, Италии и Индонезии...

— А теперь попросим наших гостей из Советского Союза,— прозвучало в репродукторе, и мы невольно вздрогнули, хотя и ждали своей очереди.

Раздались дружные аплодисменты, и мы, твердо решив исполнить в меру своих возможностей «Подмосковные вечера», двинулись «на сцену».

Представ перед замершей в ожидании аудиторией, я отчетливо понял, что смогу более или менее правильно пропеть только первый куплет известной всему миру песни. Остальные мгновенно забылись, хотя только что, буквально минуту назад, я напевал их про себя.

— Кошмар,— шепнул я своему спутнику,— все слова выскочили из головы.

— У меня тоже,— чуть слышно отозвался он.— Но ничего, исполняем лишь первый куплет и повторяем его несколько раз. Идет?

Так мы и сделали. Зрители не заметили накладки. Они громко хлопали и кричали что-то вроде «Мо-под-цы!». А потом из хаоса голосов родилась сначала нестройная и наконец набравшая полную силу мелодия «Подмосковных вечеров». Одни пели ее по-английски, другие, не зная слов, просто подтягивали, не разжимая губ. И тут свершилось нечто странное: мы внезапно вспомнили куплеты не только «Подмосковных вечеров», но и многих других хороших советских песен.

Зрители отпустили нас только тогда, когда мы исполнили «Катюшу», «Летите, голуби», «Я люблю тебя, жизнь»...

Второе отделение интернационального концерта длилось в общей сложности более двух часов.

Настало время «охоты на тигров» — мероприятия, которым завершилась программа пребывания в Као Яй. Завтра утром — в обратный путь. Всем, кто пожелал участвовать в этой необычной охоте, выдали карманные фонарики. Затем к управлению подогнали открытый грузовик, на кузов которого был надет каркас из толстых металлических прутьев. Мы расселись под этим своеобразным «колпаком».

— Мера предосторожности.—объяснил таец, сопровождавший туристов.— Тигры как-никак!

Ехали минут пятнадцать по ухабистой лесной дороге. Яркие фары грузовика выхватили из темноты поляну— островок среди обступивших плотной стеной диких зарослей.

Все молчали. Не каждый же день выпадает возможность поохотиться на тигров, да еще с карманными фонарями. Машина остановилась посередине поляны. Погасли фары. Постепенно глаза привыкли к окружающей темноте. Казалось, что по чаще кто-то ходит, где-то ухало, гоготало. Повсюду стали мерещиться тигры. Десятки, сотни...

— Светите фонарями вон туда,—тихо сказал сопровождающий, показав рукой в сторону.—Тигры там.

Множество ярких лучиков одновременно пронзили темноту. В чаще действительно что-то заблестело, замелькали желтые точки. Они, как нам казалось, передвигались—то приближаясь, то вдруг удаляясь, то исчезая вовсе или вновь загораясь.

— Это тигры, видите?—сказал таец.

Тигров мы, конечно, не видели. Были лишь одни желтые мерцания. И все же все мы утвердительно заговорщически ответили: «Видим».

— Гасите фонари!—отдал команду сопровождающий.— Едем, пока не поздно.

Призыв тайца был исполнен туристами мгновенно. Грузовик тронулся. Мы покидали лужайку с твердой уверенностью, что повидали живых, так сказать вольных, тигров. Теперь есть что порассказать знакомым.

Обратно в Бангкок мы добрались без особых приключений. Правда, сервис «Роял тур» поскуднел и несколько ослаб. Вместо горячего завтрака и ленча, которыми нас потчевали по дороге в национальный заповедник, теперь мы почему-то получили сухие пайки. Вторично попробовать молока на молочной ферме также не удалось. Автобус проскочил мимо нее без остановки.

Но главное не в этом. Главное, мы стали участниками беспримерной охоты на хищных обитателей тайландских джунглей...

Итак, на этот раз хотелось раздвинуть тесные рамки обычных путешествий на самолете или в экскурсионном автобусе. «Тай эйруэйс» полностью лишил бы нас дорожных впечатлений, быстро и незаметно перенеся из Бангкока в Чиангмай, а «Роял тур» уготовил бы довольно печальную участь пленников различных туристских программ.

Нетрудно заметить, что танцы очень любят поэтические названия. Исключения не составляют и жители Северного Таиланда (не самого крайнего, а горной страны в бассейне северных истоков Чаупхрай): из-за обилия рек и речушек народ назвал ее Пипаннам, что означает «Дух тысячи вод». Мы знали, что где-то на полдороге к Чиангмаю, в окрестностях города Накхонсаван, природа создала хаотичные нагромождения причудливо изогнутых скал, которые дали основание называть эти места «Логовом дракона». Забегая вперед, скажу, что действительно там вдоль магистрали тянется хребет, напоминающий спину колоссального ящера, а отдельные каменистые холмы торчат словно зубы доисторического зверя. Вообще нагорье, начинающееся сразу к северу от Менамской низменности, имеет громкую славу: огромные глыбы базальта, размытые горными ручьями, приняли здесь самые невероятные очертания и формы различных животных, мифических существ и загадочных растений. Район Накхонсавана очень популярен и благодаря богатой народной фантазии овеян многочисленными легендами. Согласно одной из них, в далекие-далекие времена пришел сюда Будда вместе с тиграми, слонами, носорогами, медведями и иными зверушками помельче; и вот по неизвестной причине они неожиданно окаменели. «Достоверность» предания подтверждает и тот факт, что на горе Прабат остался якобы даже след стопы Будды; гора считается священной, ежегодно к ней на поклон стекаются со всех концов страны пилигримы.

Выехали мы на рассвете, когда монахи из более чем двадцати четырех тысяч тайландских монастырей отправляются в ежедневный поход за подаянием. В оранжевых тогах бритоголовые монахи—совсем еще мальчишки, взрослые и глубокие старцы — с матерчатыми сумками на плечах идут добывать себе пропитание. В этот час из домов выходят люди — кто с пригоршней риса, кто с куском курицы или спиночки. Дать пищу монаху считается благородным, буддогодным делом. Соблюдая давний обычай, верующие полностью берут на себя заботу о материальном обеспечении священнослужителей. В деревнях создаются даже территориальные объединения, включающие несколько десятков хозяйств, где в порядке очередности женщины готовят служителям культа еду, шьют им одежды. Многие крестьяне безвозмездно обрабатывают церковные земли, пасут монастырские стада, умельцы украшают резьбой и росписью стены пагод и храмов.

Буддийская монашеская община — сангха — насчитывает в Таиланде свыше трехсот тысяч человек, объединенных в две секты — Маханикай и Дхамутхитникай¹¹, количественное соотношение приверженцев которых составляет приблизительно шестнадцать к одному. Секта Дхамутхитникай появилась во второй половине XIX века в результате реформы короля Монгкута, стремившегося к тому, чтобы служители культа более строго следовали буддийскому учению, изложенному в палийском каноне «Трипитака». Огромную армию тайландских монахов дополняют мальчишки-служки (их более ста тысяч) и

¹¹ Несмотря на относительную малочисленность, секта Дхамутхитникай имеет большое влияние в сангхе, так как ей принадлежат наиболее крупные монастыри, а некоторые ее члены либо состоят в родстве с представителями королевского дома, либо являются выходцами из самых аристократических семей.

женщины-послушницы (около десяти тысяч); и всех их надо накормить, напоить, одеть. Подношения и подарки от населения, жертвенные деньги на постройку храмов и монастырей, ремонт и сооружение статуй основателя религии, доходы с церковного имущества, правительственные дотации, ростовщичество—вот из чего в основном складывается бюджет сангхи. Драгоценности и книги, земли и строения, цветы и свечи—чего только не дарят люди Будде, храмам и общине в целом.

Иерархия буддийской сангхи основывается на следующих понятиях: ученость, старшинство, служебное положение и титул. Существует десять степеней, указывающих на образованность монахов: три—«накхамма» и семь—«бариян», причем обладатели последних получают право пользоваться соответствующими их рангу разноцветными веерами и при написании ставить после своего имени специальные знаки отличия.

«Веерная привилегия» дается только титулованным священнослужителям: монаха любого из сорока с лишним церковных рангов сведущему человеку легко различить по ручному опахалу, которым тот неизменно пользуется. Самый низкий титул — пра самуха пандит. Высокие начинаются с пра кру; они позволяют занимать должности руководителя церковного комитета провинции, настоятеля, преподавателя и так далее. Одновременно с титулом пра кру и, конечно, более высоким — пра рачакхана, подразделяющимся на девять рангов, монахи (а таких в стране три с половиной тысячи) получают от короля новое имя на языке пали. По старшинству монахи, обрившие голову, надевшие желтые одежды и получившие посвящение, делятся на навакабхуми (стаж пребывания в монастыре не менее года), маджжимабхуми (стаж — пять лет) и тхера (стаж—десять и более лет). Только тхера могут носить высокий титул упадждая, разрешающий иметь своих учеников.

Монахи бывают постоянными и временными. Ни один мужчина не считается «полноценным» и не может, к примеру, вступить в брак, если он не побывал в монастыре. Минимальный срок ухода от мирской жизни с годами постепенно сокращался и достиг семи дней.

Все монахи обязаны соблюдать предписания Винаяпитаки (корзины устава), или двести пятьдесят три правила поведения, из которых главными являются следующие: не убивать, не красть, не лгать, не употреблять спиртного, не сближаться с женщинами, не слушать музыку, не спать на кровати, возвышающейся над полом более чем на тридцать два дюйма, питаться только подаянием, не дотрагиваться до денег, золота и серебра... Не касаться денег! А между тем Таиланд — единственная буддийская страна, где монахи, несмотря на религиозный запрет, официально получают... заработную плату. Не все, конечно, а лишь те, кто имеет высокий ранг. Оклад установлен для духовных сановников, внесенных в списки церковной администрации, а также для монахов в ранге пра бидхитхам, читающих сутры и мантры в королевских монастырях во время официальных церемоний.

Распорядок дня священнослужителей более или менее одинаков. Встают монахи очень рано, с восходом солнца, под дробь барабанов или под звон колокола, моют кельи, прибирают внутренние дворы, чистят зубы и умываются, фильтруют питьевую воду через марлю, чтобы не нарушить одну из обязательных заповедей, по которой нельзя умерщвлять даже едва заметные глазу «божьи создания». Затем они облачаются в свои традиционные одежды: сабонг—нечто вроде юбки, чивару — нижнюю тогу, сангхати — верхнюю тогу, произносят молитвы и отправляются за подаянием. По возвращении в кельи монахи завтракают. Перед полуднем они едят второй раз, после чего до следующего утра им разрешается только утолять жажду. Большую часть времени они проводят за

пением сутр, изучением текстов «Трипитаки», истории жизни Будды, а шкжо монастырского устава.

Несмотря на суровый режим, нельзя сказать, чтобы монахи были полностью изолированы от общественной жизни. Буддизм в Таиланде представляет собой значительную политическую силу, и влияние служителей культа на массы, в первую очередь на крестьянство, огромно. Однако само монашество далеко не однородно. Военные диктаторы, долгие годы сменявшие друг друга на посту премьер-министра, неоднократно использовали высоких духовных сановников в корыстных целях. Не без активной поддержки реакционной части сангхи, например, утвердилось в стране в свое время влияние американского империализма, под давлением которого Бангкок принял участие в агрессии США во Вьетнаме. Государственные перевороты, которыми так богата история Таиланда, редко обходились без пособничества монахов.

Нынешнее правительство, сегодняшние руководители сангхи прилагают немалые старания к тому, чтобы еще больше усилить влияние религии. Разрабатываются новые и дополняются существующие программы деятельности общины, нацеленные на более широкое вовлечение сангхи в различные сферы общественной жизни. Поощряется изучение монахами проблем организации системы здравоохранения, их знакомство с техническими достижениями в сельском хозяйстве и промышленности, мерами, направленными на социальное благоустройство. В буддийских университетах Махамакут и Маха Чулалонгкорн готовят церковные кадры, способные участвовать в процессе социально-экономического развития страны.

То, какую значительную силу представляет собой сангха, по численности превосходящая как промышленный пролетариат, так и интеллигенцию, военнослужащих, осознают также лидеры действующих в Таиланде демократических организаций. Они отдают себе отчет в том, что необходимо всеми средствами не допустить использования реакцией авторитета монашеской общины, а, напротив, надо поставить ее себе на службу. Опыт патриотов Южного Вьетнама, Кампучии, Лаоса в свое время показал, что такая задача вполне выполнима.

И все же в целом общая оценка роли буддизма сомнений не вызывает. Кап всякая религия, он призывает к иллюзорному самоутешению. Проповедуя, например, любовь и милосердие ко всем живым существам, его правила предписывают никого «не обижать»; не только себя, но и других не защищать от насилия; не наказывать за преступления; терпеливо и безразлично относиться к классовому угнетению. Таким образом, догмы буддизма, несомненно способствовавшего распространению элементов культуры и образованности, с самого своего зарождения отвлекали людей от борьбы за социальную справедливость, за лучшую долю, за свои права.

Наряду с буддизмом — государственной религией, которую исповедуют более девяноста процентов населения и неофициальным главой которой считается король, в Таиланде распространены ислам, конфуцианство, индуизм, сикхизм, брахманизм, христианство.

Подъезжая к Аюттхаве, мы заметили монаха, который нес не традиционную котомку для подаяния, а... судки. Зачем, дескать, смешивать в сумке разную еду, когда изобретена такая удобная посуда. Находчивый служитель культа вначале рассматривал, что ему дают люди, а уж потом приоткрывал крышку нужной кастрюльки.

Итак, через Аюттхаю, город, который часто называют «Римом Юго-Восточной Азии», через Сарабури, где автомагистраль раздваивается на северо-восточную и северозападную ветви, через Сукхотаи, первую столицу Сиама, мы

рассчитывали в конечном счете добраться до Чиангмая, а если повезет, то подняться повыше в горы, в которых вдали от цивилизации встречаются селения отдельных этнических групп, принадлежащих как к народам тай, так и к тибето-бирманским народам. Их уклад жизни во многом сохраняет черты родоплеменного строя. Словом, мы едем туда, где рождалась история Сиама, едем в его далекое, седое прошлое, окутанное романтическим флером легенд. И не только в прошлое. Нам конечно же предстоит встреча с настоящим, с сегодняшним днем этого края — противоречивого края цветущих роз и «белой смерти».

Но не будем загадывать наперед. Тем более что мы только-только вырвались из бангкокского смога и покрыли расстояние всего в каких-нибудь тридцать — сорок километров. Выехали мы ни свет ни заря: жители богатых кварталов столицы еще досматривали сны, а обитатели предместий, крестьяне, мелкие торговцы уже приступили к своей каждодневной нелегкой работе.

То тут то там в лучах восходящего солнца сверкало блюдце водоема, сплошь покрытое пушистым ковром белых, темно-красных и бледно-розовых лотосов. Это древнейшее растение, дожившее до наших дней с доледникового периода, у буддистов считается священным. Встречается оно повсюду: в илистых заводях рек, во временно образующихся болотах, в клонгах. А если учесть, что протяженность клонгов превышает в Таиланде три миллиона километров, то обилие лотосов трудно себе даже представить. Мелькают расставленные по обочинам красочные рекламные щиты, сливаясь в сплошную многоцветную полосу. Покачиваются пальмы—банановые, кокосовые, арековые, а также саговые, из сердцевин которых извлекают крахмал, идущий на изготовление крупы саго. В неглубоких рыжих каналах, неподвижно стоя в воде, подремывают буйволы. Мимо проплывают деревеньки, точнее, отдельно расположенные вдоль каналов крестьянские соломенные хижины. Возле каждой — погруженная в клонг ковшеобразная металлическая сетка на длинной жерди, в шутку называемая здесь «домашним экскаватором». К вечеру семья соберется посмотреть на улов. Повезет — на столе появятся жареная рыба, креветки: будет праздник. Если сетка окажется пустой, что случается нередко, придется довольствоваться приготовленным на пару рисом. За домиками до самого горизонта простираются поля, словно переплетенные земляными насыпями, устроенными для поддержания нужного уровня воды. Молодые побеги дружно тянутся к небу, воздух пропитан сладковатым ароматом созревающего риса. В его нежной зелени можно иногда заметить розово-лиловые цветы. Это водяной гиацинт, своеобразие которого состоит в том, что распускается он всего лишь на несколько часов. Свои излюбленные места заняли на обочинах продавцы арбузов: полосатые ядра — наподобие пушечных — сложены во внушительные пирамиды.

Час спустя мы, повинувшись дорожному указателю с надписью: «Аюттхая», свернули с основного шоссе.

«Рим Юго-Восточной Азии»

Достоверных источников по древней истории народа тай не существует; лишь в хрониках южнокитайской провинции Юньнань упоминается образованное в 650 году южными тайцами королевство Наньчжао со столицей Талифу.

Родиной тай принято считать территорию нынешней провинции Сычуань в Северо-Западном Китае. Называли их по-разному: мыанг, па, лунь, а сами тайцы именовали себя айпао. Теснимые китайцами, они понемногу отходили на юг, в Юньнань; в XIII веке проникли в северную часть Менамской низменности,

вытеснив оттуда монов и кхмеров, чьи поселения возникли на территории Суварнабхуми еще в конце второго тысячелетия до нашей эры.

О политической истории первых государственных образований монов нам тоже мало что известно. Невозможно даже с приблизительной точностью восстановить их названия. И все же исследования крупного специалиста по Таиланду Э. О. Берзина, других советских, а также зарубежных ученых в какой-то мере помогают приоткрыть занавес неизвестности...

Древнейший систематизированный письменный источник по географии Юго-Восточной Азии — «География» Клавдия Птолемея (составлена в середине II века нашей эры с использованием более ранних источников) — свидетельствует, по словам Э. О. Берзина, главным образом о том, что Малаккский полуостров и побережье Сиамского залива к тому времени были довольно густо усеяны городами и торговыми факториями. На крайнем севере западного берега Золотого Херсонеса (Малакки) Птолемей поместил порт Таккола (район современного города Такуапа), часто упоминавшийся в индийских буддийских книгах в одном ряду с Александрией, Суратом, Бенгалом, что говорит о его немаловажном значении. На восточном побережье Малакки у Птолемея находился Коли, порт, достигший особого расцвета в VIII—X веках: арабские географы, именовавшие его Кала, рассматривали Коли в качестве основного перевалочного пункта на одном из двух важнейших торговых путей, связывавших Индию со странами Дальнего Востока; часто они переносили это название на весь Малаккский полуостров. (Кстати, о богатом оловом царстве Кала говорится в сказках «Тысячи и одной ночи».) К северу от Коли на карте Птолемея находится город Самарада, месторасположение которого совпадает с нынешним таиландским провинциальным центром Накхонситхамартом.

Первое упоминание о людях, населявших территорию будущего Сиама, встречается в китайской летописи «Цинь Хань Шу» («Анналы ранней династии Хань»), составленной в I веке, из которой видно, что «варвары», так они названы в летописи, далеко обогнали китайскую империю в морском деле и помимо торговли занимались пиратством и разбоем. Пройдя весьма сложный путь развития, приморские города Индокитая ко II веку все более объединялись в княжества, царства, королевства.

Катализатором этого процесса было государство Фунань, располагавшееся в низовьях реки Меконг. Официальная его история начинается с I века. Если верить летописям, прибывший в эту страну индийский брахман Каундинья встретился с местной царицей по имени Ивовый Лист. Коварная женщина задумала ограбить брахмана и захватить его корабль. Конфликт, однако, разрешился полюбовно. Царица вышла замуж за Каундинью, который, став правителем, принялся распространять среди своих подданных основы индийской культуры и религии. Так или иначе, принесенный из Индии буддизм (в форме хинаяны — «малой колесницы») сохранил в Таиланде положение господствующей религии до наших дней. Принятие его ионами, а впоследствии и тай, несомненно, имело в тот период прогрессивное значение: на смену первобытным верованиям, когда каждое племя поклонялось своим особым божкам и духам, пришла новая, универсальная религия, не делавшая различий между людьми по их родовой, племенной или кастовой принадлежности. И естественно, что буддизм должен был легко укрепиться здесь в условиях, когда у монов начался распад родового строя, а вместе с ним и соответствующей идеологии. Возникавшее классовое общество нуждалось в новых религиозных представлениях.

В середине IV века, после крушения империи Фунань, подчиненные ей княжества становятся самостоятельными. К этому моменту на территории

современного Таиланда их существовало несколько: на крайнем юге — Лангкасука, ближе к северу — Тамбралинга, далее на северо-западном углу Сиамского залива — Дань-сунь, или Пань-пань, которое стало ядром, вокруг которого образовалось в конце VI века первое крупное государство монов — Дваравати.

До недавнего времени сведения о Дваравати были крайне скудны. Даже правильность этого названия подтвердилась лишь в 1964 году, когда при раскопках близ Прапатома были найдены две серебряные медали с надписью: «Шри Дварава-тишвара, царь Дваравати». Правители Дваравати поддерживали дипломатические отношения с Китаем, имели большой флот и вели активную внешнюю торговлю. В конце VIII века столица Дваравати была перенесена в глубь страны — в Лавапуру (Львиный город). Страну так и стали называть — Лавапуру или сокращенно Лаво. Последующие два столетия прошли в изнурительных войнах с Харипунчайей¹². А в первой половине XI века Лаво превращается в составную часть сильной кхмерской империи.

Тринадцать столетий продолжалась миграция племен тай в долину Чаупхраи. К середине XIII века, когда она в основном закончилась, наступил критический период в истории Индокитая: рухнула кхмерская империя, прекратили существование древнее бирманское царство Паган и последнее независимое монское государство Харипунчаия.

Вот тогда-то тайские племена и заявили о себе...

В VII—XII веках они, по-видимому, занимали широкую гористую полосу, разделявшую Наньчжао и ранние индокитайские княжества, играя по отношению ко всем ним роль «варварской» периферии. На протяжении нескольких столетий часть тайских племен, о чем уже говорилось, постепенно «просачивалась» с севера на более плодородный юг. До XI века, как показывают результаты археологических исследований, между монскими государствами Лаво и Харипунчаия, в районе средней Чаупхраи, находились малонаселенные «нейтральные» земли. Их-то кхмерские цари после «поглощения» ими Лаво и предоставили тайским поселенцам, которых «ни использовали в качестве наемников. В XI—XII веках здесь возникли укрепленные города-крепости — Сукхотаи, Саванкхалок, Пхитсанулок и другие. По мере того как в кхмерской империи все чаще происходили мятежи, народные восстания, религиозные войны, тайские поселенцы набирали силу, мало-помалу проникали в чисто монские районы, образовывали там небольшие княжества — мыанги, которые вскоре настолько укрепились, что стали представлять угрозу для государств Индокитая. Восприняв буддийскую концепцию царствования и индуистские этические идеи «Законов Ману», повелевавших не только соблюдать моральные нормы при управлении царством, но и вести постоянные войны, дабы распространять добродетельное правление на соседей, тайские правители стали все чувствительнее беспокоить сюзеренов, совершая набеги на чужие земли, захватывая в плен тысячи семей и насильственно расселяя их на своей территории.

Ослаблению кхмерской империи способствовала ожесточенная борьба за власть, которая велась внутри этого могущественного государства Индокитая. Кроме того, будучи ревностными буддистами, его правители приписывали все свои военные и гражданские успехи накопленным ими достоинствам «в предшествующих жизнях» и старались увеличить это преуспеяние грандиозным

¹² Согласно тайским летописям, город Харипунчаия (современный Лампхун) был основан в 661 г. Спустя два года сюда прибыла, чтобы взять власть в свои руки, дочь царя Лавапуры принцесса Нам Теви. Основанное ею монское государство Харипунчаия просуществовало до XIII в.

храмовым строительством. Следовательно, нужны были средства, рабочая сила. Непомерные налоги легли на плечи народа...

В 1238 году кхмерской империи был нанесен решительный удар: началось освободительное восстание. Его возглавили тайские вожди Банг Кланг и Па Мыанг. Захватив резиденцию губернатора Сукхотаи, повстанцы провозгласили Банг Кланга королем. Так возникло первое мощное тайское государство на территории современного Таиланда— Сукхотаи.

Сукхотаи просуществовало до середины XV века, пока племена тай не продвинулись далее на юг, где в экономически более развитом районе появилось новое государственное образование—Аюттхая—со столицей одноименного названия, которую благодаря своеобразию исторического развития зачастую сравнивают с Римом. Королевство Аюттхая, или Сиам, в короткий срок окончательно подчинило себе Сукхотаи...

Итак, повинувшись дорожному указателю с надписью: «Аюттхая», мы свернули с основного шоссе. «Рим Юго-Восточной Азии» находится в каких-нибудь восьми десятках километров от Бангкока. Особых иллюзий относительно реалистичности аналогии между Римом и Аюттхаей мы не питали, понимая возможную гиперболизацию значения Аюттхаи в летописях.

Но бывшая столица Таиланда не оправдала даже самые скромные наши ожидания в отношении ее тождества с Римом.

Что общего может быть между Вечным городом и заросшими буйной тропической растительностью полуразрушенными пагодами, стены которых покрыты патиной времени, остатками дворцов и храмов, цоколи которых поросли белесыми мхами и колючими травами, узкими каналами, прорытыми вдоль разбитых крепостных валов, через которые перекинута горбатые мосты с обвалившимися сводами? Нет, ничто в сегодняшней Аюттхае не напоминает Рима.

Однако именно здесь в период, когда Аюттхая была центром Сиама, зародилось и достигло наивысшего расцвета тайское национальное искусство: появились мастера чеканки и резьбы по дереву, создавались и хранились во дворцах написанные на коре деревьев и на пальмовых листьях рукописи поэтов и драматургов; собирались легенды и мифы древнего Таиланда. Именно здесь первый король Сиама заложил основы будущего административного устройства государства, назначив четырех чиновников, занимавшихся соответственно вопросами общественного порядка, дворцовыми делами и судопроизводством, сбором налогов, сельским хозяйством. Здесь были введены сакдина—система, определявшая размеры земельных владений, даруемых чиновникам в зависимости от их положения и ранга, налоги и трудовая повинность в пользу монарха, местных феодалов и буддийских храмов.

Времена Аюттхаи характеризуются активным развитием внешней торговли: по ассортименту товаров, импортируемых из Китая, Сиам стоял на первом месте в Юго-Восточной Азии. Оживленно шел обмен товарами с Индией. Особо важную роль стал играть Сиам после того, как в 1511 году португальцы, захватив Малакку, взяли под контроль кратчайший путь из Индии в Китай. Восточные купцы, которым теперь приходилось платить высокие пошлины, дабы избежать беспощадного грабежа, вынуждены были осваивать новые пути. Одним из них был Тенассерим (территория нынешней Бирмы) — Аюттхая. При этом многие купцы предпочитали не везти товары дальше, а продавать их в столице государства тай, где можно было и закупить необходимые товары, поскольку Аюттхая уже превратилась в крупный международный рынок. Высокий доход приносили сиамской торговле местные богатства: олово, свинец, селитра, слоновая кость, ценные сорта дерева, олени и буйволиные шкуры. К концу XVI века суда Аюттхаи, груженные

иностранными и собственными товарами, курсировали от Японии до Персии и Аравии.

Именно в период Аюттхаи страна вышла на «мировую арену», приняла первых европейских послов. Португальцы, которым было предоставлено неограниченное право селиться и торговать в Аюттхае, в ответ стали снабжать Сиам оружием и боеприпасами, в стране появились иностранные военные специалисты, обучавшие тайцев искусству лить пушки и строить фортификационные сооружения.

Но быстрое развитие контактов между Сиамом и европейскими государствами, резкий экономический подъем были приостановлены внутренними и внешними осложнениями, с которыми столкнулось королевство. В течение тридцати лет Аюттхая четырежды (в 1536, 1549, 1563 и 1569 гг.) подвергалась нападению со стороны своего западного соседа — Бирмы, в вассальной зависимости от которой она находилась в течение пятнадцати лет. Свободу и независимость народ Сиамов вновь обрел лишь в 1584 году. Возобновились торговые связи с английскими, японскими, голландскими купцами. Заинтересованность последних в Сиаме объяснялась просто: здесь можно было вести крупную посредническую торговлю между странами Востока. Сиам привлекал иноземцев и как богатейшая продовольственная база для снабжения крепостей и факторий, созданных ими вдоль побережья Индонезии и Малакки. В 1612 году в Аюттхаю прибыла первая английская миссия, возглавляемая Адамом Дентоном, которому было поручено доставить письмо королю Экатотсорату от Якова Первого. После создания голландской Ост-Индской компании интерес англичан к Сиаму особенно сильно возрос. Постепенно в Аюттхае обосновываются и французы. С укреплением своих позиций иностранцы начинают интенсивно вмешиваться во внутренние дела Сиамов.

Но Аюттхаю прославили не только экономический взлет, расцвет культуры и искусства. Печальную известность принесли ей непрерывные войны: с кхмерами—на востоке, с бирманцами—на западе, против нового государства Малакка—на юге и с другим тайским королевством — Чиангмай— на севере. Аюттхая была также гнездом нескончаемых заговоров, коварных убийств, дворцовых интриг. Один таиландский историк отмечал, что «ни в какие времена Сиам не достигал такого могущества и не падал так низко, как в период Аюттхаи».

Мы въехали на центральную площадь Аюттхаи. И поразились... Обычный небольшой провинциальный городок. Узкие улочки, одноэтажные домишки, далеко не древней архитектуры, новые «заурядные» храмы, пагоды. Где рукотворные каналы, которые вели на север и юг—вплоть до Сиамского залива? Где клонги, дававшие возможность хозяевам Аюттхаи держать под контролем торговлю между соседними странами? Куда подевались крепостные стены с семнадцатью боевыми фортами, некогда оснащенными десятками сотен орудий? Что случилось с королевской резиденцией, окруженной в былые времена высокими стенами? Где остатки трехсот пятидесяти храмов, поражавших древних путешественников своим богатством, и высоченной башни в центре Аюттхаи, на вершине которой, отмечая время суток, служители били в огромный барабан? Никаких следов прежней столицы не осталось.

Оказалось, что мы находимся в современной Аюттхае, а старая — вернее, ее руины — лежит чуть в стороне.

В отличие от Рима, возникновение которого связано с довольно неустойчивой легендой о детях Марса и Реи Сельвии—Ромуле и Реме, имя основателя Аюттхаи известно доподлинно. В 1350 году правитель княжества Утонг объявил этот небольшой тогда еще городок, расположенный в страте-

гически важном пункте при слиянии рек Чаупхрая и Пасак, центром государства. При коронации правитель принял имя Рамы Тибоди Первого.

История новой династии, объединившей большую часть Таиланда в сильное королевство, несколько запутана. Некоторые утверждают, что князь вместе со своим двором появился в Аюттхае по причине вынужденного бегства на юг, где он надеялся спастись от холеры, разразившейся в северных районах. Думается, однако, что ближе к истине находится иная версия...

В 1159—1187 годах в небольшом тайском княжестве Чайпракан (нынешняя провинция Фанг) правил Чайсири, который после одного из опустошительных набегов воинственных соседей сжег город и ушел вместе со своими приверженцами сначала на верхнюю Чаупхраю—в Бангьянг, затем в Кампенгпет, а позднее еще дальше на юг, в старинный монский город Накхонпатхом. Видимо, здесь он укрепился довольно прочно, поскольку в местных хрониках середины XIV века встречается имя его потомка Чайсири Второго, который, вступив в брак с дочерью монского правителя княжества Утонг, объединил по праву наследования обе территории. С течением времени Чайсири Второй значительно расширил владения и основал в конце концов королевство со столицей в Аюттхае. Более четырех веков город был центром государства.

Следуя примеру всех туристов, мы начали осмотр древней Аюттхаи с единственно сохранившегося, а точнее, выстроенного заново маленького храма. Скинув при входе сандалии, переступили его порог и сразу были поражены громкими непонятными звуками, которые никак не вязались с нашими представлениями о подобных местах. Ларчик, как говорится, открывался просто. В глубине помещения у подножия большой статуи Будды на коленях стояло человек пятнадцать: непрерывно кланяясь, они трясли в руках деревянные пеналы, наполненные палочками. Они постепенно наклоняли свои пеналы все ниже и ниже, чтобы одна или две палочки упали на пол — каждая в соответствии с номером, указанным на ней, предсказывала судьбу. Потрясти пеналом мог каждый желающий. Плати несколько батов, бери пенал в монастырском киоске, где торгуют также открытками и сувенирами, и «работай» до тех пор, пока тебе не выпадет «счастливый» номер.

Кроме древнего храма да обнесенного гигантскими тиковыми бревнами, врытыми в землю, загона для слонов, где в старину монархи выбирали боевых животных, от древней Аюттхаи почти ничего не осталось. Мертвые руины, мертвая пустота былых улиц. И лишь среди обломков прямо под открытым небом вот уже более двухсот лет стоит, а точнее, полулежит тридцатиметровый каменный Будда, как страж старины, как немой свидетель страшной апрельской ночи 1767 года...

Стоишь перед обгорелыми остатками Аюттхаи, смотришь на груды битого кирпича, и словно оживают события того рокового часа, когда полчища бирманского правителя Схинбьютина после длительной осады города ворвались в столицу Сиам. Вспыхнуло пламя пожарищ, раздались предсмертные крики женщин и плач детей. Началась беспощадная резня. Огнем и мечом Аюттхая была разрушена и уничтожена до основания. Все, что представляло хоть малейшую ценность, бирманцы захватили с собой. Король и его семья, знатные вельможи, большая часть сиамской армии и тысячи простых тайцев попали в плен; население Аюттхаи почти полностью было истреблено. Многие исторические летописи, уникальные образцы придворной литературы, произведения искусства, редчайшие рукописные книги, среди которых, как утверждают, находились древние версии эпоса «Рамакиан», погибли в пламени пожарищ. До нас дошли разрозненные рукописи литературных произведений XV— XVIII веков, причем наиболее древние тексты хранятся ныне в'

западноевропейских библиотеках, главным образом во Франции, куда христианские миссионеры старательно вывозили их из Сиам. Так от, казалось бы, фатального уничтожения сохранились многие из них, став сегодня настоящими раритетами. Бирманцы увезли с собой поэтов, актеров, танцовщиц, впоследствии познакомивших их с содержанием «Рамакиан».

Стерт сегодня с карты Таиланда «Вечный город Востока». Остался лишь заштатный провинциальный населенный пункт с двадцатью тысячами жителей. И еще руины. А название «Рим Юго-Восточной Азии» сохраняется и поныне. Говорят, одной из причин падения Аюттхаи послужил запрет короля стрелять в ночное время из пушек, что стояли на городской стене: их грохот, по мнению владыки, мог разбудить его многочисленных жен и наложниц. Рим, следовательно, спасли вовремя заготовившие капитолийские гуси, а столицу Сиам погубили разоспавшиеся королевские дамы.

Легенда—быль и правда, похожая на вымысел

Прошел короткий, но обильный тропический дождь. Нам пришлось переждать его под густой кроной исполинского дерева недалеко от статуи тридцатиметрового Будды— каменного свидетеля трагедии Аюттхаи. На температуре воздуха ливень, к сожалению, нисколько не отразился, лишь увеличилась и без того сильная влажность. Вновь нестерпимо палило солнце, и мы, страдая от жары, заскочили в одно из кафе недалеко от загона для слонов.

Потягивая ледяную кока-колу, мы просматривали разложенные на столе специально для посетителей газеты. В Таиланде их ежедневно выходит несколько десятков на трех языках: тайском, английском и китайском. В одной из тайских газет я нашел показавшуюся мне любопытной информацию и принялся вслух переводить ее своему спутнику. В заметке говорилось, что апелляционный суд страны удовлетворил просьбу бывшей служащей полицейского управления провинции Петчабун о сокращении ей срока наказания. Вроде бы ничего особенного в этом сообщении не было. Но дальше корреспондент писал, что женщину приговорили за мошенничество и подлог к тысяча одному году тюремного заключения. Теперь, когда преступнице скостили срок, ей предстоит провести за решеткой всего-навсего... восемьсот пятьдесят пять лет.

Владелицу кафе, полную, широколицую тайку, видимо, заинтриговали фаранги, способные понимать местный язык. Вначале она поинтересовалась, откуда мы, нравится ли нам здесь, короче, задала вопросы, которые обычно обрушивают на туристов в любой стране мира. А несколько минут спустя словоохотливая хозяйка уже рассказывала нам о приключениях «Черного принца», освободившего Сiam от первого бирманского ига, длившегося пятнадцать лет. История эта была мне известна, однако некоторые детали я услышал впервые.

...В 1568 году огромная армия завоевателей осадила Аюттхаю. На сиамском троне восседал в то время Махин — никудышный политик и такой же военачальник. Защитой столицы фактически руководил отлично знающий свое дело генерал Пья Рам. Бирманский король Байиннаун, пустившись на хитрость, пообещал Махину снять осаду крепости, если тот выдаст ему Пья Рама. Махин ничтоже сумняшеся пожертвовал генералом. В обороне Аюттхаи наступила полная неразбериха. В довершение всего Махин поотрубал головы многим своим умелым полководцам. Город держался лишь благодаря стойкости и героизму солдат. Байиннаун, однако, дабы ускорить ход событий, пошел еще на одну коварную уловку: он убедил первого министра Аюттхаи Пья Чакри, взятого ранее в заложники, сыграть роль троянского коня. Тот появился в крепости якобы как

беглец из бирманского плена и взял организацию обороны в свои руки. В наиболее уязвимых местах первый министр поставил верных ему людей, которые в назначенный день штурма беспрепятственно пропустили врага в город. На престол Аюттхаи Байиннаун посадил правителя Северного Таиланда Маха Таммарачу, а для верности, в качестве гарантии его благонадежности, решил держать при своем дворе малолетнего сына Маха Таммарачи — принца Наресуана.

Наресуан рос и воспитывался в королевском дворце вместе с наследником Байиннауна по имени Мин Чит Сва. Вместе они играли, вместе изучали различные науки и военное дело, а вскоре так подружились, что стали считать себя родными братьями. Шли годы. Байиннаун умер; бирманский престол занял Нандабайин, отец Мин Чит Сва. Наресуан все сильнее тосковал по родине; в нем росла обида за свою страну, за свой народ, находившиеся под властью Бирмы. Когда отец Наресуана тяжело заболел и стало ясно, что дни его сочтены, правитель Бирмы отпустил юношу в Сиам, где в то время назревали уже народные волнения против иностранного гнета. На прощание Мин Чит Сва подарил Наресуану золотой меч, рукоять которого была усыпана драгоценными камнями.

Наресуан возглавил восставший Сиам. За храбрость и бесстрашие его прозвали «Черным принцем». Собрав огромную армию, он погнал захватчиков вон из страны. К нему присоединились часть южнобирманских монов, недовольных правлением Нандабайина, и большое число шанов, бежавших из мест, куда их силой переселили правители Бирмы.

Первое серьезное поражение Наресуан нанес врагу в 1586 году в битве под Ангтонгом; второе—спустя чуть более четырех лет, когда он после смерти Маха Таммарачи официально был признан королем; третье, в 1593 году, окончательно решило исход бирмано-сиамских конфликтов XVI века. В ходе генерального сражения двух армий под Нонгсарай боевой слон «Черного принца» внезапно вырвался вперед и стремительно понесся в самую гущу неприятельских войск. Вскоре Наресуан, расчищая себе путь золотым мечом, без телохранителей, один, приблизился к наследному принцу Мин Чит Сва, который стоял во главе бирманской армии. Плен или смерть сиамского короля казались неотвратимыми. Однако «Черный принц», которого отличали смелость и постоянное присутствие духа, вызвал своего «брата» на поединок, обратившись к нему со словами: «Выходи из тени дерева. Сразимся ради чести наших имен и на удивление будущим векам». Понятия рыцарского кодекса не позволили Мин Чит Сва ответить отказом. Солдаты расступились, освободив место для схватки. Первым по жребию нанес удар бирманец. Однако ловкость и быстрота спасли «Черного принца» от неминуемой гибели. Ответный удар был точен и неотразим. Предводитель войск Бирмы, обезглавленный, рухнул со своего боевого слона к ногам победителя (согласно бирманской версии, Мин Чит Сва был убит пушечным ядром). Лишившись командующего, армия противника в панике отступила. После долгих лет чужеземного господства Аюттхая вновь стала столицей независимого государства.

Хозяйка кафе окончила рассказ и, как бы подводя итог сказанному, задумчиво произнесла:

— Вот какой был герой! Настоящий! А когда случилось это,—она кивнула в сторону развалин,—такого героя не нашлось.

— Дело, наверное, не только в «Черном принце»?— осторожно заметил я.

— Правильно. Один он, конечно, ничего бы не смог. Но главное, Наресуан сумел повести за собой людей. Вот народ и превратился в огромную силу. Вы уже, наверное, слышали,—продолжала она,—о том, что Аюттхая якобы погибла

из-за запрета короля стрелять из пушек на городской стене. Что касается лично меня, то я в это не верю. Просто тогда не нашлось истинного героя, умного человека, способного встать во главе борьбы,—с этими словами хозяйка кафе сунула в рот свернутый трубочкой лист и принялась его жевать, отчего ее губы окрасились в ярко-красный цвет.

Поначалу меня пугали подобные «следы крови» на лицах многих местных жителей, однако вскоре я уже не обращал на это внимания, зная, что таков результат красящего действия бетеля—азиатского «жевательного табака». (Технология его приготовления чрезвычайно проста: зеленый лист кустарника слегка смазывается известью, посыпается кусочками плодов арековой пальмы, другими приправами—и «лакомство» готово.)

Поговорив еще немного о «роли личности в истории», мы распрощались с хозяйкой и вышли на улицу, снова оказавшись во власти нещадно палящего солнца. Побродили еще немного по развалинам. Дабы отделаться от назойливых ребятишек, которые с криком «Плиз, файв бат» (Пожалуйста, пять батов) протягивали статуэтки, якобы найденные при раскопках, мы купили несколько миниатюрных бронзовых фигурок Будды, после чего маленькие торговцы мгновенно переключились на другие группы фарангов.

— Белый слон,— неожиданно произнес мой спутник, подбрасывая на ладони только что приобретенного бронзового Будду.

Признаюсь, я не сразу понял, что он имел в виду... Согласно преданиям, тот, кто впоследствии стал Буддой, пережил свыше пятисот перевоплощений: был шудрой (самое низкое сословие в Древней Индии) и царем, пастухом и раджей, погонщиком слонов и отшельником, каменщиком, танцовщиком, резчиком, брахманом... Для последнего перерождения он избрал семью правителя шакьев. Произошло это более двух с половиной тысяч лет назад в городе Капилавасту у подножия Гималаев.

Как и другие боги, Будда—основатель самой ранней мировой религии—не мог появиться на земле обычным путем, принятым у простых смертных. Однажды жена правителя, Майя (Махамайя, то есть «великая Майя»), увидела во сне, как ей в бок вошел белый слон. Через положенное время она родила сына, покинувшего тело матери также незаурядным способом — через подмышку. Младенца нарекли Сиддхартхой, что означает «выполнивший свое назначение». Отец Сиддхартхи князь (или царь) Шуддходана, не желая сыну духовной карьеры, дал Сиддхартхе блестящее светское воспитание, женил на прелестной девушке, которая вскоре подарила ему наследника, окружил необычайной роскошью, всячески оберегал от неприятностей, от всего, что могло опечалить любимого сына. Никогда не выходя за пределы дворца и прекрасного сада, царевич проводил время в пирах, развлечениях и праздниках, не видел вокруг ничего мрачного, тягостного, безобразного. Ему неведомы были такие понятия, как «страдание», «болезнь», «смерть», «нужда». Неведомы до тех пор, пока однажды не произошли четыре знаменательные встречи. Сперва, правда, три.

Как-то во время прогулки по городу (не век же держать взрослого сына взаперти) Сиддхартхе попались на глаза дряхлый старец, жестоко страдающий болезнью и покойник, которого несли на кладбище. И тут молодой царевич впервые понял, что люди не могут избежать болезней, старости и смерти. Затем он встретился с погруженным в раздумья нищим монахом, который, добровольно отказавшись от наслаждений и радостей, обрел душевный покой в одиночестве. Юноша решает последовать примеру отшельника. Ночью он тайком навсегда покидает дворец и семью... Семь лет проводит Сиддхартха в лесу, размышляя над текстами священных книг жрецов-брахманов, голодая, истязая свое тело по обычаю фанатиков веры. Но все это не приносит царевичу удовлетворения. В

конце концов Гаутама—таким стало его новое имя (от Готама, знатного рода, из которого вышел Сиддхартха) — приходит к заключению, что ни строгий пост, ни самоистязание не являются правильным путем к спасению. Сидя как-то ночью на берегу реки Наиранджаны (в местечке Урувилва — ныне Бодх-Гай, штат Бихар в Индии), Гаутама долго размышлял, пока вдруг его не озарила мысль о «четырех благородных истинах». С этого момента он стал Буддой, то есть «просветленным высшим знанием». В первой своей проповеди в Бенаресе Будда возвестил об этих истинах: жизнь — страдание, причина страдания — жажда бытия, прекращение страдания возможно только путем устранения жажды бытия через полное уничтожение желаний, что достигается погружением в нирвану, иными словами, прекращением цепи «перерождений»...

С Аюттхаей связаны не только предания о смелых и благородных героях. Из уст тайцев нередко можно услышать имя Констанция Фалькона, за феерически короткий срок сделавшего стремительную карьеру и ставшего фаворитом короля.

...С начала шестидесятых годов XVII века торговая экспансия голландской Ост-Индской компании начинает наталкиваться на все более упорное противодействие сиамцев. Быстрыми темпами идет строительство тайского флота. Скоро купцы из Аюттхаи «перехватывают» в Японии и Китае товары, перепродажу которых голландцы считали своей монополией. Не на шутку обеспокоенные фаранги приняли решительные контрмеры — принялись топить сиамские суда на подходах к устью Чаупхраи. Аюттхае пришлось капитулировать перед голландцами: в 1664 году был подписан мирный договор—первое в истории страны соглашение с западноевропейским государством, поставившее Аюттхаю на колени. В надежде ослабить голландское засилье король Нарай обратился за помощью к другим державам: была восстановлена, в частности, фактория английской Ост-Индской компании, шаг, возвестивший о начале усиленного вмешательства Британии в сиамскую политику. В Аюттхаю прибыл представитель компании Ричард Барнеби, который окружил себя целой армией авантюристов. Среди них — двадцатипятилетний моряк греческого происхождения Констанций Фалькон. Замысел Барнеби заключался в том, чтобы агенты компании постепенно проникли в местный государственный аппарат, захватили его изнутри и затем диктовали политический курс, угодный Англии. Наибольших успехов в исполнении этого плана добился вышеназванный грек, из простого чиновника сиамского казначейства фактически превратившийся в первого министра двора. Пользуясь своим положением, он назначил многих англичан на важные государственные посты.

Французские купцы и миссионеры появились в стране позже других европейцев, но их агрессия против Сиама стала наиболее серьезной угрозой независимости страны. Первыми разведчиками, проложившими сюда дорогу, были католические миссионеры, прибывшие в Аюттхаю в 1662 году.

Благодаря их стараниям и посредничеству в Аюттхае была открыта фактория французской Ост-Индской компании, а ее директору Буро-Деландо удалось привлечь к сотрудничеству Констанция Фалькона, который, не задумываясь, изменил прежним хозяевам в обмен на посулы больших выгод.

Связанный уже с правительством Людовика XIV, авантюрист-грек за короткое время посадил теперь уже французов на многие важнейшие государственные посты. При его посредничестве Париж сумел навязать Сиаму ряд неравноправных соглашений, французская Ост-Индская компания получила в стране полную свободу торговли. Не без нажима со стороны Фалькона король Нарай отдал во владение французам несколько фортов и стратегически важных городов.

Помимо официальной Фалькон вел и тайную, закулисную деятельность. В частности, совместно с иезуитом Ташаром, приближенным личного исповедника Людовика, был разработан конкретный план подчинения Сиам французскому трону и католической церкви. Подчинения с позиции силы.

Этот план осуществлялся следующим образом. Двадцать седьмого сентября 1687 года в устье Чаупхраи вошли шесть военных судов с двенадцатью ротами отлично вооруженных солдат. Франция выставила ультиматум — передать ей ряд крепостей, который Сиа́м вынужден был принять. В то время Фалькон, используя дипломатические каналы, подготавливал полную аннексию страны своими новыми хозяевами. Но не суждено было сбыться его намерениям. В стране вспыхнуло народное восстание, король был взят под стражу и объявлен «больным». Получил по заслугам и Констанций Фалькон: он был арестован и в июне 1688 года публично казнен. Желю его, японку по имени Золотая Подкова, посадили в тюрьму. Ей, однако, удалось избежать участи своего мужа и, пережив головокружительную цепь событий, Золотая Подкова появилась в королевском дворце в роли... управляющей кухней. После смерти короля Нарая в августе 1688 года влияние чужестранцев в Сиаме пошло на убыль, европейцы изгоняются из страны. Французы некоторое время еще пытались удержаться в Аюттхаве, но разразившаяся в Европе война за испанское наследство и полный крах французской Ост-Индской компании принудили Париж оставить Сиа́м в покое на целых полтора столетия...

Первая столица Сиам

Рядом с городком Лаво, расположенным на берегу Чаупхраи, находилось озеро с кристально чистой водой. Тайцам вменялось в обязанность доставлять ее за многие километры в столицу могущественной кхмерской империи. Это была дань, знак зависимости, подвассального княжества. Однажды юный правитель Лаво отправил воду не в узкогорлых кувшинах, как обычно, а в бамбуковых плетеных корзинах, обмазанных глиной. Пока караван груженых слонов достиг места назначения, часть воды расплескалась и сосуды оказались неполными. Разгневанный царь кхмеров приказал доставить к нему тайского вождя и послал за ним в Лаво своих воинов. Узнав о приближении отряда, юный правитель бежал в соседнее поселение Сукхотаи и укрылся в стенах буддийского монастыря. А вскоре он объединил несколько тайских населенных пунктов в независимое от кхмеров государство.

Так рассказывает одна из легенд историю возникновения королевства Сукхотаи. Ныне о нем напоминает город Сукхотаи—бывшая столица Сиам,— посещение которой входило в нашу программу.

Рисовые поля с одиноко стоящими, будто пугала, цаплями постепенно сменились зарослями тропического леса, сплошь опутанного лианами. Отвесные зеленые стены вставали по обе стороны от дороги.

Флора Таиланда главным образом тропическая; половина территории занята лесами — одним из основных природных богатств страны. Леса встречаются трех типов: вечнозеленые влажнотропические (дождевые), влажные муссонные и сухие муссонные.

Наиболее широко представлены вечнозеленые влажнотропические леса, отличающиеся богатым видовым составом; они занимают большую часть Мапакского полуострова, береговые равнины юго-востока, речные долины, обрывистые отроги плато Корат, частично северные горные области. Лес этот многоярусен. Верхний ярус составляют различные деревья-гиганты, средний— главным образом панданусы и бамбуки. В каждом ярусе насчитывается несколько

сот видов растений, включая такие, как янг, такьян, многие виды пальм (арековая, саговая и т. д.), камфарное, хинное и другие редкие деревья. Все они сплошь увиты эпифитами. А лианы ротанг—лазящей колючей пальмы—достигают порой такой поразительной длины и толщины, что, обвивая стволы и кроны соседей, образуют совершенно непроходимые заросли. Внизу растут кустарники и травы, пышные мхи.

Влажный муссонный лес представлен двумя типами: смешанным листопадным, сбрасывающим листву в засушливый период года, и менее распространенным — вечнозеленым. Первая формация встречается главным образом в горах севера и состоит из высокоствольных пород. Из них тиковое дерево—наиболее ценное с хозяйственной точки зрения. Оно способно достигать самых невероятных размеров. Например, в провинции Уттарадит бережно охраняется сорокапятиметровый тик, окружность ствола которого превышает восемь метров. Часто в листопадном лесу встречаются ксилія рубанковидная—«денг», птерокарпус крупноплодный— «праду», дилления—«санбао луанг» и другие. Типичным тропическим компонентом этой формации являются также разные виды бамбука.

Массивы вечнозеленого широколиственного леса находятся на западе Таиланда вдоль реки Мекхлонг и в некоторых прибрежных районах юго-востока. Здесь встречаются такие породы деревьев, как упомянутые выше янг и такьян, сандаловое дерево, а также лианы и вьющиеся растения. Под их пологом растут папоротники.

Сухой муссонный лес—он занимает около половины лесопокрытой площади Таиланда — из-за недостатка влаги и скудости почв, на которых произрастает, состоит в основном из низкорослых деревьев. Иногда в нем преобладают бамбуки; порой доминируют колючие кустарниковые породы. Такой тип леса встречается в континентальных и низменных областях Таиланда, в том числе на плато Корат, в высокогорных областях Западного Таиланда и на окраинах Центральной долины, земли которых бедны питательными веществами. Эти леса при своей протяженности на большие расстояния создают однообразную, унылую картину. Деревья здесь обычно стоят редко, полог листвы прозрачен, что позволяет развиваться травянистому покрову. Сказанное особенно характерно для плато Корат, где на месте уничтожения муссонных лесов возникла саванная кустарниковая растительность (представлена главным образом мимозой) с высоким жестким травостоем. Здесь растет пальма пальмира и колючая груша гоаява; на более высоких участках саванну сменяет бамбук. (Недавно в газетах появилось тревожное сообщение о том, что в некоторых провинциях страны мимоза, стебли которой в здешних условиях достигают шести-семи метров в длину, «вышла из-под контроля». «Гигантская мимоза,— говорится в заявлении бангкокского ботаника П. Киттипонга,— забивает каналы, «перерезает» дороги, образует заросли, непреодолимые для людей и животных. Кроме того, занесенная тридцать с небольшим лет назад из Индонезии мимоза, семена которой разносят ветер, насекомые и водные потоки, является опасным рассадником инфекций. К сожалению,—добавил ученый,— мимозу не останавливает ни рубка, ни пожары; после них заросли становятся только выше».) В сезон дождей заболоченные участки Кората буйно покрываются травами и кустарником, а затем, во время жаркого периода, вся эта пышная растительность выгорает.

По берегам Сиамского залива и Андаманского моря встречаются растения, хорошо приспособившиеся к близости огромных масс воды и воздействию приливов. На открытых участках, на песчаных отмелях произрастает стройное дерево — казуарина, а также кокосовые пальмы. Для прибрежных тропических

болот характерна другая растительность: в устьях рек — пальма нипа, вдоль побережья—мангровые деревья, имеющие «ходули» — подпорки, во время отлива высоко выступающие из воды. Особые воздушные корни дают возможность манграм получать нужный для жизнедеятельности кислород из воздуха.

На высоте шестисот — тысячи метров над уровнем моря, в северной части Таиланда, на открытых склонах гор произрастают дубовые леса; еще выше, преимущественно на северо-западе, начинаются хвойные леса, переходящие далее в альпийские луга.

Монотонный шум мотора не мог заглушить голоса джунглей. Вперемежку с диким хохотом обезьян до слуха доносились истошные улюлюканья и устрашающие завывания, от которых, как говорится, мороз пробирал. И не мудрено. Мы, разумеется, знали, что в таиландских лесах обитают не только безобидные животные, такие, как макаки да миниатюрные безрогие олени канчиль или малютки летучие мыши весом всего два грамма (самое маленькое млекопитающее в мире).

Пожалуй, и обезьяны, истерический смех которых доносился из чащи, вряд ли были здесь такими же «покладистыми», как те, что однажды мне довелось встретить на выезде из города Прачуакирикан.

Помню, я тогда потерял не менее получаса... У самой обочины дороги находилась довольно высокая, поросшая редкими деревьями скала. Издали показалось, что она сплошь покрыта серыми, как лишай, мерцающими пятнами. Приблизившись к скале, я понял, что на ней резвились и прыгали, вереща на разные голоса, сотни обезьян. Они были какой-то грязно-серой окраски, с чудовищно длинными хвостами. Некоторые неподвижно висели на деревьях, уцепившись хвостами за сучья, другие, не обращая на меня ни малейшего внимания, вели свои обезьяньи игры. Часть их, видимо, заинтересовалась моим автомобилем. Животные выбрались на дорогу, обступили машину плотным кольцом и принялись тыкать в нее пальцами, словно собирались купить. Поминутно они что-то выкрикивали—делились соображениями. Затем, то ли по сигналу своего вожака, то ли просто настало время завтракать, они выстроились в колонну, подровняли строй и отправились через дорогу в сторону кафе, где принялись приставать к посетителям, выклянчивая бананы. Да, то были безобидные, «цивилизованные» обезьяны.

К вечеру пейзаж изменился.

Чем дальше на север, тем чаще попадались деревья, которые в сухой сезон сбрасывают «листву». В Таиланде их называют «паденг». А в приграничных с Лаосом областях леса паденг не только сильно разрежены, но и сравнительно однообразны, они состоят из совсем немногих видов деревьев: тик, железное дерево, сал.

Всего же в Таиланде насчитывается несколько тысяч видов растений, многие из которых используются в хозяйстве. Тиковое дерево представляет особую ценность: его древесина содержит значительный процент масел, что предохраняет ее от гниения. Исключительная прочность тика делает его незаменимым для судостроения. Кроме того, это дерево легко восстанавливается после пожаров, так как его семена, покрытые твердой кожурой, не боятся огня.

Замечательные свойства тика первыми распознали европейцы. В конце прошлого века они стали захватывать в Сиаме концессии на лесоразработки, число которых в 1909 году перевалило за сотню. Однако из-за труднодоступности районов тиковых лесов мелкие промышленники вынуждены были уступить свои участки более крупным. К началу тридцатых годов главные тиковые концессии сосредоточились в руках восьми иностранных компаний. Так продолжалось до

1955 года, когда истек срок договоров. Погоня за прибылями сделала свое печальное дело: не заботясь о последствиях, фаранги безжалостно истребили огромные массивы тиковых лесов, которые буквально трещали под беспощадными топорами и пилами ведущих разработки англичан.

Сейчас лесоразработками в Таиланде (главным образом в Северном) занимаются только государственные компании. Содействуя решению вопросов охраны природы, правительство страны специальным указом распорядилось значительно сократить разработку лесных богатств. Тем самым оно практическими действиями откликнулось на решение Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), объявившей 1985 год Международным годом леса. Сбереечь зеленые насаждения—для Таиланда крайне актуальная проблема. Страна неизменно фигурирует в докладах ФАО, констатирующих, что ежегодно с лица земли исчезают более одиннадцати миллионов гектаров тропических лесов по причинам кислотных дождей, других видов загрязнения окружающей среды, пожаров. Согласно оценкам ООН, опубликованным в 1985 году, ряд государств, среди которых назван и Таиланд, потеряет все свои леса в течение ближайших тридцати лет, если «нынешняя тенденция к их уничтожению сохранится». Будущее покажет, насколько эффективны меры, принимаемые в настоящее время правительством, в частности направленные на ограничение масштабов разработки тика и на более рациональные методы валки.

Валить тиковый лес не простое дело. Это целая наука. Поскольку свежесрубленное дерево тонет в воде, перед сплавом его необходимо предварительно высушить, для чего в коре на уровне примерно одного метра от земли делают довольно глубокий кольцеобразный надрез. Два года дерево сохнет на корню. Валют его, как правило, в дождливый сезон. Это объясняется тем, что в сухой период почва слишком тверда, лесина при падении может расколоться и, естественно, будет забракована. Крупным центром сплава в Северном Таиланде является город Чиангмай. Здесь стволы собирают в плоты и направляют в Бангкок на лесопильные заводы. По разработке тика Таиланд занимает второе место в мире после Бирмы; основная масса древесины идет на экспорт, главным образом в Японию.

Высококачественной смолой даммар славятся входящие в семейство диптерокарповых янг и такьян. Даммар находит широкое применение в производстве лаков и изоляционных материалов. Янг примечателен еще и тем, что дает так называемую живицу (терпентин)—смолистое вещество, выделяющееся при ранении хвойных деревьев. Тайцы собирают живицу так же, как мы березовый сок. Идет она на пропитку свай, днищ лодок, поскольку отлично предохраняет древесину от гниения и различных вредителей. Живица является также сырьем для получения канифоли и скипидара.

Позднее, уже в Чиангмае, нам довелось беседовать с представителем государственной лесопромышленной организации господином Ампонгом, от которого мы узнали еще об одном источнике добычи смолы, используемой в хозяйстве. Он с нескрываемой гордостью сказал, что жители северных провинций разводят лакового червеца.

— Лакового червеца?—переспросил я, недоуменно пожав плечами.

— Ну, конечно,—Ампонг покрутил в воздухе указательным пальцем, будто пытался запустить старинный патефон.— Насекомое. Лаковый червец,—повторил он.

— А зачем?

— Для грампластинок. Я вижу, вы не в курсе. Сейчас объясню. Чтобы «диск» был высокого качества, в него надо добавить шеллак. Добывают его в

наших лесах. Кажется, еще в Индии и Малайзии. Так вот, лаковый червец, живущий колониями на кустарнике—по-нашему он называется «голубиный горох»,—в дождливый сезон выделяет воскоподобное вещество, смолу, которая наростами облепляет ветви. Мы их обламываем и на кострах вытапливаем лак. Это и есть тот самый шеллак, который экспортируется в США и страны Западной Европы. Впрочем,—добавил он,—не знаю, может, ученые изобрели уже что-то другое для производства пластинок. Но как бы там ни было, шеллак у нас охотно закупают многие иностранные фирмы, он идет на изготовление спиртовых лаков и политуры.

Мы приближались к Сукхотаи. Пожалуй, не найдется ни одного тайца, который бы остался равнодушным при упоминании этого города. Сукхотаи—история страны. Сукхотаи — ее далекое прошлое.

Ежегодно 12 августа, в день рождения королевы Сирикит, супруги Рамы Девятого, в Национальном театре в Бангкоке выпускники столичного университета имени Чулалонгкорна показывают одну из классических национальных драм, чаще всего «Нанг Суанг». Спектакль повествует о жизненных перипетиях первой королевы Сиама, жены Индрадितья, отбившего город Сукхотаи у кхмеров.

Главными действующими лицами драмы выступают Банг Кланг (будущий король Индрадитья), Нанг Суанг, губернатор Рада и брат Нанг Суанг—Памуанг, жена Памуанга—Сикара Деви, кхмерский вице-король Сукхотаи Клон Лампонг. Лам-понг—деспот и тиран. Надменный и злой, он жестоко притесняет тайцев. Вот-вот лопнет у них терпение. Нанг Суанг посылает к Лампонгу на возведение очередного храма в Сукхотаи группу строителей, в которой скрывается ее доверенное лицо Нанг Кам. Задача Нанг Кам — разузнать подлинные настроения тайцев, проживающих в Сукхотаи, выяснить, готовы ли они начать освободительное восстание. Однако Нанг Кам случайно опознает вице-король, он арестовывает ее и отдает на потеху солдатам. Вскоре сам Банг Кланг с супругой прибывают в Сукхотаи посмотреть, как их люди трудятся на строительстве храма. Они увидели, что с рабочими-тайцами обращаются словно со скотом, за малейшую провинность охранники избивают их плетьюми до полусмерти... Тем временем Нанг Кам, оборванная и несчастная, отыскивает Нанг Суанг и рассказывает ей о чаяниях тайцев, об их готовности к борьбе. После всех страданий, не вынеся позора, она накладывает на себя руки. Для тайцев ее смерть является как бы сигналом к действию. Народ просит Банг Кланга возглавить восстание против кхмерских угнетателей... Битва за Сукхотаи была кровопролитной. Банг Кланг убил вице-короля и взошел на трон, взяв себе имя Шри Индрадитья.

В этой танцевальной драме, являющейся одной из версий рождения государства Сукхотаи, безусловно, больше художественного вымысла, чем правды. Но она и не претендует на историческую достоверность, хотя несравнимо ближе к истинным событиям, чем незамысловатая история о юном правителе Лаво и глиняных кувшинах.

Летописи свидетельствуют, что к моменту восшествия на престол сына Шри Индрадитья Рамы Камхенга (1275— 1318 годы) Сукхотаи уже превратился в могущественную страну, простиравшуюся от Меконга до Малаккского полуострова.

К тому же периоду относится первая дошедшая до нас надпись на тайском языке, в которой, в частности, говорится: «...государство Сукхотаи процветает. В водах есть рыба, на полях — рис... Кто желает торговать—свободно торгует... Если человек из народа или знатный, или вождь заболит и умрет, дом его предков, его слоны, его домашние, его амбары с рисом, его рабы, его насаждения

ареки и насаждения бетеля, принадлежавшие ему и его предкам, переходят целиком и полностью к его детям...»¹³

Любопытно, что текст—эдакий своеобразный тайский вариант знаменитого «Города солнца» Томмазо Кампанеллы, выбитый на каменной плите и установленный в пальмовой роще, где в те далекие времена обычно совершались религиозные церемонии,— был долгое время никому не известен. Только через шесть веков, случайно обнаружив каменную стелу, потомки открыли, что небольшой городок Сукхотаи некогда был столицей огромного феодального государства.

Переняв эстафету власти у отца, король Рама Камхенг еще больше расширяет границы государства. Он нанес тяжелые удары индонезийской империи Шривиджая и бирманскому государству Паган, оккупировал, по-видимому, весь Малаккский полуостров, установил протекторат над Южной Бирмой, захватил большую часть территории современного Лаоса. Формирование Сукхотаи происходило в обстановке серьезной угрозы со стороны китайского императора Хубилая. По инициативе Рамы Камхенга тайские государства Сукхотаи, Пайао и Чиангсен в 1287 году заключили тройственный союз. Они практически были единственными в регионе, кто не признавал власти китайско-монгольской империи. Однако после смерти Рамы Камхенга в Сукхотаи стали проявляться признаки быстрого упадка. Религиозный фанатизм последних его правителей, раздаривавших огромные земельные угодья и богатства буддийским общинам, а также острые феодальные распри ослабили военную мощь государства. Под нажимом кхмеров и бирманцев, да и других тайских вождей территория Сукхотаи значительно уменьшилась, и королевство превратилось во второстепенное княжество.

Сегодня Сукхотаи—одно из пяти исторических мест, по решению правительства превращенных в «национальные археологические заповедники». Здесь, так же как и в Кампхенгпхете, Сатчаналае, Чиангсене и Аюттхае, ведутся реставрационные работы, трудятся специальные бригады, очищающие от зарослей ценнейшие памятники древнего зодчества. В городе никто не живет. Лишь безмолвно стоят среди пагод и храмов каменные Будды да огромные каменные слоны.

А все население сосредоточилось не в старом, а в новом Сукхотаи, лежащем в нескольких километрах от бывшей столицы Сиам. Гостиниц в Сукхотаи, маленьком провинциальном городке с двадцатью тысячами жителей, не оказалось. Был лишь гостевой дом при местном музее. Однако в него нам попасть не удалось—все места были заняты иностранцами, которые забронировали номера заранее, еще в Бангкоке, через секретариат директора Департамента изящных искусств.

После краткого знакомства с экспозицией музея, небольшой прогулки по бывшей столице нам ничего больше не оставалось, как двинуться дальше по намеченному маршруту. Департамент изящных искусств находился в столице, за сотни километров от Сукхотаи. Помощи ждать было неоткуда. Мы завидовали тем счастливицам, которые, отдохнув в доме для гостей, наутро со свежими силами приступят к подробному осмотру Сукхотаи. А посмотреть тут было что...

Старый Сукхотаи окружен крепостной стеной и тремя кольцами земляного вала, между которыми прорыты довольно глубокие рвы с водой. В город можно попасть через одни из четырех ворот, каждые из которых носят свое название: Сан Муанг—на севере, Намо—на юге, Кам-Хэнгхак—на востоке и Оа—на западе. Свыше двадцати чудесных памятников архитектуры находятся в старом городе.

¹³ Полный текст надписи приведен в книге Э. О. Берзина «История Таиланда». М.: Наука, 1973г.

Наибольшее впечатление оставляет, пожалуй, храм Маха Тэт, обнесенный кирпичной стеной, в цоколе которой высечен хорошо сохранившийся барельеф с изображением фигур учеников и последователей Будды, демонов, слонов и ангелов, восседающих на спинах у львов. Сам храм ступенчато сужается кверху; небольшие дагобы и скульптуры размещены неравномерно и поодиночке; впечатление высоты усиливает соответственно больших размеров верхняя дагоба, увенчанная длинным шпилем. Храм имеет сходство со ступой; сочетание ступы и башни придает ему своеобразную форму, отдаленно напоминающую храмовые постройки Пагана в Бирме. Пагоды Сукхотаи в основном принадлежат к двум традиционным и поныне стилям: «пра пранг»—с закругленной вершиной и «пра чеди»—с колоколообразным покрытием, продолжением которого является шпиль.

Архитектура и скульптура периода Сукхотаи, в которых нашло отражение большое разнообразие школ, внесли весомый оригинальный вклад в культовое искусство. Больше всего обращает на себя внимание «шагающий Будда» — фигура удивительно динамичная, грациозная, привлекающая мягкими линиями. Бронзовые изображения Будды периода Сукхотаи отличаются от более ранних (монской и кхмерской эпох) узкие выразительные лица; богато стилизованная уже в древней каменной скульптуре прическа переходит в колпак с несколькими рядами упорядоченно расположенных завитков. Ушнина — примета Будды — становится все выше, острее и постепенно (уже в бангкокский период) превращается в корону.

...Сумерки наступили мгновенно. Еще минуту назад мы любовались скульптурой бронзового Будды перед входом в храм Сара Сери и вот уже в темноте с трудом различаем друг друга. Приходится занимать места в машине и прощаться с Сукхотаи, городом, который по праву считается колыбелью тайской цивилизации.

Именно в Сукхотаи был введен в употребление алфавит, созданный Рамой Камхенгом в 1283 году на основе мон-кхмерской системы письма, восходящей к древнеиндийской письменности пали; этот алфавит сохранился в основном до наших дней. Во времена Сукхотаи в стране распространилась цейлонская школа буддизма—хинаяна. Здесь королем Лита-ем было создано произведение «Трай Пум Катха» («История трех миров»), оказавшее большое влияние и на литературу, и на религиозное мировоззрение тайского общества в целом. В руинах Сукхотаи найдены надписи, тематика которых помимо фрагментов из священных проповедей включает исторические хроники, указы, сведения по медицине и астрономии.

Сохранить Сукхотаи для потомков! С таким призывом обратился к международному сообществу генеральный директор ЮНЕСКО А.-М. М'Боу, подчеркнув, что исторические памятники, включая храмы и статуи, расположенные на территории Сукхотаи, находятся в постоянной и всевозрастающей опасности. Он отметил, что в короткий срок организовать их охрану и реставрацию, провести тщательные археологические раскопки и исследования одному Таиланду не под силу. А.-М. М'Боу призвал государства—члены ЮНЕСКО принять участие в судьбе Сукхотаи, как это было сделано для памятников культуры Нубии, Боробудура, Мохенджода-ро, Карфагена...

Пльиви, кратонг!

Чиангмай расположен на высоте трехсот метров над уровнем моря. Город лежит в напоминающей чашу горной котловине, окруженной невысокими хребтами. Здесь нет изнуряющей духоты и влажности, свойственных равнинам

южных и центральных районов страны. Чистый и прозрачный воздух напоен запахами леса, ароматом цветов. Река Пинг поражает своей кристально чистой водой. Благодатный край. Сохранению девственной природы Чиангмая и его окрестностей помогает то обстоятельство, что в городе нет ни крупных заводов, ни фабрик. Лесопилъни, рисорушки, небольшие предприятия по производству чая и табака, сахара и спирта, мастерские по выработке шелка и лаков—таков промышленный Чиангмай.

Своеобразие и красоту Чиангмаю, как и любому другому городу страны, придают культовые сооружения. Девять буддийских храмов находятся непосредственно в Чиангмае. Среди них — Суан Док, где посетители могут лицезреть одно из самых больших в Таиланде бронзовых изваяний Будды, Чеди Лаунг, Коо Тао, Чедован и другие. Монастыри и храмы есть также в пределах нескольких километров окрест города. Из расположенных за чертой Чиангмая самым величественным является ват Пратам Дои Сутеп. Он воздвигнут на вершине горы, откуда со смотровой площадки, обнесенной чугунной оградой, которую поддерживают две гигантские змеи, весь город предстает словно на ладони.

Со смотровой площадки хорошо видно, что центр Чиангмая когда-то был обнесен каменной стеной. Где-то кладка сохранилась полностью, где-то сильно разрушилась, а местами ее бывшее существование просто угадывается.

В одной из исторических хроник записано, что в 1296 году король Менграй решил перенести свою резиденцию из города Сарапи, который подвергался ежегодным наводнениям, выше в горы. Вместе со своей свитой он отправился на поиски места для новой столицы. Жители маленькой деревушки возле горы Дои Сутеп рассказали высоким гостям, что недавно встретили здесь двух белых оленей. Менграй увидел в этом добрый признак и избрал указанное место для сооружения своей резиденции. Девяносто тысяч рабочих было согнано на строительство Чиангмая — «нового города», как переводится на русский язык это название. В дальнейшем враги неоднократно разрушали столицу, но крепостные стены оказались настолько прочными, что отдельные участки хорошо сохранились до наших дней.

По своей величине и значению Чиангмай считается, как уже говорилось выше, вторым городом Таиланда. Он возглавляет список пятнадцати крупных, по местным масштабам, провинциальных центров с числом жителей около или чуть больше ста тысяч, в который входят Корат, или Накхонратчасима, Убонратчатхани, Удонтхани, Лампанг, Кхонкэн, Сурин, Накхонситхаммарат, Бурирам и некоторые другие. Однако лишь Чиангмай является достойным соперником Бангкока и может упоминаться с ним в одном ряду, поскольку только эти два города имеют статус высшего ранга, или, как тут говорят, накхон.

Вообще следует отметить, что административно-территориальное деление страны весьма сложное. Таиланд разбит на 72 провинции (чангвата), губернаторы которых подчинены Министерству внутренних дел и проводят правительственную политику на местах. Каждая провинция в свою очередь поделена на районы (ампуры). Возглавляющая ампуры администрация ведает вопросами финансов, образования, охраны общественного порядка, строительства и так далее. В настоящее время в Таиланде около шестисот ампуров, в состав которых входят свыше шести тысяч общин (тамбонов), объединяющих сорок пять с лишним тысяч деревень (мубан). Общиной, куда входит пять-шесть деревень, руководит староста, назначаемый губернатором: он выполняет приказы начальника ампура, отвечает за поддержание порядка, ведает регистрацией актов гражданского состояния, оказывает содействие в сборе налогов, следит за соблюдением законов, контролирует санитарное состояние деревень, сообщает о всех случаях

правонарушений. Представителями административной и судебной власти в деревнях являются старосты.

В последние годы своеобразный административный статус получили в стране многие развивающиеся торговые центры сельских районов. Согласно правительственному декрету, населенный пункт, в котором проживает не менее полутора тысяч человек на площади от одного до четырех квадратных километров и в котором функционирует как минимум сто торговых заведений, приобретает статус «оздоровительного округа», что обеспечивает ему приток из государственной казны дополнительных средств на нужды коммунального хозяйства. Такая политика в определенной мере способствует возникновению поселений полугородского типа и стимулирует социально-экономическое развитие периферийных сельских районов.

Жители столицы Северного Таиланда Чиангмая отличаются редкостным гостеприимством, радушием, исключительной любовью к своему городу. Остановите на улице любого человека, начните расспрашивать его о Чиангмае, и, если человек этот не очень спешит, на вас буквально обрушится поток самых разнообразных сведений и фактов, относящихся как к истории города, так и к его сегодняшней жизни.

Подобную словоохотливость чиангмайцев мне пришлось испытать на себе. Первый прохожий, к которому я обратился при въезде в Чиангмай, чтобы узнать, как добраться до ближайшей гостиницы, не только ответил на мой вопрос, но и перечислил все отели, добавив, что, по его мнению, лучшими являются «Принц», «Чианг», «Президент» и «Сурифонг». Кроме того, он... настоятельно порекомендовал сходить в зоологический сад, где многие животные разгуливают не в вольерах, а прямо по пешеходным дорожкам, побывать в здании Чиангмайского университета и непременно полюбоваться там расписанным золотом конференц-залом, который смело можно отнести к выдающимся произведениям архитектурного искусства. Словоохотливый таец успел также сказать, что его родной город часто называют «Розой севера», потому что здесь выращивают прекрасные цветы, «лучше которых не найти ни в одном уголке страны».

Да, расположенный в горной долине, где круглый год достаточно влаги и много солнца, Чиангмай буквально утопает в яркой кипени роз, гладиолусов, гвоздик, львиного зева. Цветы растут везде и всюду, придавая газонам, которые мы привыкли видеть поросшими зеленой травой, вид красочных пушистых восточных ковров. Цветы украшают палисадники практически каждого дома. Они на балконах, открытых верандах, в специальных ящиках, прикрепленных под окнами снаружи. Похоже, жители города ведут нескончаемое своеобразное «цветочное состязание».

«Розы, купите розы!» — призывно звучат на улицах голоса торговцев. И если бы не их выкрики, могло показаться, что корзины и вазы с цветами разных сортов, форм и оттенков вовсе не для продажи расставлены вдоль тротуаров, а представляют собой элемент художественного оформления города.

Что касается архитектуры Чиангмая, то она ничем особенно, кроме, разумеется, храмовых построек, не примечательна. Дома в большинстве своем двух- и трехэтажные. Улицы узкие, и, поскольку расстояния в городе небольшие, местные жители предпочитают пользоваться велосипедами. Даже европейцам в конторах проката предлагают в первую очередь не автомобиль, а велосипед или мопед.

Чиангмай известен своими искусными мастерами — резчиками по дереву, чеканщиками, ткачами... Исторически сложилось так, что многие улочки Чиангмая отмечены «цеховыми» признаками. На одной, к примеру, живут и работают

чеканщики по серебру. Расположившись на тротуарах в традиционной восточной позе—сложив под себя ноги крест накрест, они неотрывно работают маленькими молоточками, нанося сложнейшие орнаменты на чаши, кувшины, блюда, подносы. Другая улица заселена ткачами. Ткачеством занимаются женщины. На ручных станках, установленных прямо на открытом воздухе, они ткут шелковые полотна. Есть в Чиангмае и гончарная улица, улица резчиков по дереву, улица мастеров, изготавливающих различные лакированные безделушки. Самым современным занятием здесь можно назвать слесарное дело. На улице я наблюдал однажды забавную сценку. Не успел европеец въехать на своей машине с помятым передним крылом на «слесарную улицу», как его мгновенно обступили не менее двадцати человек, наперебой предлагавших свои услуги. Выйдя из машины, иностранец еще только начал вести переговоры о цене с пожилым мастером, а уже те, кто были помоложе, принялись «вытягивать» крыло с помощью троса, прикрепленного к фонарному столбу. Через минуту застучали резиновые молотки, «разглаживая» неровности металла. Фаранг быстро сговорился со стариком и, довольный, сел под зонт, куда ему принесли бутылку апельсинового сока— «оранжада». Из обрывков фраз, которые донеслись до меня, я понял, что машина будет готова—выправлена, покрашена и отполирована—через двадцать минут, а владелец автомобиля должен уплатить двойную таксу за быстроту ремонта.

Зонт, прикрывавший фаранга от солнца, также входил в число тех традиционных тайских сувениров, которыми славится Чиангмай. Изготавливаемые из бамбука, они бывают всевозможных размеров — от крошечных детских до гигантских, под куполом которых может свободно разместиться десяток человек. Неподалеку от Чиангмая есть деревня Босанг, жители которой специализируются на изготовлении зонтов. Их слава разнеслась не только по всей стране, но и далеко за рубежом. В Босанге несколько крупных мастерских, при входе в которые гостей встречают девушки, держащие в руках распахнутые зонтики, что означает: наши сердца открыты, предлагаем вам кров, защиту от дождя и от жаркого солнца.

В отличие от самого Чиангмая, где нет крупных предприятий, в городах, окружающих «столицу Севера», промышленность более развита. В Мэмо (близ Лампанга) действуют машиностроительный и металлообрабатывающий комбинаты, первый в стране завод химических удобрений, в Лампанге— завод по производству лаков, в Чомтхонге—сахарный завод, в Фанге (к северо-западу от Чиангмая) — нефтеперегонный. Быстрыми темпами развивается в Чиангмае и других центрах района лесопильная, рисоочистительная и текстильная отрасли обрабатывающей промышленности.

В какой бы месяц ни приехал иностранец в Таиланд, он обязательно попадет на какое-нибудь торжество. В стране превеликое множество всяких праздников — национальных и религиозных,— которые всюду отмечаются с неизменной пышностью, сопровождаются танцами и играми, забавами и развлечениями. Новый год, День коронации, Первая борозда, Висака Буча, День Чулалонгкорна, Асалаха Буча, Сонгкран, День рождения короля, Фестиваль «плывущего лотоса», уже упоминавшаяся «Королевская процессия», День первой конституции... Всех, пожалуй, и не назовешь.

Наша поездка в Чиангмай пришлась на ноябрь, и с корабля мы, как говорится, попали на бал. Именно эту фразу произнес портье отеля «Президент», вручая нам ключи от номеров.

— Не забудьте... Вечером все соберутся на берегу реки,— крикнул он нам вдогонку.

...И вот, когда над городом опустились сумерки, на берег Пинга стеклись огромные толпы народа. В воде, загадочно мерцающей, отражались тысячи огней.

Казалось, река горит, пылает желтым пламенем. А люди все пускали и пускали «кораблики»—большие и маленькие, которые вливались в общую «огненную дорогу». Таинственный, символический обряд «Лой кратонг». Время его проведения — месяц, когда с наступлением полнолуния вода достигает наивысшего уровня. Место проведения — реки, пруды, водоемы. Цель? Люди благодарят Мать вод, «в чьей груди они купаются, плавают и черпают воду для полей», благодарят ее за щедрость. Одновременно они просят у нее больших урожаев на будущее.

В этот день тайцы мастерят из банановых листьев корзиночки-кратонги, кладут в них пищу, украшают разноцветными лотосами, зажигают укрепленную внутри кратонгов свечу и пускают их по реке в поисках счастья. «Пльиви, кратонг!» — напутствуют они свои кораблики. «Пльиви, кратонг!»— говорят они в надежде, что Мать вод сжалится над ними и унесет их неудачи, беды, болезни, все плохое, что есть и будет, подальше, прочь, с глаз долой.

Когда сложился этот странный обряд? Прояснить вопрос нам помог служащий этнографического музея.

В XIII веке, во времена правления короля Рьянга Великого, в стране жил брахман, у которого была дочь по имени Нобамас. Ее красоту и мудрость народ воспевал в песнях. Про ее ум и обаяние складывали стихи. Однажды Рьянг Великий услышал от своих придворных музыкантов песню о Нобамас, в которой говорилось, что это единственная девушка, достойная стать женой короля. Рьянг немедленно послал знатных дам к отцу красавицы просить руки его дочери...

Вскоре после свадьбы наступил праздник двенадцатого полнолуния. Рьянг Великий пожелал, чтобы его молодая супруга присутствовала на водной процессии. Нобамас, будучи женой короля-буддиста, оставалась верной своей религии— брахманизму, молилась своим богам. По обычаю, каждый брахман раз в год должен преподнести духу реки что-то вроде подарка, с тем чтобы взамен получить отпущение грехов. Нобамас смастерила великолепный кратонг из листьев подорожника, положив туда горстку сушеного риса, душистый лотос, благовонные палочки, листья бетеля и арековый орех. А в центр своего подарка она поместила свечу. Вечером, когда все было готово к началу праздника и толпы народа замерли в ожидании выхода короля, который должен был в окружении свиты проследовать из дворца на берег, где его ожидала ладья, на реке появилось странное, никогда доселе невиданное сооружение, освещенное изнутри бликами горящей свечи. То был кратонг королевы. Все восхитились красотой кратонга; люди передавали его из рук в руки, подолгу рассматривая. Нобамас, когда ее спросили о значении сооружения, объяснила, что это ее подарок духу реки.

С тех пор, уже свыше семи столетий, народ Таиланда отмечает праздник, который зовется «Лой кратонг» или «Фестиваль плывущего лотоса».

— Приезжайте в Чиангмай в апреле, на Сонгкран,— сказал нам портье, когда мы рассчитывались за номер в отеле.

— Спасибо, постараемся.

— Нет, нет,— горячо возразил он, расценив наше «спасибо» как простую вежливость.— Мы отмечаем Сонгкран не так, как в Бангкоке. Непременно приезжайте.

Колыбельная для слонов

Два года посетителей зоопарка в американском городе Хьюстон привлекала коралловая змея. Ежедневно толпы людей подолгу разглядывали шевелящийся перламутровый клубок, замороженные гипнотическим взглядом этого пред-

ставителя не только самых ядовитых, но вместе с тем очень красивых пресмыкающихся. Все шло хорошо, пока какой-то дотошный хьюстонец не обнаружил, что змея не настоящая, а... резиновая!

Директорам тайландских зоопарков в отличие от своих коллег из Соединенных Штатов нет нужды пускаться на подобное мошенничество. Фауна страны настолько разнообразна и экзотична, что нет необходимости конструировать электронные муляжи обитателей клеток и вольер, аквариумов и террариумов.

Зоопарк в Чиангмае «по ассортименту» отличается от столичного, бангкокского, пожалуй, лишь одним. Отсутствием в нем белого слона! Зато как бы в порядке своеобразной компенсации многие редчайшие животные представлены здесь в нескольких экземплярах. Осмотр чиангмайского зоопарка лишний раз убедил нас в необычайном богатстве и изобилии фауны Таиланда.

Из хищников в лесах встречаются тигр и леопард, причем леопард, обитающий в засушливых районах, имеет желто-пятнистую окраску, а во влажных и вечнозеленых лесах — черную (черная пантера). В отдаленных горных областях попадаются — правда, изредка—дымчатый леопард, золотистая кошка; на западе — виверровая кошка, камышовый кот и самая миниатюрная из семейства кошачьих—бенгальская кошка.

Во всех районах страны, кроме Малаккского полуострова, водятся известные своей свирепостью гималайские медведи. В глухих болотных лесах Южного Таиланда обитают очень редкие животные, встречающиеся только в Индокитае,— чепрачные тапиры, которых осталось всего лишь несколько десятков. К исчезающим зверям относятся, кроме того, занесенные в Красную книгу медведи «барибал» и малайский, а также носороги. Причина их бедственного положения—браконьерство. Желчные пузыри медведей считаются сильнодействующим средством при лечении болезней суставов и других недомоганий, а у туристов большим спросом пользуются блюда, приготовленные из медвежьего мяса. По сообщениям местной печати, не так давно члены специальной комиссии тайландского общества защиты животных в ходе инспекционного рейда по столичным ресторанам в подсобном помещении одного из них обнаружили десять медведей в клетках, ожидавших своей очереди на кухню. Что касается носорогов, то их с давних времен во всем мире преследуют из-за легенд о сказочно целебных свойствах их рога. Охрану обитающих в Таиланде суматранских носорогов обеспечивать необычайно трудно. Животные этого вида, общая численность которых здесь не превышает сотни экземпляров, обитают не только в Таиланде, ограниченные их популяции имеются в Бирме, Малайзии, Индонезии.

Из других крупных хищников можно назвать красных волков и шакалов, из более мелких—куницу-харзу, индийских барсуков, линсангов (азиатских циветт), мангуст и выдр. На полуострове, в горах, на севере и западе встречается кабан. В лесах, по берегам рек и ручьев, живут маленькие, «игрушечные» олени—малайский и канчиль, рост которых едва достигает пятидесяти сантиметров; в полосе вечнозеленых лесов обитают три вида индийского мунтжака («лающего оленя»). Повсюду в лесной зоне есть крупные олени: замбары и аксисы. Дикие быки представлены черно-бурыми катингами (гаурами), а также рыжеватыми бычками-бантенгами. Последние являются предками тайландской породы домашнего крупного рогатого скота. На заболоченных берегах полуостровной части страны встречаются большой индийский и маленький сиамский крокодилы.

Многообразен в Таиланде отряд обезьян. В районах вечнозеленого и влажного смешанного лесов водятся белорукие гиббоны. Королевский гиббон обитает на востоке Таиланда. Ареал короткохвостой макаки—возвышенности

западной части страны. Леса более низкого пояса населяют косматые макаки, макаки-резус. В горах на западе встречаются лангуры, или тонкотелые обезьяны, а на востоке — хохлатые обезьяны. В равнинной части живут полуобезьяны—лори (лемур), ведущие ночную жизнь, а днем скрывающиеся в кронах деревьев. Здесь же можно увидеть белку-летягу, умеющую благодаря перепонкам между задними и передними лапами планировать с дерева на дерево. А всего в Таиланде насчитывается около шестидесяти видов белок. Расселены они по всей стране и имеют разнообразнейшую окраску—белую, черную, желтую, ярко-красную; в дождевых лесах встречаются черно-белые белки.

Очень много в стране различного вида крыс. Мигрируя, их полчища опустошают на своем пути поля, причиняя огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Крысы не только бич сельских районов. От них нет житья и в крупных городах, даже в столице. Мое знакомство с животным миром Таиланда началось в свое время как раз с этих пренеприятнейших представителей местной фауны.

...Мы сидим в полупустом зале бангкокского кинотеатра «Крунг Касем». На экране, словно в калейдоскопе, сменяют друг друга сцены насилия, яростной перестрелки и бешеной погони на спортивных машинах, вертолетах, подводных лодках. Фильм отнюдь не для слабонервных. Усилия его создателей, помноженные на миллионы долларов, привели к появлению боевика, который по замыслам сценариста, режиссера и продюсера должен держать зрителя в постоянном напряжении, в состоянии бездумного оцепенения. Судя по реакции окружающих нас людей, цель была достигнута.

Я не без интереса следил за перипетиями экранного супермена— очередного героя нескончаемого потока американской кинопродукции, входящей в обязательное «духовное меню» тайцев. Однако больше фильма меня занимал находившийся в зале человек—официант в светлой куртке. Поведение его казалось в высшей степени странным. Подсвечивая фонариком, он осторожно двигался между рядами кресел, предлагая желающим мороженое, кока-колу, шоколад, орешки в сахаре. При этом официант по-птичьи высоко поднимал ноги. Создавалось впечатление, что шел он не по деревянному полу кинотеатра, а по воде, стараясь не промочить ботинки.

— Что это с ним? — шепотом обратился я к своему спутнику.

— Боится,— слышался ответ.

— Чего?

— Не чего, а кого. Крысы могут покусать. Я невольно вздрогнул.

— Здесь есть крысы? — не скрывая волнения, спросил я.

— Полно. Так и шастают. Норовят все больше в щиколотку вцепиться.

Особенно, когда фильм слабый, — усмехнулся мой товарищ.

— А если сильный?

— Тогда не шастают. Сидят себе тихо и смотрят на экран. Шутка, конечно, — как бы прочел он мои мысли. — А крыс тут действительно предостаточно. Прости, не предупредил заранее. Забыл, что ты только-только из Москвы. Я здесь бывал уже не раз, нашел средство... Подними колени и упрись ими в спинку переднего кресла. Смотри, как это делается...

Воспользоваться советом я не успел. Что-то больно ударило меня по ноге. Я вскочил с места, издал душераздирающий крик, напоминавший боевой клич индейцев, и, увлекая за собой спутника, ринулся к двери, над которой тускло мерцала табличка со словом «Exit» — «Выход».

— Зачем ты меня повел в этот кинотеатр? — набросился я на него, когда мы выскочили из зала.— Разве тут нет других, без крыс и летучих мышей, без кобр, тарантулов и иных омерзительных тварей?

Оказалось, выбор моего товарища пал на «Крунг Касем» просто потому, что этот кинотеатр был ближайшим от нашего дома. Среди восьмидесяти бангкокских кинотеатров имеются и современные: они оборудованы кондиционерами, удобными мягкими креслами. По вечерам их светящиеся неоновыми рекламами призывно мигают и искрятся, предлагая зрителям свой «товар».

Вот при таких обстоятельствах произошла моя первая встреча с представителем семейства грызунов (правда, я его тогда не увидел, а лишь почувствовал). Теперь же, в чиангмайском зоопарке, было достаточно беглого взгляда на кишевший крысами террариум, чтобы понять: из кинотеатра «Крунг Касем» я не напрасно выбежал столь поспешно...

Весьма разнообразен в Таиланде и мир пресмыкающихся. В стране около семидесяти пяти видов ящериц, среди которых по меньшей мере одиннадцать — летающие, способные планировать с дерева на дерево. В жилищах человека — даже в самом Бангкоке — встречаются маленькие ящерки-гекконы. На крышах прячутся покрытые красными пятнами ящерицы, именуемые в Таиланде «туг-гай». Они считаются покровительницами домашнего очага, так как истребляют разных вредных насекомых, изгоняют крыс и мышей.

Из множества змей (свыше семидесяти видов), распространенных в Таиланде, тринадцать ядовитых, в том числе королевская кобра, достигающая четырех с половиной метров в длину, обычная кобра, пять видов гадюк, несколько морских змей. «Безобидный» питон тоже приносит порой немало хлопот. В местных газетах то и дело можно прочесть сообщения, что в таком-то районе Бангкока полицейские во время объезда своих участков наталкиваются на питонов. Иногда борьба с непрошеными гостями длится часами. Самым большим из пойманных на улицах столицы и отправленных в зоопарк питонов оказался семиметровый гигант весом порядка пятидесяти килограммов.

Однажды во двор дома, где мы жили, заползла, как мы тогда были уверены, ядовитая змея. Очень красивая, она переливалась всеми цветами радуги. Несмотря на столь привлекательную внешность, змея не вызвала у нас чувства симпатии. Более того, поднялась настоящая паника, и, повинувшись инстинкту самосохранения, мы кинулись к пожарному щиту за топорами и лопатами. Мы уже собирались пустить их в ход, когда появился пожилой таец-сосед; он невозмутимо объяснил нам, что нежданный гость — не что иное, как накануне приобретенный им за немалые деньги декоративный питон, предназначенный для украшения сада. Легко себе представить реакцию тайца, приди он несколькими минутами позже...

Таиланд иногда называют «змеиным царством» не только потому, что там водится много змей, но и потому, что они в большом количестве отсюда экспортируются. Около тридцати местных фирм специализируются на экспорте живых рептилий. В последнее время из страны ежегодно их вывозится около полутора миллионов штук. Недостатка в покупателях нет: экзотические блюда из змей пользуются повышенным спросом в фешенебельных ресторанах Гонконга, Японии, США, Южной Кореи, Тайваня. Экспорт приносит владельцам фирм большие доходы — приблизительно три миллиона долларов в год. Специалисты утверждают, что, если подобный бизнес будет такими же темпами процветать и дальше, «змеиное царство» потерпит серьезный ущерб.

Особенно широко представлен в Таиланде мир насекомых. Одних только бабочек насчитывается свыше шестисот видов. Много насекомых-вредителей, наносящих немалый урон рисоводству. В ветвях деревьев скрываются огромные пауки-птицееды. Леса наполнены светляками, которые по вечерам слетаются к рекам, клонгам, озерцам, садятся на прибрежные кусты, отчего растения вспыхивают голубоватыми огоньками, отражающимися в воде. Распространены

по всей стране термиты, портящие древесину, ткань и вообще любое вещество органического происхождения. Истово верующие люди относят термитов к разряду священных, поскольку формой их жилища похожи на буддийские пагоды.

Обилие птиц в Таиланде ярко свидетельствует о богатстве тропической природы. Первенство по численности среди пернатых принадлежит цаплям, обитающим в поймах рек, на болотах и рисовых полях, по берегам клонгов; много ибисов и аистов. Особенно разнообразны лесные виды птиц. Здесь и фазаны, и дикие куры, и павлины, и птица-носорог. На равнинах юга часто можно встретить пеликанов, которых крестьяне приручают ловить рыбу, сиамских краснозобых журавлей. В стране насчитывается не менее шестнадцати видов зимородков. Немало хищных птиц: орлов, соколов, сарычей, коршунов. На побережье много стрижей (гнезда каменных стрижей используются в пищу и считаются деликатесом в китайской кухне). Часто встречаются мухоловки, иволги, жаворонки, ласточки.

Замечено, что в последние годы в период с октября по апрель Бангкок превращается в гигантское «ласточкино гнездо»; сюда слетаются на зимовку из нашей Сибири, Китая, с Корейского полуострова сотни тысяч этих пернатых. Жители столицы любят птиц, когда они, совершая на закате свой вечерний моцион, кружат в подсвеченном огнями небе, напоминая черные листья, танцующие на ветру. Ласточки, как известно, предпочитают тихую сельскую местность, но вот уже несколько лет, изменив своим привычкам, они собираются в шумном Бангкоке.

Многообразны также обитатели пресных и соленых вод. Среди пресноводных особенно велико хозяйственное значение карповых, насчитывающих семьдесят пять видов. Самый крупный карп достигает в длину трех метров. Интересны виды лабиринтовых рыб (анабас—в переводе с латинского «ползун»), которые могут дышать не только в воде, но и на воздухе, когда они в сухой сезон зарываются в илистое дно высохших водоемов и рисовых дежанок. Наряду с теми видами, которые неподвижно переживают жаркий период под спекшейся коркой земли, есть рыбы-путешественницы...

К сожалению, ни в чиангмайском, ни в бангкокском зоопарках, ни в Тимленде — «Таиланде в миниатюре» мне не удалось распознать из сотен разноцветных и разнокалиберных рыб и рыбешек этого удивительного «ползуна», сообщение о котором впервые опубликовал в свое время датский ученый Дальдорф. Он писал, что «окунь карабкающийся» — так он назвал «ползуна» — может жить без воды и даже забираться на деревья. Впоследствии способность «окуня» лазить по деревьям не подтвердилась, ввиду чего ихтиологи переименовали его в «анабас». У этой рыбы, живущей в озерах и реках Таиланда, Индии, Бирмы, Шри-Ланки и Филиппин, имеется двойной дыхательный аппарат, который дает ей возможность потреблять кислород как из воздуха, так и из воды. По земле «ползун» передвигается с помощью плавников и многочисленных подвижных «шипов». «Скитаться» его заставляют неблагоприятные условия жизни—не только высыхание водоемов, но и нехватка кормов. Вот и выбирается эта небольшая рыбка, размером десять—пятнадцать сантиметров, на берег в поисках другого пристанища. Был, говорят, случай, когда расстояние в сто метров анабас преодолел за полчаса. Для рыбы подобная «сухопутная» скорость вполне может считаться стремительной.

Вообще-то рассказ о животном мире Таиланда, вероятно, следовало начать с самых больших животных—диких слонов. Я намеренно изменил логическую последовательность, поскольку к настоящему времени этих представителей тайландской фауны практически не осталось, они почти полностью истреблены.

Однако повсюду можно встретить их одомашненных сородичей, которых, по последней переписи, осталось не более десяти тысяч.

На одной из площадок чиангмайского зоопарка, покачивая хоботами, степенно расхаживали представители семейства этих могучих животных. Однако то были слоны обыкновенные, так сказать, «элефант вульгарно», а не белые, священные, которых мне приходилось кормить бананами в столичном зоопарке.

Хотя... В столичном зоопарке белые слоны тоже были серого цвета. И лишь табличка, прикрепленная к решетке, указывала на их принадлежность к разряду божественных. Дело в том, что особей, которых принято называть белыми, то есть альбиносов, отличает чуть более светлая кожа либо небольшие белые пятна, которые могут скрываться, например, за ухом или на брюхе.

Священный белый слон! В начальной главе я не случайно привел имя: Гассан-Бен-Али-Бен-Селим-Абдалла-Магомет-Моисей-Алхамалл-Джемсетджеджибой-Дулип, султан Эбу-Будпур. Так по воле Марка Твена звали белого слона, которого сиамский монарх послал в дар королеве Англии. И хотя в былые времена подобный подарок был доступен только царским особам и подношения его достойны были лишь «самые-самые», «раздача» слонов шла, надо сказать, довольно бойко. Не обойдена была в этом отношении и Россия. В 1714 году в Санкт-Петербург пожаловало первое персидское посольство с презентом царю в виде... слона, для которого специально близ Троицкой пристани был выстроен «зверовый двор», позднее перенесенный на Преображенскую площадь. Двадцать лет спустя из Индии для царицы прибыли уже двенадцать слонов. Их поместили в специально выстроенных из дубовых бревен огромных сараях с камышовыми крышами. От площади, на которой они были установлены, отходила Слоновая улица, названная так в честь «четвероногих иностранцев». «С.-Петербургские ведомости» того времени сообщали: «Вскоре... слоны начали буйствовать, осердясь между собой о самках, и некоторые даже сорвались и ушли. Так, например, один прошел через сад и, изломав деревянную изгородь, прошел на Васильевский остров. Там изломал чухонскую деревню». Иногда, случалось, Анна Иоанновна, желая подивить своих подданных, совершала прогулки по Санкт-Петербургу в домике-паланкине, укрепленном на спине самого крупного из слонов. Ошарашенно глазели люди на диковинное чудо, плакали дети, причитали старики и старухи. А чтобы впредь не пугать народ, слонов частенько водили по городу без определенной вроде бы цели, просто напоказ. Отсюда, видно, и пошло понятие «слоняться». Полагают, что такие «проходы» слонов, продолжавшиеся до конца XVIII столетия, навеяли Ивану Андреевичу Крылову сюжет его знаменитой басни.

О том, что в Таиланде издавна почитали белых слонов, с благоговением к ним относились, можно судить, к примеру, по зарисовке, помещенной в 1927 году во французском журнале «Иллюстрасьон»:

...Молодой священный слон спустя четыре месяца со дня рождения был преподнесен с большой помпой королю Сиама. Для доставки животного в Бангкок был командирован представитель двора — министр торговли и путей сообщений, которому вменялось в обязанность наблюдение за точным выполнением всех необходимых обрядов и церемоний. Будущий «божок» при посадке в вагон выказал такое упрямство, что, несмотря на все его почитание, пришлось прибегнуть к особым мерам воздействия: три других слона бивнями заставили его подчиниться и втолкнули в специальный вагон, снабженный душем, вентиляторами, электрическим освещением и даже телефоном. За первым составом, который тянули два разукрашенных паровоза, следовал другой, где, в частности, находились телеграфисты, передававшие мельчайшие подробности самочувствия высокого путешественника. Принц-министр внутренних дел с

многочисленными служками встретил «гостя» на одной из ближайших к столице станций и проводил его до бангкокского вокзала, где в присутствии короля и королевы, окруженных свитой, слон был выгружен на особую платформу. Под пение псалмов его разукрасили красными, вышитыми золотом бархатными покрывалами со спускающимися с обеих сторон белыми кистями. В парке, где собрались самые почетные жители столицы, находился павильон для дипломатического корпуса. Пышную процессию открывал отряд кавалерии. После него шли сиамские бойскауты, за ними — слоны, окруженные свитой погонщиков в ярких одеждах и золотых шлемах, далее—десять музыкантов с гонгами, звуки которых славил торжество. Последних сопровождали наиболее заслуженные военачальники и носильщики, держащие огромные зонты. Перед «героем дня» неспешно двигались два священных слона, родившихся в царствование прежних монархов. Около ста воинов замыкали помпезное шествие.

В парке белому слону отвели особый павильон. На следующее утро после ванны, которую «божество» приняло под музыку, монарх отправился в павильон. Гонг астронома возвестил о начале священнодействия. Служки подхватили «песню песней», музыканты заиграли на двусторчатых раковинах, ударяя при этом в цимбалы. Король «мажет миром» слона, после чего животному подносят бочку с сахаром, на которой пишутся имя и титул, пожалованный ему. Вслед за королем то же самое проделывают принцы, а монахи поливают слона «очистительной» водой и надевают ему на шею золотое ожерелье. Священные традиции соблюдены; монарх принимает парад всех участников праздника, который после танцев придворных девушек завершается раздачей подарков лицам, сопровождавшим священного слона в его путешествии...

Так корреспондент французского журнала расписал церемонию торжественного прибытия в Бангкок белого слона. Празднование было устроено в честь короля Прачатипока, отмечавшего свой именины. Изображение белого слона некогда помещалось на государственном флаге Сиама...

Как-то в начале нынешнего века король Вачиравуд отправился в поездку по провинциям, пострадавшим от наводнения. На одном из домов он заметил перевернутый флаг. Слон болтался вверх ногами! Вачиравуд закипел от ярости. Возвратившись в столицу, король тотчас отдал приказ, которым в стране вводился новый государственный флаг — две красные полосы, две белые и посередине одна широкая ярко-голубая. Вешай как угодно — не ошибешься. Расшифровка цветов проста: красный символизирует кровь, которую тайцы готовы пожертвовать за страну и религию, белый олицетворяет чистоту Трилитати, а голубой, разумеется, означает цвет королевской крови.

И наконец еще одно весьма любопытное свидетельство «божественности» белых слонов. В Таиланде сложены для них песни. Сочинил их в XVII веке поэт Си Махасот. Он взял за основу брахманские заклинания, обращенные к слонам, которые приводились в книгах на санскрите, где описывались жизнь и повадки диких животных, в том числе техника их поимки, и сложил «Колыбельную для слонов». С тех пор исполнение «Колыбельной» неизменно сопутствовало охоте на белого слона. Колыбельной, правда, в общепринятом смысле этого слова можно назвать лишь вторую половину песни (первая живописует опасности, которые таят в себе джунгли), где животному советуют отказаться от свободы ради сытого и благополучного существования в неволе.

Вдобавок ко всему в Таиланде среди массы всяких шествий, игр, церемоний есть фестиваль, посвященный исключительно слонам (не только белым). Ежегодно в Суринае, городе, находящемся в четырехстах пятидесяти километрах восточнее Бангкока, устраивается грандиозный праздник слонов. С незапамятных времен жители этих мест отлавливали самых крупных гигантов

суши не ради бивней, а с целью приручить их для использования в мирном и ратном делах. Репутация суринских слоноводов распространилась далеко за пределы Таиланда. Местные специалисты получают приглашения из многих стран, в частности от индонезийских властей, на работу в созданных на Суматре крупнейших центрах разведения и дрессировки слонов. Эксперты из Сурина передают своим зарубежным ученикам богатый опыт поимки, укрощения и обучения этих животных.

Посещение Сурина входило в наши планы: обратный Путь в Бангкок пролегал через этот город. Но мы знали, что на ежегодный праздник слонов уже не попадем — он состоялся месяц назад. Чтобы представить его себе хотя бы в общих чертах, мы ознакомились с отчетами об этом необычном фестивале, опубликованными в печати.

Корреспонденты единодушно отмечали, что любимицей зрителей стала Кум Аке, здоровенная «леди» пятидесяти лет, ростом около трех метров и весом свыше пяти тонн. С этой слонихой, опоясанной внушительной сбруей, не смогла справиться целая сотня солдат. В поединке «животное — человек», устроенном в виде перетягивания каната, «дама» опустилась на колени, и молодые парни, тянувшие толстенный канат, так и не смогли сдвинуть ее с места. Жюри присудило победу слонихе.

Показательные соревнования проходили по шести дисциплинам. Состязаясь в беге, слоны достигали скорости до сорока километров в час; от их топота вокруг зрительских трибун дрожала земля. В эстафете с препятствиями из бутылок, дынь, арбузов слоны продемонстрировали поистине «акробатическую» ловкость. Затем состоялся футбольный матч: животные с юношами-всадниками на спинах пинали мяч, превышавший размер обычного, футбольного, примерно раз в пять.

Было показано упражнение «охота с лассо» — погонщик, сидя на слоне, должен был накинуть петлю на шею одного из слонят, разбегающихся по полю.

Особенной зрелищностью отличался парад боевых слонов; был разыгран сценарий битвы в джунглях, происходившей много веков назад, когда народ Сиама сражался против завоевателей. В заключительном испытании слонов — на ловкость — опасном, но впечатляющем участвовала также и публика. На траве с интервалом в метр улеглось несколько зрителей-добровольцев, образовавших этакий человеческий ковер, по которому медленно, осторожно нащупывая свободное место, ступали животные.

На фестиваль слонов в Сурин прибыло более трех тысяч иностранных туристов и десять тысяч тайцев. Они любовались двумястами слонами-гигантами и едва родившимися слонятами, на каждом из которых восседал одетый в голубое воин.

Праздники в небольшом таиландском городе носят не только развлекательный характер. Их цель — привлечь внимание общественности к проблеме сохранения этих благородных животных, с 1979 года занесенных в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), лишней раз напомнить о необходимости положить конец подпольной коммерции слоновыми бивнями, официальная торговля которыми запрещена специальной Международной конвенцией. Если истребление «живых ископаемых» будет продолжаться современными темпами, то не только в Таиланде, но и на планете в целом не останется слушателей «Колыбельной для слонов».

Враг номер один

Под обивкой старинной мебели, которую американский коммерсант вывозил из Таиланда и которой он, видимо, планировал обставить свою будущую загородную резиденцию в Калифорнии, был обнаружен героин на сумму двадцать один миллион долларов. Контрабанду нашли «сотрудницы» таможенного управления бангкокского порта — восточноевропейские овчарки. Пройдя специальную подготовку, они легко отыскивают по запаху героин, марихуану и взрывчатку... Инспектор по каким-либо причинам может не догадаться о том, что чемодан имеет двойное дно, а сувенир в виде деревянного слона — полый внутри; он из гуманных соображений может не попросить пассажира снять имитацию гипсовой повязки с ноги. Иное дело собака. Она и на чемодан «сделает стойку», и мимо слона-тайника не пройдет, и на мнимых переломах конечностей ее не проведешь.

В своем преступном бизнесе американский коммерсант далеко не одинок. Нелегальный экспорт опиума и героина из стран Азии составляет, по данным фонда ООН по контролю над наркоманией, миллиарды долларов, а большая часть опасного зелья поступает из так называемых золотого треугольника и золотого полумесяца. Стало быть, наркотик, который был спрятан под обивкой кресел и диванов, принадлежащих гражданину Соединенных Штатов,— лишь мельчайшая капля в общем потоке опиума, устремленного в США, Австралию, страны Западной Европы...

Читатель наверняка не одиножды встречал в печати приведенные выше названия. Многие знают, что под «золотым полумесяцем» имеется в виду полоса вдоль границ Афганистана, Ирана и Пакистана, а под «золотым треугольником» — горные области Шанской и Качинской областей Бирмы, Северного Таиланда и Северного Лаоса. Здесь, на стыке границ трех государств, двести тысяч квадратных километров площади заняты посевами опиумного мака. Ежегодно тут производят тысячу двести тонн опиума-сырца. Отсюда поставляется от пятнадцати до тридцати процентов нелегально получаемого во всем мире количества опиума и двух его производных — морфия и героина.

По всеобщему признанию, Таиланд остается наиболее слабым звеном в борьбе с наркотиками. Молодая Лаосская Народно-демократическая Республика постепенно выпала из «золотого треугольника»; властям в значительной степени удалось наладить контроль над большей частью «опиумных полей». Теперь, когда говорят о «золотом треугольнике», имеют в виду таиландо-бирманское звено, ежегодно поставляющее героин, стоимость только части которого, идущей для снабжения американских наркоманов, превышает восемь миллиардов долларов. Цена наркотика чудовищно возрастает по мере его продвижения из пункта производства в пункт потребления. Если тем, кто выращивает опийный мак, «торговые агенты» за фунт товара платят тридцать—пятьдесят долларов, то хозяевам подпольных таиландских фабрик по переработке опасного зелья перекупщики дают уже примерно тысячу восемьсот долларов за фунт, а оптом героин, идет, например, в Соединенных Штатах по цене около пятидесяти тысяч за фунт.

Зло приобрело колоссальные размеры. По самым скромным подсчетам, в Таиланде наркоманией страдают свыше миллиона людей, хотя в стране официально закрыты курильни опиума. По борьбе с врагом номер один в Бангкоке создан даже комитет, во главе которого встал премьер-министр. «В историческом прошлом, — рассказал недавно на специальном семинаре генеральный секретарь таиландского управления по борьбе с наркотиками генерал-майор Ч. Йотмани, — употребление наркотиков было практически неизвестно. Опиум использовался как компонент лекарств в народной медицине. Когда в 1970 году мне предложили занять нынешний пост, я должен был признаться, что не видел наркотиков вообще. Это же относилось и к большинству моих сотрудников... А уже десять лет

спустя бедствие достигло таких масштабов, что мы вынуждены были принять специальный закон. По нему за хранение или перевозку 'двадцати граммов героина полагается длительное тюремное заключение, ста граммов—либо пожизненное, либо высшая мера. Борьба становится напряженнее с каждым месяцем». Регулярно отряды полиции совершают «очистительные рейды» в районы возможного расположения подпольных фабрик по выработке героина. На севере Таиланда, в окрестностях Чианграя — некоронованной столицы «золотого треугольника»— их за последние годы обнаружено и уничтожено не один десяток; несколько фабрик закрыто и в южной провинции Сонгкхла. Одна из наиболее крупных операций по конфискации наркотиков была совершена не так давно на нелегальном предприятии близ города Мэчан (примерно в шестидесяти километрах от Чиангмая). Получив сообщение, что здесь действует фабрика по переработке опиума, начальник службы безопасности провинции снарядил тридцать полицейских, которых в случае необходимости готовы были прикрыть с двух вертолетов пограничники. Но как тихо и осторожно ни пробирались стражи закона, на подходе к фабрике их встретил пулеметный огонь. Около получаса длился бой с вооруженной охраной подпольного предприятия, состоявшей, по словам одного из полицейских— участников операции, не менее чем из двадцати человек.

Только с помощью вертолетной атаки отряду удалось прорваться внутрь здания, где было обнаружено четыре установки для производства наркотиков, сотни килограммов опиума-сырца, десять килограммов героина; семь килограммов морфия. Преступникам, как сообщила печать, удалось скрыться...

Облавы — частое явление и в самой столице. С одной только разницей: в провинциях ловят производителей наркотиков; а в Бангкоке — их потребителей. Согласно последним данным, в «городе ангелов» насчитывается свыше пятисот тысяч наркоманов, из них около ста тысяч тяжелобольных. Зафиксированы многочисленные случаи отравления героином не только среди взрослого населения, но даже в начальных школах. Бангкок превратился в «самый опасный очаг наркомании в мире»,— вынуждена была признать местная газета «Морнинг экспресс». Не иначе как в воспитательных целях каждый год в декабре на центральной площади Бангкока устраивается грандиознейший костер. Самый дорогостоящий костер в мире! Сюда свозят весь конфискованный опиум, морфий, героин, марихуану и торжественно уничтожают под аплодисменты жителей столицы. Право запалить «белую смерть» предоставляется начальнику полиции.

Цена- того зелья, которое американский коммерсант пытался прихватить с собой в США, да и предновогоднего «наркотического факела», кажется ничтожной на фоне масштабных деяний международных- преступных синдикатов, действующих через своих агентов на территории «золотого треугольника». Несколько фунтов героина, прихваченного незадачливым американским торговцем, равно как, впрочем, и трофеи операции в Мэчан, ничто в сравнении с целыми караванами из сотен тяжелогруженных волов, по горным дорогам регулярно вывозящих из Таиланда опиум, множеством катеров и лодок, оснащенных хитроумными тайниками, в которых прячется «белая смерть», десятками автоцистерн, где среди живой рыбы или в растительном масле скрыт в полиэтиленовых мешках героин, предназначенный «на экспорт». Как признают таможенные власти, ежемесячно воды Сиамского залива в направлении Гонконга или Сингапура покидает как минимум один траулер, груженный опиумом-сырцом. Вся эта четко отлаженная цепочка находится в руках всемогущих заправил преступного бизнеса.

Среди участников международной наркотической мафии имеются настоящие короли. Один из них—Кхун Са. У него несколько имен: китайское—Чан

Шифу, бирманское—Кхун У, тайское—Чан Чантракун... Он построил шикарный особняк в Бангкоке, владеет крупным магазином в Чиангмае, деревня Хин Танк (провинция Чианграй) считается его резиденцией. Сын Кхун Са получил образование в Соединенных Штатах, дочь—в Англии. Бывший капитан гоминьдановской армии, он создал так называемую Шанскую объединенную армию, которая ведет борьбу за отделение Шанской национальной области от Бирмы. Под командованием Кхун Са находится около четырех тысяч вооруженных головорезов, обученных специалистами из Центрального разведывательного управления США. По обе стороны тайландо-бирманской границы для них создана сеть опорных пунктов.

В районе «золотого треугольника» действуют также довольно многочисленный отряд преемника небезызвестного Ло Синханя, который в 1976 году был схвачен тайским патрульным отрядом и передан бирманским властям, «Национальная освободительная армия племени лаху», весьма крупная группа бандитов под руководством Лао Сы. За ними тоже стоят покровители из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, которые не прочь погреть руки на контрабанде. Причем дело это для них отнюдь не новое. «Рыцари плаща и кинжала» активно занимались им еще в годы вьетнамской агрессии— снабжали наркотиками десятки тысяч солдат и офицеров корпуса интервентов; они не отказались от торговли «белой смертью» и после того, как американцы были изгнаны с земли Индокитая.

...Лейтенант Бобби взглянул на часы, поводит пальцем по разложенной на коленях карте и, обращаясь к пилоту, приказал идти на снижение. Под крылом самолета на десятки километров раскинулся тропический лес: не видно ни малейшего признака аэродрома. В воздух неожиданно взмыла ракета. А вслед за этим раздвинулись укрытия, закамуфлированные под деревья и кусты, скрывавшие узкую взлетную полосу. «Выпустить шасси, приготовиться к посадке»,—отдал команду лейтенант.

Спустя полчаса самолет лег на обратный курс. Деревья и кусты с помощью лебедок вновь были задвинуты на свои места, спрятав «аэродром» от посторонних глаз в гуще непролазных зарослей.

В нарушение Парижских соглашений 1973 года американцы продолжали оказывать военную помощь сайгонскому режиму, вмешиваться во внутренние дела Вьетнама. Несмотря на то что участие Пентагона в боевых операциях за важный в стратегическом отношении район «Клюв попугая» тщательно скрывалось от мировой общественности, факты, свидетельствующие о лицемерии политиков из Белого дома, получили всеобщую огласку. Каким образом? На алюминиевом фюзеляже самолета лейтенанта Бобби красовалась надпись, не оставлявшая сомнений относительно его принадлежности: «Эйр Америка». И надпись эта отчетливо была видна на помещенной в печати фотографии, которую на месте событий удалось каким-то непостижимым образом сделать корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс.

Таинственная и законспирированная под гражданскую «Эйр Америка»! Частная чартерная авиакомпания с тысячами служащих, насчитывающая в своем распоряжении двести самолетов. Она отказывалась от рекламы и не публиковала сведений ни о своих прибылях или убытках, ни о капиталовложениях или дивидендах. Всемогущая «Эйр Америка», связи которой с Лэнгли ни для кого не являются секретом. В орбите ЦРУ она вращается с тех далеких времен, когда на самолетах «Камко» агенты американской разведки переправляли оружие гоминьдановскому генералу Чан Кайши. Из летающих машин «Камко» была создана эскадрилья «воздушных тигров», американский иностранный легион, шефом которого являлся генерал Клэр Ли Шенно, позднее награжденный Чан

Кайши тайваньскими орденами «Длинный меч» и «Облако и знамя» пятидесятого класса. Фирма «Камко» уступила затем место компании «Сивил эйр транспорт», или сокращенно СЭТ. «Сивил» означает «гражданский», и вот на этих «гражданских» самолетах летчики СЭТ в 1954 году доставляли оружие и боеприпасы в осажденную крепость Дьен-Бьен-Фу. Позднее ЦРУ ликвидировало скомпрометировавшую себя компанию и заменило ее «Эйр Америкой», штаб-квартира которой была перенесена с Тайваня в Таиланд. Много лет безнаказанно действовали здесь сотрудники Центрального разведывательного управления. Помимо чисто диверсионных операций самолеты этой авиакомпании использовались для транспортировки опиума. Ныне филиал «Эйр Америки» в Таиланде перестал существовать. Прохудилась «крыша» над головой «рыцарей плаща и кинжала». По требованию демократических сил бангкокские власти закрыли местное отделение этой шпионской фирмы...

Горные народы мео выращивают «цветы дьявола», как правило, в труднодоступных областях, расположенных порой за десятки километров от их селений. Опиум хранится в каждом доме как капитал. Крестьяне часто используют его вместо денег.

Неоднократные попытки местных властей переселить мео из горных районов в долины, заставить их культивировать другие виды сельскохозяйственных продуктов желаемого результата пока не принесли. Во-первых, сказываются устоявшиеся традиции: мео выращивают мак веками. В конце XVIII столетия англичане, широко распространив опиекурение в Китае, внезапно прекратили поставки наркотика. Вот тут-то мео и вышли на арену в качестве главных и единственных тогда торговцев одурманивающим зельем. Во-вторых, мео, несмотря на то что они нещадно эксплуатируются скупщиками-бандитами, получают от мака несравнимо большие доходы, чем от любой другой сельскохозяйственной культуры. В-третьих, как я уже говорил, играет роль «политика с позиции силы». Ведь «солдаты армий Кхун Са», головорезы из других групп сами не занимаются ни выращиванием «цветов дьявола», ни сбором опиума. Они вынуждают крестьян выполнять эту крайне трудоемкую и кропотливую работу. Их цель—контрабанда, с которой они стригут купоны.

Преступники сбывают опиум оптовым покупателям за рубежом, загребая баснословные прибыли. Не случайно же район стыка границ Бирмы, Лаоса и Таиланда именуется «золотым треугольником». Такое экзотическое название он получил, несомненно, благодаря тому, что отсюда льется золотой дождь, оседающий в сейфах местных «опиумных королей», их хозяев из ЦРУ, международной «наркотической мафии». Бандиты организуют вывоз «товара», часто на ходу перегоняя опиум-сырец в героин, охрану его в пути, вступая в вооруженные стычки с конкурентами и правительственными отрядами. Полицейские рейды по обнаружению и закрытию героиновых фабрик, передвижных «обогачительных установок» представляются сущим пустяком, сценками из «розовых» кинофильмов по сравнению с баталиями, возникающими порой при столкновениях «армии» Кхун Са с регулярными войсковыми частями. Детали одной из крупнейших операций долго обсуждались местными и иностранными органами массовой информации...

В тот день жители деревни Хин Таик загодя покинули дома и укрылись в окрестных лесах. Вскоре гроыхнули взрывы авиационных бомб, ракет и артиллерийских снарядов. В атаку ринулись три батальона таиландских пограничных войск. Их встретили залпы реактивных гранатометов и другого вполне современного оружия, которым ЦРУ оснастило «королевскую рать» Кхун Са. Наступление шло по всем правилам военной науки, и контрабандисты, потеряв убитыми двести человек, вынуждены были отступить за пределы страны. В

качестве трофеев были захвачены не только героин и пакеты для его упаковки, но и двадцать тонн оружия: 700 винтовок, пистолетов, 52 тысячи патронов, 300 гранат, противотанковые ружья, другое вооружение—все в основном американского производства.

Вопрос о совместной борьбе с наркоманией время от времени поднимается на сессиях Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которую помимо Таиланда входят Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур и Бруней. В частности, обсуждаются меры по пресечению подпольного распространения «белой смерти». В каждой из стран «шестерки» действуют суровые законы, предусматривающие длительные сроки тюремного заключения и каторжных работ для торговцев и доставщиков наркотиков. Однако этого мало. Чтобы повалить дерево, надо уничтожить корни—к такому выводу все чаще приходят эксперты по борьбе с наркоманией. Чтобы убить «белую смерть», надо сжечь, распахать, вытравить ядохимикатами маковые плантации. Все это верно лишь наполовину. При выдвижении всяких проектов забывается или не замечается главное. А именно: корневая система распространения и употребления наркотиков питается прежде всего страшным социальным неравенством, нещадной эксплуатацией трудящихся, беспросветной нуждой, царящими в мире капитала, мире, в котором поклоняются золотому тельцу, где простой человек, задавленный невзгодами и тяготами жизни, от страха потерять работу, а стало быть, и кусок хлеба пытается найти минутное забвение в курении опиума или одурманивании себя каким-либо иным сильнодействующим «лекарством».

Тысячу двести тонн опиума ежегодно собирают крестьяне мео в районе «золотого треугольника». Затем «в дело» вступают гангстеры из именитейших мафий Запада, японских «якудза», членов тайваньского «бамбукового союза», гонконгских, сингапурских и сан-францисских «триад». А спустя некоторое время в крупных американских городах, в столицах ряда государств Западной Европы те же самые капли яда, которые получают из мака, уже превращенные в кристаллы героина, растворяются в шприцах наркоманов...

Сиам значит «темнокожий»

В семье радость. На свет появился ребенок. Надо бы созвать родственников, близких друзей, знакомых. Вполне естественно, что такое событие необходимо как-то отметить. Однако новоявленный отец не торопится принимать поздравления. Вместо гостей он приглашает в дом... шамана. Да, именно шамана, который изгонит из тела ребенка злого духа, возможно уже успевшего там поселиться.

Свое умение исполнять ритуальную пляску колдун демонстрирует под неистовый грохот барабанов. Сначала медленно, размеренно, акцентируя каждое движение. Затем ритм танца постепенно убыстряется, и, когда от исступленной бешеной скачки шаман, кажется, вот-вот рухнет в изнеможении на землю, музыка внезапно обрывается. В полной тишине подходит шаман к циновке, на которой лежит новорожденный, и несколько раз топает ногой. Решимость колдуна, его грозный вид, его дикая пляска, способная испугать не только слабонервного, но и человека, обладающего железной выдержкой,— весь этот комплекс устрашающих мер, согласно укоренившимся предубеждениям, действует без осечки. Злой дух покидает тело ребенка. Церемония благополучно закончена. Остается лишь последнее — повязать на счастье «святую нитку» вокруг запястья новорожденного, и можно посылать за родственниками, друзьями, собирать на стол, устраивать торжества. С этого момента ребенок считается «истинно новорожденным», и община принимает его в свою семью.

Это не фрагмент бытовой фрески из жизни крестьян прошлого века, а существующий поныне обряд, широко распространенный в селениях многих горных народов Таиланда.

Представители более тридцати различных племен народов лису (лишау), лаху, акха (хани), лава, мео, каренов, ман, шанов, лу, кюн, мраби населяют горные области страны к северу и северо-востоку от Чиангмая, а также районы по границе с Бирмой. Каждый из этих народов традиционно живет на определенной высоте; выше всех находятся деревни мео и ман, ниже всех—каренов.

Последние не забираются в горы выше восьмисот метров над уровнем моря, что позволяет им заниматься рисоводством. Живут они довольно крупными деревнями; в каждой есть староста, избираемый всем населением; должность эта зачастую передается «по наследству» от старшего к старшему. Все важные решения в деревне принимаются только с одобрения старосты. В более крупных селениях назначение его утверждается таиландскими провинциальными властями, и он получает титул «пу яйбан» — буквально «большой человек деревни». Среди каренов встречаются новообращенные баптисты, буддисты, но большинство придерживается анимистических верований. Эта религия основывается на поклонении бесконечно многообразным духам, на искупительных жертвах, ворожбе, табу...

Вышло так, что мы прежде всего настроились на встречу с лису. Хотелось познакомиться с представителями именно этого народа, хотя нам было известно, что все малые горные народы Северного Таиланда, за исключением каренов, находятся на одинаково низкой ступени социально-экономического развития и этнической консолидации. Сохраняющийся натуральный характер их хозяйства и ограниченные контакты с внешним миром объясняются исторически сложившимися условиями их расселения, изолированностью отдельных групп одного и того же народа друг от друга.

Добраться до селений лису чрезвычайно трудно, ибо они находятся высоко в горах. Традиция строить деревни на крутых уступах в горах сохранилась с незапамятных времен: чем выше, тем проще было защищаться от набегов враждебных племен. Кроме того, деревни лису тщательно охраняются, и любые попытки посторонних людей пробраться в них, как правило, безуспешны.

В Чиангмае мы пытались «закинуть удочку» по поводу визита к лису: мол, хорошо было бы взглянуть, как они живут, чем занимаются, посмотреть их обряды. Но, увы... Нам рассказали о строгих мерах, при помощи которых лису ограждают себя от нежеланных посетителей. Ну а если случайно повезет и глава племени согласится принять любопытных фарангов, то мы рискуем потерять по меньшей мере дня два-три, так как дорог в горах нет, машиной, следовательно, туда не попадешь, и единственное средство передвижения—это пони или слоны. Пони с грехом пополам достать можно, что касается слонов, то лишних в Чиангмае, пожалуй, не найти. Эти умные и добрые животные целый год заняты на лесоразработках.

Нам не повезло: поближе познакомиться с лису не удалось.

Пришлось удовлетвориться расспросами о быте и нравах этого народа. Собранные сведения помогли нам полнее представить себе его жизнь.

Живут лису в низких бамбуковых строениях с земляным полом. Вход в хижину, именуемый «Путь для доброго духа», ведет в единственную комнату, где по стенам расположены деревянные помосты — кровати. В центре помещения— очаг, над которым подвешен котел (к слову сказать, лису, как правило, селятся недалеко от горных ручьев, вода из которых по бамбуковым трубам поступает в центр деревни). Рядом с хижинкой размещается загон для скота, клетка с домашней птицей. Лису, да и все другие горные народы Таиланда, не

промышляют, как, например, мео, выращиванием опийного мака. Большинство из них занято земледелием, разведением тяглого скота (буйволов), лесными промыслами.

Одежда лису многоцветна. В будни женщины носят миди-накидки, расшитые разноцветными полосками: белыми, голубыми, зелеными, желтыми, пурпурными. Голову прикрывает огромный черный тюрбан. Праздничный наряд еще более красочный. Для каждого торжества, обряда, церемонии предусмотрен особый вид одежды. Больших различий в одежде мужчин и женщин нет. Даже ювелирные украшения у них одинаковые: например, и те и другие в ухо продевают большую серьгу в виде кольца.

Лису не считают «настоящим мужчиной» того, кто не овладел искусством «пить чай и обращаться с оружием»; кроме того, обязательным считается умение играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Лису сохраняют древние анимистические верования: они преклоняются перед духом земли, леса, воды... Ежегодные церемонии задабривания духов входят в обязанности вождя. Женщины никогда не расстаются с амулетами, висящими на шее, мужчины носят талисманы в карманах. Среди лису есть и христиане; до недавнего времени лису имели особую жреческую касту, которая вершила судьбами людей как при родоплеменном строе.

Пожалуй, самым веселым и самым продолжительным праздником у лису является Новый год. За несколько дней до его наступления женщины начинают готовить сладкие рисовые лепешки, мужчины закалывают и жарят на кострах поросят. В честь духа неба в ночь под Новый год раздаются холостые выстрелы из охотничьих ружей. Веселье не обходится без музыки, которая звучит непрерывно. Танцы длятся с вечера до самого рассвета. После небольшого отдыха все возобновляется: застолье, песни, пляски. И так — почти неделю.

Впрочем, праздники, ритуалы, связанные с рождением ребенка, с другими важными событиями в жизни людей, характерны не только для лису, но и для всех горных народов.

Как-то в Бангкоке, в самом центре города, у гостиницы «Дусит тани», мне довелось повстречаться с женщиной и женщиной, на которых просто нельзя было не обратить внимание. Поражал их внешний вид, резко контрастировавший с окружающей обстановкой. Прическа женщины походила на перевернутую продолговатую цветочную вазу, украшенную металлическими кружочками. Оказалось, что это монеты: индийские рупии и тайландские баты, бирманские джа и американские центы. Они вперемежку с бусинками жемчуга непостижимым образом держались на голове. Грудь женщины прикрывал большой рельефный медный диск, а шея была как бы закована в своеобразное ожерелье из цельного куска отлизавшего серебром металла. Закрепленные в прическе тонкие бамбуковые палочки гроздьями свисали ниже плеч. Облегающая блузка, мини-юбка и гетры, сшитые из лоскутков материи всех цветов, подчеркивали стройность ее фигуры. Спутник женщины ничем особо не выделялся, если бы не его куртка и мешковатые брюки, сплошь увешанные серебряными монетами. Во рту у него курилась длинная трубка. Острижен он был под машинку, и только на затылке можно было различить едва приметную косичку, которую, как выяснилось, носят все мужчины пламени, к которому принадлежала эта пара. Такие косички якобы оберегают человека от всех невзгод и болезней.

— Мы—акхе¹⁴,—ответил на мой вопрос мужчина.—Меня зовут Риам. А это,— он повернулся к спутнице,— моя сестра;

¹⁴ Народ акха (племена туйтсо, пули, акхе).

Риам рассказал, что их племя насчитывает около двенадцати тысяч человек. Они расселены в деревеньках, разбросанных в горах к западу от автострады Чиангмай—Мэсай.

— Сами мы из селения Сэнчай, — Риам говорил на смешанном тайско-лаосском языке.— Это центральная деревня племени, как бы его столица, поскольку в ней живет верховный глава. Его именем — Сэнчай — она и названа. В Бангкоке Риам и его сестра бывали и раньше. Участвовали в ярмарках и других народных празднествах. На этот раз в отеле «Рама» проводился фестиваль, по ходу которого должны были демонстрироваться национальные одежды различных племен, в том числе и акхе.

— Никак не привыкну к городской жизни; Шум, толпы народа. Все куда-то спешат, торопятся. Того и гляди попадешь, под машину.— Риам посмотрел на дорогу, по которой вереницей неслись автомобили.— Да и деньги здесь нужны немалые.

Акхе не любят путешествовать. Они домоседы. В близлежащие города Мэсай и Мэчан они ездят только тогда, когда кончаются запасы соли, спичек, керосина... Акхе любят спокойную, размеренную, простую сельскую жизнь.

— Конечно, мы поддерживаем связь с другими племенами.— Риам задумался, подыскивая нужное слово. — Торгуем с яо. Рис, бобы, скот... Работают у нас главным образом женщины. Они выращивают рис, красный перец-чили, овощи. В сухой сезон вышивают, мастерят корзины, шьют одежду. Мужчины? Они курят вот такие трубки.— Риам вынул свою изо рта.—Иногда, если есть желание, ходят на охоту или ловят рыбу. Какая у нас любимая еда? Самое лакомое блюдо—мелко нарезанное собачье мясо, пережаренное с рисом. Специально для этого мы держим собак.

Риам еще долго говорил о традициях и обычаях акхе.

Акхе, например, почти не празднуют свадеб, да если они и устраиваются, узы брака не становятся от этого прочнее. Мужчину по крайней мере этот обряд ни к чему не обязывает. Он легко может разойтись и взять другую девушку в жены, не вызвав порицаний со стороны соплеменников. Достаточно только «обвенчаться», для чего он и его избранница идут в джунгли, где обмениваются серебряными браслетами. Свадьбы празднуются редко и выливаются в грандиозные пиршества. Во время свадьбы, совершаются любопытные ритуалы. Вождь племени препровождает невесту во внутренний двор дома, в котором живет будущий муж. Там невеста должна надеть белую юбку, а вождь топает ногой по земле, прогоняя таким образом «шатающихся злых духов». Перед тем как жених и невеста войдут в свой дом, им на ноги льют воду. Этот обычай акхе называют очищением. Затем молодожены, сидя на двух маленьких скамейках, должны несколько раз передать друг другу куриное яйцо— символ любви и плодородия.

Я и раньше слышал, что похожего ритуала придерживаются все горные народы Таиланда. В частности, у меб во время новогодних празднеств по лунному календарю юноши и девушки выстраиваются напротив друг друга в две шеренги и начинают перебрасываться тряпичными мячиками. Довольно быстро становится ясно, у кого с кем в игре устанавливается контакт и взаимопонимание. Наконец парочка, на которую обращено всеобщее внимание, выходит в центр площадки, а остальные, взявшись за руки, поют древние гимны. Если юноша и девушка решают вступить в брак, они тайком пробираются в дом родителей невесты и остаются там на ночь. Когда их утром обнаруживают, происходит шумный скандал с приступами напускной ярости и угрозами. А потом семьи приступают к финансовым переговорам...

— Пока молодожены играют куриным яйцом,— продолжал Риам,— вождь племени режет свинью и разделывает ее на части. Сам праздник начинается, когда жених и невеста обнесут всех приглашенных напитками. Молодые стараются как можно быстрее построить себе отдельное жилище, поскольку в родительском доме им запрещается спать вместе.

Семья—главная социальная ячейка у горных племен Таиланда. В ряде родовых общин существует обычай брать жену исключительно из своего племени. В некоторых деревнях староста устанавливает строго определенное число представителей других народностей, с которыми позволено вступать в родство его односельчанам.

Акхе верят в добрых и злых духов: считается, что все хорошее и все плохое в жизни человека зависит от них. Для изгнания злых духов строят специальные ворота перед деревней—символический барьер, ограждающий обитателей деревни от их влияния. Каждый год акхе возводят ворота заново. Эта церемония под названием Ло Ко Меу длится три дня, в течение которых никто не может выйти за пределы деревни или войти в нее. За воротами акхе ставят две деревянные статуи: они охраняют ворота. Есть даже песня, в которой сказано, что же требуется от деревянных статуй. Исполнением этой песни и завершается церемония Ло Ко Меу.

Когда женщина с двойней пытается войти в деревню,

Не пускайте ее!

Когда у буйвола двойня,

Не пускайте его!

Когда тигр подходит к деревне,

Не пускайте его!

Когда орел подлетает,

Не дайте ему сесть на ворота!

Когда приближается Добро,

Разрешите ему войти!

Когда приближается Зло,

Гоните его прочь!..

— Риам, а почему женщину с двойней нельзя пускать в дорооню?—спросил я.

— О! Есть у нас один обычай, который я бы упразднил,— жестко произнес Риам.— Плохой обычай, бессмысленный. Но на это у меня, к сожалению, нет власти. Будь я главой племени—тогда другое дело...

— В чем же он заключается, этот обычай?

— Рождение двойни у акхе считается дурным предзнаменованием. Детей в таких случаях умерщвляют, а родителей изгоняют на целый год в лес, где они должны выполнить сложный обряд очищения. Хижину их сжигают, домашний скот убивают. Но к счастью,—закончил Риам,—появление на свет двойни у нас крайне редкое явление.

— А вот у мео,—решил я продемонстрировать свои познания,— напротив, рождение двойни—хорошее предвестие... Но ни Риам, ни его сестра ничего на мои слова не ответили. Может, не расслышали, может, не захотели заострять больше внимание на этом вопросе.

— Пора в «Раму»,—взглянув на часы, произнес Риам.— Скоро начнется показ мод.

Много, очень много племен различных народов проживают в северных районах Таиланда. Да и не только в северных. Повсюду, по всей стране. Они отличаются друг от друга обычаями, нравами, культурой, родом занятий, укладом жизни, бытом, сложившимися тысячу, две и более лет назад.

Исследователям Таиланда так и не удалось выработать единой точки зрения относительно происхождения слова «сиам», вернее, его значения. Называя в общем-то конкретную дату начала его употребления в лексиконе древних (так обращались в XI—XII веках кхмеры к тайским воинам-наемникам), одни уверяют, что точный смысл слова «сиам» неизвестен, другие, в том числе и советские ученые, придерживаются версии, согласно которой «сиам»—это слегка измененное санскритское «сайэм» и означает «темнокожий». Дело в том, что к коренному населению Индокитайского полуострова принадлежат семанги—представители негритосской расовой группы; они низкорослы, с короткими курчавыми волосами. Именно такими изображены, кстати, тайские воины на барельефах крупнейшего храма Ангкор в Кампучии, строительство которого завершилось в первой половине двенадцатого столетия. Их потомков можно и сейчас встретить в горах южных провинций Таиланда—Транг, Паттани и Накхонситхаммат. По данным этнографов, численность семангов в Таиланде не превышает тысячи человек. Проживают они в небольших деревеньках, затерянных в лесах Малаккского полуострова. Семанги—искусные рыболовы и отважные охотники. Все их оружие состоит из длинной бамбуковой палки, из «ствола» которой выдувается отравленная стрела. Женщины обрабатывают кокосовые орехи, получая из них койру и копру, собирают съедобные корни и целебные травы.

В расовом отношении население Таиланда довольно однородно: подавляющее его большинство (тайские народы, малайцы, китайцы и т. д.) по антропологическому типу относится к южным монгоидам; австралоидные представлены сеноямм, мокенами, горными мон-кхерскими народами (веддоидная группа) и семангами (негритосская группа), европеоидные типы—немногочисленными выходцами из Индии и стран Запада.

Советские этнографы в основу выделения этнической принадлежности тайландских народов положили языковой признак, учитывая, однако, при этом и целый ряд других черт, характеризующих религию, культуру, обычаи.

По этническому составу население страны чрезвычайно пестро. Ядро его составляют тайские народы, включающие по меньшей мере пятнадцать этнических общностей. Наиболее многочисленными народами являются сиамцы (таи) — около двадцати миллионов и лао — примерно десять миллионов. Среди так называемых малых тайских народов различаются шаны, лу, кюн, путай, насчитывающие от пятидесяти до ста тысяч человек каждый. Сиамцев можно встретить повсюду, однако сии в общей своей массе сконцентрированы в центральных и южных областях, северной части Малаккского полуострова.

Малые тайские народы живут на крайнем севере страны. В районе плато Корат в результате слияния сиамцев с местными лао образовалась этническая группа тай-корат (около одного миллиона человек), а на юге, в провинциях Чумпхон, Накхонситхаммат и на острове Пхукет, в результате смешения сиамцев с местными малайцами — группа тай-пак-тай (чуть более полутора миллионов человек).

Горные тай проживают в основном на севере: путай—на северо-востоке плато Корат, лы—в окрестностях Лампхуна, Чиангмая, Пхрэ и Нан, кюн—в Чиангмае и Чианграе, фуан—вдоль реки Меконг. Шаны обитают на северо-западе Таиланда в районах, пограничных с Бирмой. Лао расселены главным образом в северо-восточных провинциях (около восьми миллионов), северных (порядка двух миллионов) и центральных (менее одного миллиона). Этническая граница сиамцев и лао проходит на севере близ города Сукхотаи, а на востоке—по горам Донгпхрайфай.

Нетайское население страны по языку относится к австроазиатской, австронезийской, китайско-тибетской и индоевропейской семьям.

В австроазиатскую входят моны (около ста тысяч) в центральном районе, кхмеры (триста—четыреста тысяч) — в восточных и центральных областях, куй (около четырехсот тысяч) — в примыкающих к Кампучии, провинциях, лава (около пятнадцати тысяч) — в северных районах. К перечисленным народам лингвистически близки семанги и сены, а также, мраби (всего около шестисот человек), живущие в лесах Северного Таиланда, и-ведущие бродячий образ жизни, типичный для первобытных охотников и собирателей даров природы. К австроазиатской группе часто относятся народы мео и ман численностью несколько десятков тысяч человек каждый, а также вьетнамцы (около шестидесяти тысяч), меньшая часть которых — это обосновавшиеся в Таиланде потомки вьетнамцев-христиан, переселившихся сюда еще в середине прошлого века, а большая — беженцы периода борьбы Вьетнама против французских колонизаторов.

На языках австронезийской семьи говорят малайцы (около одного миллиона), населяющие принадлежащую Таиланду часть Малаккского полуострова, и мокено (около двух тысяч человек)—морские рыболовы, не имеющие постоянных поселений и кочующие с острова на остров. В провинциях Паттани, Яла, Наратхиват малайцы живут в изоляции от тай и сохраняют в нетронутом виде свою культуру. В-провинции Сонгкхла они находятся в окружении тай и китайцев, вступая с ними в активные межэтнические контакты.

Китайско-тибетская семья представлена в Таиланде, с одной стороны, китайцами, а с другой — народами тибето-бирманской группы. Китайцы (около шести миллионов человек) занимают второе после тайских народов место по численности. Основная их масса сосредоточена в городах они составляют две пятых населения Бангкока и значительный процент жителей центров провинций, — а также в сельских населенных пунктах Менамской низменности и Южного Таиланда. Имеется очень много смешанных китайско-сиамских семей. Миграция сюда китайцев началась несколько веков назад, и в настоящее время китайцев, покинувших родину, в Таиланде больше, чем в каком-либо другом государстве мира. До 1912 года в Сиам разрешалось приезжать только китайцам-мужчинам, они вступали в брак с тайскими женщинами. В дальнейшем в составе иммигрантов появились китайки, и, следовательно, количество смешанных браков уменьшилось. Официальная таиландская статистика считает китайцами только уроженцев самого Китая (таких насчитывается около трехсот пятидесяти тысяч), по китайским же обычаям, ребенок, у которого хотя бы один из родителей—китаец, принадлежит к китайской национальности независимо от места рождения и проживания.

В целом этнический состав населения Таиланда окончательно еще не изучен. Проводящиеся в настоящее время лингвистические и этнографические исследования позволят с большей точностью установить и численность, и размещение различных народов страны.

Глава III **Тысячекилометровый... хобот**

Фаранги из России

Многорядная автострада Петкасен пролегла от Бангкока на юг вдоль Малаккского полуострова через города Накхонпатхом, Ратбури, Хуахин и далее через Сонгкхла до самой границы с Малайзией. Это шоссе — составная часть

трансзиатской магистрали, протянувшейся от Турции до Индонезии. Автострада соединяет столицу с районами, играющими большую роль в экономической жизни страны, поскольку именно в них сосредоточено производство каучука и добыча олова — двух основных наряду с рисом продуктов тайландского экспорта.

Мы выехали в субботу. Было раннее утро. Солнце еще не набрало своей силы. Ветер ласкал прохладой лицо. По изрядно загруженной транспортом дороге чувствовалось, что наступил уик-энд. Тысячи банкокцев и жителей пригородов столицы — кто на собственных машинах, кто на мотоциклах, а кто на маршрутных автобусах—устремилась к побережью: в личные коттеджи, арендуемые бунгало, «дикарями».

Шоссе отличное. Его ширина позволяет делать тройной обгон, не создавая опасных ситуаций. По временам попадаются полицейские будки. Возле них в качестве предупреждения лихачам, не соблюдающим правил вождения, таких, как «Не уверен, не обгоняй!», «Не превышай скорость!», «Держись левой стороны!» (движение в Таиланде левостороннее), неизменно выставлены напоказ разбитые автомобили, потерпевшие аварии на данном участке дороги за истекшую неделю. Хочешь отдохнуть — соблюдай осторожность!

Южный Таиланд—северная часть Малаккского полуострова— представляет собой узкую полосу земли, этакий «хобот» длиной в тысячу километров. И действительно, достаточно одного взгляда на географическую карту региона, чтобы представить себе эту область Таиланда хоботом, к вся страна напоминает голову слона: центральное плато Корат, граничащее с Лаосом и Кампучией, выглядит огромным повисшим ухом; лбом и частично хоботом «животное» соприкасается с Бирмой, а кончиком опущенного хобота, омываемым Андаманским морем с одной стороны и Сиамским заливом—с другой, «слон» упирается в Малайзию.

На юге расположено наиболее крупное в стране озеро Тхалелуанг. Его протяженность — семьдесят пять километров. Оно лежит в восточной части полуострова и вытянуто вдоль Сиамского залива, с которым соединяется протокой и искусственным каналом. На восточном побережье залива имеются глубокие гавани; они, однако, малопригодны для судов из-за частых штормов и бурь. На западе береговая линия более изрезана. Чуть ли не от самого моря круто поднимаются величавые горы Пукет, кажущиеся пурпурными на фоне утреннего неба, ярко-зелеными в полдень и серыми в вечерних сумерках. Параллельно берегу в море тянется гряда островов, скал и подводных рифов. Самый большой из островов—Пхукет, площадь которого—триста квадратных километров.

Автомобильно-мотоциклетный поток отдыхающих двигался нам навстречу. Мы, будучи наслышаны о летней резиденции сиамских королей в местечке Бангпаин, направились туда, делая небольшой крюк наперекор основному транспортному движению.

Бангпаин находится всего в шестидесяти километрах от Бангкока и является неизменным местом паломничества иностранных туристов, которых привозят сюда полюбоваться красотами роскошного летнего дворца тайландских монархов. Здание и в самом деле поражает великолепием. Во внутренние помещения нас, разумеется, не пустили — ведь дворец-то функционирующий, так что пришлось довольствоваться наружным созерцанием этого старинного архитектурного ансамбля.

Мы долго стояли перед центральным входом, у той самой лестницы, к которой в один из дней начала последнего десятилетия прошлого века подкатила запряженная тройкой карета с наследником русского престола, будущим царем Николаем Вторым. Посещение Сиамы, как известно, входило в программу его

кругосветного вояжа на борту крейсера «Память Азова», который спустя пятнадцать лет заменил андреевский флаг на алый стяг революции. Вояж этот завершился довольно конфузливо для Николая в Японии, где наследника огрели по голове саблей (правда, плашмя, что его и спасло). Здесь, в летнем дворце Бангпаин, король Чулалонгкорн в знак дружбы между Сиамом и Россией одарил цесаревича множеством подарков, среди которых — его фотографии в массивных серебряных рамках, слоновьи бивни, сиамский меч в золотых ножнах, лаосская сабля из провинции Чиангмай, малайский крис из Паттани, благородного металла подсвечники в форме загадочных птиц, цветочные вазы, покрытые эмалью, китайский чайный сервиз...

История русско-сиамских отношений своими корнями уходит в далекое прошлое. Непосредственные же регулярные контакты между двумя странами установились только во второй половине XIX века. В лице России Сиам видел тогда единственную сильную державу, не имевшую корыстных интересов в Юго-Восточной Азии, и стремился опереться на ее дипломатическую поддержку в борьбе против колониального наступления Англии и Франции.

...А наступление это было стремительным и напористым. В первый дипломатический нокдаун страна была повергнута в 1855 году, когда в Бангкок на вооруженном корвете «Рэттлер» прибыл губернатор Гонконга Боуринг. Угрожая применением силы, он вынудил сиамское правительство подписать неравноправное соглашение с Великобританией, которое вошло в историю как «договор Боуринга». Англичане получили право экстерриториальности. Этим, как говорится, было положено начало. Капиталистические государства, стремившиеся удовлетворить свои ненасытные аппетиты в Сиаме, выстроились в очередь. Шаг за шагом в течение непродолжительного периода кабальные договоры навязали Сиаму Франция, США, Дания, Португалия, Голландия, Пруссия и другие страны. Различные суда под пестрыми европейскими флагами вереницей потянулись к берегам Сиам, они вывозили оттуда ценное сырье, продовольствие, а ввозили дешевые промышленные товары.

Так на карте мира появился еще один обширный рынок сбыта товаров капиталистических держав. Лишенный независимости Сиам стал поставщиком сельскохозяйственных продуктов для нескольких западных государств. Фактически он был превращен в их полуконию. Страна оказалась втянутой в систему мирового капиталистического разделения труда как поставщик риса, мяса, леса, перца... причем основная часть внешнеторгового оборота приходилась на страны Британской империи. В Бангкоке открылись отделения английских колониальных банков «Гонконг—Шанхай бэнк», «Чертерд бэнк оф Индия, Острэлиа энд Чайна»; крупнейшие компании «Бомбей—Бирма трейдинг корпорейшн», «Фукар энд компани» преступили к разработке тика.

К концу прошлого века Великобританию начали активно вытеснять Япония и Германия. В это же время установились торговые отношения с Россией.

В восьмидесятые годы Сиам становится также объектом борьбы за территориальный раздел. Положение страны было критическим: Франция давила с востока, отрывая от страны кусок за куском, Англия—с запада. Зажатое с двух сторон королевство обратилось за поддержкой к России. Не имея непосредственных политических или экономических интересов в Юго-Восточной Азии, Россия начала, однако, укреплять свои вооруженные силы на Дальнем Востоке; была, в частности, создана Тихоокеанская эскадра, корабли которой под командованием контр-адмирала А. Б. Асланбегова направились к берегам Малакки, а флагманский крейсер «Африка», крейсер «Азия», паровые клипера «Пластун» и «Вестник» дошли до Чаупхраи и встали на бангкокском рейде.

Адмирал был принят королем Чулалонгкорном. В 1891 году Таиланд посетил цесаревич Николай, а Россию — принц Дамронг.

Еще в 1867 году король Монкут сформулировал внешнеполитическую программу Сиам следующим образом: «Что может предпринять небольшое государство, подобное нашему, когда его с двух сторон или трех сторон окружают могущественные страны? Предположим, что мы откроем у себя золотую жилу, которая даст нам много золота, и последнего будет достаточно для покупки сотни военных кораблей; но даже с золотом мы не сможем бороться против могущественных держав, поскольку нам придется покупать у них эти самые военные корабли и снаряжение... Державы могут в любой момент приостановить продажу, как только поймут, что мы вооружаемся против них. Единственное оружие, которое мы имеем и сможем употребить в будущем, — это наши уста и наши сердца... только они смогут защитить нас».

Дипломатические усилия правительства Сиам были направлены на то, чтобы заручиться дружбой сильного в политическом и военном отношении союзника, поддержка которого не позволила бы империалистическим государствам окончательно лишиться страну политической и экономической независимости. Такого союзника, как уже было сказано, Сиама всегда видел в лице России...

Прошло почти сто пятнадцать лет с того дня, когда русские корабли впервые бросили якоря у берегов Таиланда. Этими первыми гостями из России были 334 офицера и матроса двух кораблей — клипера «Гайдамак» и корвета «Новик». Как и всякие военные корабли, они несли на борту артиллерию и другое боевое снаряжение. Но не с целью вероломного вторжения, не с угрозой появились они в сиамских водах. Ни захват земель, ни вымогательство односторонне выгодных торговых договоров и сделок не входило в планы посланцев России. Их задачей было исследование далеких и малоизвестных стран.

В свое время мне довелось прослушать интересную лекцию доктора исторических наук Э. О. Берзина о зарождении русско-сиамских отношений. Часть ее, посвященную визиту в Таиланд «Гайдамака» и «Новика», я позволю себе привести в несколько сокращенном виде.

Итак; во главе русского отряда стоял А. А. Пещуров, сравнительно молодой, но опытный мореплаватель, уже вписавший свое имя в историю географических открытий. В числе моряков, прибывших с Пещуровым, было немало и других известных деятелей русского флота: штурман Бабкин, составитель карт дальневосточного побережья, старший офицер «Новика» Куприянов (впоследствии стал адмиралом), лейтенант Басаргин, именем которого назван мыс в Японском море. Путь, который привел «Гайдамака» и «Новика» в Бангкок, начался осенью 1862 года в устье Амура. А вечером 19 февраля 1863 года они достигли устья Чаупхраи. Каким предстал Бангкок глазам русских моряков? Это было время, когда Таиланд начал осваивать технические и научные достижения передовых стран мира. «Главное внимание правительственных лиц, — сообщал в своем рапорте Пещуров, — обращено на судостроение, и берега реки у Бангкока заставлены значительным числом судов местной постройки всех величин и даже пароходами... Обилие тика делает постройку судов дешевою... а потому нисколько не удивительно видеть суда под сиамским флагом во всех главных портах Китая». Однако развитие страны в восьмидесятых—девяностых годах прошлого века тормозилось проникновением в ее экономику западных «партнеров», не останавливающихся ни перед чем в погоне за прибылями. «Действия иностранцев в Бангкоке, — продолжает Пещуров, — совершенно

свободны, и даже... слишком свободны, так что некоторые из резидентов даже позволяют себе идти наперекор правительству...»

Полный рапорт капитана Пещурова о посещении Бангкока в архивах не обнаружен. Однако и из опубликованного в печати его краткого изложения можно предположить, что русские моряки были приняты королем Монгкутом («Дружеское расположение к иностранцам и желание политических связей подтвердил нам сам король»). При отплытии «Гайдамака» и «Новика» Пещурову был вручен конверт с визитными карточками Рамы Четвертого для передачи их русскому царю.

Так было положено начало развитию русско-тайландских дружественных отношений.

В разное время в Бангкок с визитами доброй воли заходили военные корабли: корвет «Аскольд», крейсера «Гиляк», «Разбойник», «Аврора», канонерская лодка «Сивуч». В 1875 году Сиам посетил русский ученый-путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, которому был оказан радушный прием. А русский композитор П. А. Щуровский написал в 1888 году музыку для национального гимна Сиам, за что, как утверждают историки, был одарен королем Чулалонгкорном серебряной табакеркой. В знак особой признательности России король ввел в сиамской армии русскую военную форму, которую до сих пор носят солдаты королевской гвардии, охраняющие Гранд-палас в Бангкоке: красные мундиры, золотые эполеты, галуны, лампасы, сапоги со шпорами... По велению русского царя орден святой Анны украшал грудь многих сиамских государственных деятелей, а указами короля Сиам мундиры российской знати декорировались орденами Белого слона всевозможных степеней.

В 1891 году Одесса торжественно встречала прибывшего в Россию сиамского принца Дамронга. Спустя шесть лет король Чулалонгкорн посетил Москву с официальным визитом, имевшим весьма плодотворные результаты: вскоре между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В апреле 1898 года в Бангкоке начала работу первая русская миссия. А чуть позднее был подписан договор о дружбе и торговле между странами, который начинался словами: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Сиамом...» Конечно, он по сути своей был неравноправным, но не в такой, разумеется, степени, как англо-сиамский или франко-сиамский...

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую историческую эпоху для колониальных, зависимых народов мира. Согласно Обращению Советского правительства ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, договор, заключенный с Сиамом, был аннулирован. На мирной конференции в Версале в 1919 году делегация Сиам выступила с призывом ко всем державам-участницам отменить неравноправные соглашения. В двадцатых годах Сиам добился пересмотра договоров с капиталистическими странами, в том числе с Англией и Францией...

Заглянуть во внутренние покои, залы и альковы дворца Бангпаин, которые хранили немало тайн и занимательных историй, были местом интриг и коварств, нам не пришлось. Сопровождавший нас экскурсовод говорил лишь о том, из какого камня выстроен королевский дворец, сколько средств ушло на его украшение, в каком году его достраивали и перестраивали. А жаль. Он мог бы рассказать о приключениях часто бывавшей здесь небезызвестной англичанки Анны Леоновенс, которую король Монгкут пригласил из Сингапура для обучения английскому языку своих восьмидесяти двух сыновей и дочерей от тридцати пяти жен; о наезжавших сюда принце Чакрабоне и его супруге, выведенной у К. Г. Паустовского под именем Катюши Весницкой¹⁵.

¹⁵ Паустовский К. Г. Повесть о жизни (Книга первая. Далекие годы). М., 1982.

История молодой киевлянки, ставшей королевой Скама, была для меня одной из загадок, которую я попытался разгадать на месте. Оказалось, знаменитый писатель поторопился отравить гимназистку, которую придворные якобы свели в могилу, подсыпая постепенно в пищу истертое в мельчайший порошок стекло. Писатель поспешил поставить на ее могиле памятник: высокого слона из черного мрамора с золотой короной на голове, в скорбной печали опустившего хобот. Могилы «киевской гимназистки» в Таиланде нет! Тайну «русской королевы» я, будучи в Бангкоке, до конца так и не разгадал. Слышал только, что вроде бы после смерти своего супруга она уехала в США, вышла замуж за миллионера, затем перебралась в Париж, где и почил в бозе.

Откуда же взялся столь сложный клубок путаницы, который удалось-таки развязать с помощью сведений, собранных в последний период? Как же выглядит на самом деле романтическая история «киевской гимназистки»?

Тридцатого августа 1917 года поэт М. А. Волошин в письме в Москву художнице Ю. Л. Оболенской сообщал о пребывании в Коктебеле Максима Горького. Он, в частности, излагал следующий рассказ писателя: «А у нашего хроникера сестра сиамской королевой стала. Курсисткой, она в Петербурге с принцем сиамским познакомилась. Так, в пятнадцатом поколении... А в Сиаме там трон за это время пятнадцать раз перевернулся, он и стал королем, а она тем временем за него замуж вышла... Теперь вон Германии войну объявила...» Звали девушку Екатерина Десницкая (у К. Г. Паустовского — Весницкая). Она была двоюродной сестрой В. А. Десницкого (1878—1958) — революционного деятеля и литературоведа, сотрудника М. Горького. Родилась Катя в 1888 году. Рано потеряв родителей, переехала в начале нынешнего столетия в Петербург, где учился ее старший брат, и поступила на курсы сестер милосердия. Здесь-то ее однажды и повстречал принц Чакрабон. Он был вторым сыном короля Чулалонгкорна, который направил его в Россию для обучения военному делу. В Петербурге Чакрабон поступил в Пажеский корпус, который закончил в 1902 году, после чего был зачислен офицером в царскую армию. Принц полюбил русскую девушку с первого взгляда...

Но Катя не сразу ответила ему взаимностью. Семнадцати лет она отправилась на фронт русско-японской войны, выносила с поля битвы раненых, работала в полевом госпитале и была награждена георгиевским крестом.

Родители Чакрабона звали сына домой, однако принц все откладывал и откладывал свой отъезд. В 1906 году Десницкая вернулась с Дальнего Востока, и Чакрабон тут же сделал ни предложение. Девушка ответила согласием... В 1908 году у них родился сын. Два года спустя умер король Чулалонгкорн. На престол взошел его старший сын Вачиравуд. Чакрабон все это время после возвращения на родину состоял начальником Военной академии, а в 1912 году возглавил Генеральный штаб сиамской армии. В 1911 году он приезжал в Россию, где получил чин полковника гусарского полка и орден Андрея Первозванного...

Чувства Чакрабона к Екатерине Десницкой постепенно угасли, он увлекся дочерью принца Роди, своего отдаленного родственника. С Десницкой был оформлен развод. Сын их остался в Сиаме, а Екатерина Ивановна уехала в Китай. В 1920 году Чакрабон, так и не став королем, скончался. Вачиравуд правил еще пять лет. А бывшая «киевская гимназистка» перебралась, по-видимому, в двадцатые годы в Париж, где и коротала свой век до 1960 года. Очутился в Европе и ее сын Чула; после войны он работал комментатором лондонского радио, издал две книги. В одной из них, озаглавленной «Господа жизни: монархия Бангкока. 1782—1932», Чула рассказал и о своей матери...

Побывав в Бангпаине, мы пустились в путь по тысячекилометровому «хоботу слона».

Долго еще в памяти возникали вызванные осмотром королевского дворца факты и сведения, касающиеся истории Таиланда, в том числе и более поздней. Чула не случайно ограничил временные рамки своей книги: «1782—1932». 1782-й — это год восшествия на сиамский престол основателя ныне правящей королевской династии, а 1932 год—очень важная дата в истории современного Таиланда.

Двадцать четвертого июня 1932 года в Сиаме совершилась буржуазная революция. В результате страна из абсолютной монархии превратилась в конституционную, ограниченную. переворот возглавила Народная партия, руководимая мелкобуржуазным демократом Приди Паномионгом. Партия была создана за четыре года до этих событий националистически настроенными выходцами из буржуазных кругов, недовольными засильем и господством монархической аристократии. В группу переворота входили высшие армейские офицеры и государственные чиновники. Военные части окружили Гранд-палас, взяли под стражу министра внутренних дел и других членов правительства. Королю Прачатипоку, находившемуся в то время в своей летней резиденции в Бангпаине, был направлен ультиматум: либо он соглашается на конституционное правление, либо на его место назначается новый монарх. Прачатипок ответил слезливым посланием: он, мол, человек болезненный, бездетный, лишенный всяческой амбиции, к тому же сам собирался дать народу конституцию; чтобы избежать кровопролития, хаоса и вмешательства иностранных держав, он соглашается с ультиматумом. 27 июня была принята временная, а 10 декабря— первая постоянная конституция в истории Сиама. В честь этого события на одной из центральных площадей столицы был возведен монумент Демократии, под каменные плиты которого с помпой поместили текст конституции. Поместили... и почти на четыре десятилетия о ней забыли. «Вот тут,— указывая на монумент, горько шутили тайцы в долгие годы военно-полицейского правления, — замурованы наши свободы». За период, прошедший с 1932 года, в калейдоскопе государственных переворотов, смен правительств, срок правления которых иногда исчислялся всего двумя-тремя неделями, тайцам было «даровано» свыше десяти конституций.

Революция 1932 года расширила участие буржуазно-демократических элементов в политической жизни страны. Однако развитие национального капитала продолжало тормозиться из-за господства иностранных монополий в ведущих отраслях хозяйства. Вот почему правительством был проведен ряд мероприятий, направленных на восстановление таможенной самостоятельности Сиама, ограничение сроков концессий, предоставляемых зарубежным компаниям на добычу олова и разработку тиковых лесов, увеличение размеров налогообложения западных предпринимателей, ликвидацию системы иностранных советников, поощрение промышленной инициативы местной буржуазии. Началось строительство государственных фабрик и заводов.

Политической формой власти в стране стала военная диктатура.

Используя государственный аппарат, крупные чиновники, офицеры начали расширять свое участие в торговле и промышленности, становились капиталистами; в социальной структуре возник слой капиталистов и бюрократической чиновничьей верхушки, в интересах которых строилась и внешняя политика: в поисках союзников против Англии и Франции ставка делалась на фашистские государства.

В июне 1940 года Таиланд заключает договор о дружбе с Японией; предъявляет правительству Франции официальное требование о возврате части территорий Лаоса и Кампучии, которой Таиланд владел до 1904 года; вводит войска в Кампучию и с дипломатической помощью Токио, несмотря на военные

неудачи, добивается возвращения богатейших земель — кампучийских провинций Баттамбанг и Сиенреап с населением свыше миллиона жителей, а также части Лаоса (колониальные владения Франции). Одновременно с Японией был подписан протокол «О безопасности и политическом взаимопонимании». Началось вторжение японских войск в Индокитай...

В среде широких народных масс вступление Таиланда в войну на стороне государств фашистской оси не встретило одобрения. В стране складывается движение против японского милитаризма «Свободные тай», активизируется рабочий класс, разрозненные организации сиамских, китайских, малайских рабочих объединяются в Коммунистическую партию, учредительный съезд которой состоялся в ноябре 1942 года. В подполье был налажен выпуск газеты «Махачен».

В декабре 1946 года был отменен «антикоммунистический закон» (в 1948 году он был принят вновь и действует поныне), КПТ впервые получила возможность вести работу легально. Тогда же были восстановлены существовавшие с 1941 года дипломатические отношения с Советским Союзом, который поддержал просьбу Таиланда о приеме его в ООН. Последовавшая после войны чехарда государственных переворотов привела к тому, что в 1957 году к власти пришла группа высших офицеров во главе с С. Танаратом, установившим личную, ничем не ограниченную диктатуру. В 1963 году после его смерти премьер-министром на целое десятилетие стал Т. Киттикачон, тот самый «монах-отшельник», которому народ дал прозвище «кровавый маршал»...

У золотой ступы

Древнекитайские хроники сохранили краткое сообщение о том, что в VII веке до нашей эры в китайский порт пришли купеческие корабли из далекой страны. По «набору» товаров можно определить, что эти торговцы были индийцами. Первые торговцы из Индии в Китае...

Ход открытия полуострова Индокитай представляется следующим образом. От устья Ганга индийские купцы на судах обследовали северные и восточные берега Пурва Самудра («Восточного моря» — Бенгальского залива) на тысячу двести километров, открыв Араканское побережье (западную, зажатую между хребтом Ракхайн и морем часть современной Бирмы), где жили охотники и рыболовы племени монов. В районе 16° северной широты они проследовали вдоль плоского берега, круто поворачивавшего на восток, — это была сильно заболоченная дельта реки Иравади¹⁶. Затем купеческие суда пошли вдоль побережья на юг. Они двигались вдоль Салмали-двипы — северной части западного берега полуострова Малакка — между 13° и 9° 30' северной широты (архипелаг Мьей). Следуя в общем к югу, древние индийцы прошли Малаккским проливом, обогнув самую южную оконечность Азии — мыс Пиай, и первые проникли в Южно-Китайское море. Дальнейший их маршрут скорее всего пролегал вдоль восточного побережья Малакки до вершины Сиамского залива. Здесь они обнаружили болотистые равнины дельты реки Меконг. Страна эта, названная впоследствии Сака-двипа (юг Таиланда и Кампучии), получила известность благодаря тиковым деревьям (сака), использовавшимся для строительства судов. За дельтой Меконга берег, все более и более гористый (южная часть Андаманских гор), стал постепенно поворачивать на север. Открыв свыше шести с половиной тысяч километров побережья, мореплаватели достигли в конце концов вод, уже знакомых древним китайцам. Со временем купцы и

¹⁶ Двадцать пять веков назад берег находился в 100—125 км севернее: река благодаря наносам «наращивает» дельту на сорок—пятьдесят метров в год.

моряки убедились, что путь в обход полуострова не только долог, но и опасен—в водах пролива хозяйничали морские разбойники.

...К слову сказать, пиратство в этом регионе процветает до сих пор. В печати сообщалось о тайландском нефтяном танкере «Паттани Дерн Руа», на который было совершено дерзкое нападение: неизвестный скоростной катер на ходу пришвартовался к судну, на борт танкера «выбросился» вооруженный десант, в считанные минуты капитан и команда «Паттани Дерн Руа» были заперты в трюме, пираты перекачали нефть в подогнанный собственный танкер и демонтировали часть судовой машины, которую также прихватили с собой; Трудно себе представить, что налет произошел в наше время, в 1985 году. Еще труднее поверить, что он отнюдь не случайный и далеко не единичный. С 1980 года близ тайландских берегов в результате разбойничьих нападений на море погибли почти полторы тысячи человек, подверглись насилию и были похищены около трех тысяч...

Итак, древние купцы и моряки, убедившись, что путь в обход полуострова Малакка долог и опасен, стали искать более короткие и относительно безопасные маршруты. С помощью проводников-монов древние индийские купцы открыли и освоили несколько других торговых путей. Первый начинался у 12° северной широты, в устье Таинтайи, по которой суда поднимались до 14°. Здесь находилась перевалочная база—товары грузились на повозки и через невысокий и узкий хребет Билау переправлялись к среднему течению правого притока Мекхлонга. По этой реке, впадающей в Сиамский залив, снова на судах товары доставлялись к морю. Второй путь пролегал через холмы и низкогорья перешейка Кра—самого узкого участка полуострова Малакка — и сокращал путь на тысячу пятьсот километров. Третий и четвертый пути проходили южнее, примерно у 8° и 6° северной широты: использовались речки, впадающие в Андаманское море и Сиамский залив с короткими волоками между ними.

Чумпхон на перешейке Кра был конечным пунктом первого этапа нашего автомобильного путешествия. Мы должны были достичь его до наступления темноты. Пока же мы приближались к Накхонпатхому.

Города еще видно не было, но на фоне светло-голубого неба мы различили шпиль знаменитого храма Прапатом (Золотой ступы), ослепительно отражавшего лучи солнца бесчисленным множеством зеркальных осколков, вкрапленных в камень. Храм этот чуть ли не единственный сохранившийся образец зодчества эпохи царства Дваравати и относится, видимо, к VII—IX векам. Сооружен он в форме ступы (пра чеди). Терраса, на которой возведен храм, украшена фигурами из гипса. Высота ступы достигает ста пятнадцати метров.

Ознакомившись с достопримечательностями Накхонпатхома, одной из которых является статуя восседающего на троне почти четырехметрового Будды, из кварцита, мы решили поесть. Расположившись в уютном ресторанчике, как раз напротив Золотой ступы, мы после тщательного изучения меню заказали жареного цыпленка (не лягушку!) и тайское блюдо под названием «као лам». Отдавая дань кулинарному искусству владельца ресторана, следует сказать, что в карточке насчитывалось не менее восьмидесяти блюд, и можно было абсолютно не сомневаться в том, что, какое бы из них мы ни заказали, оно было бы приготовлено. В меню были и уже знакомые нам названия. Као пат — рис со свиной или курицей, каном пан — пельмени, том ям — острый тайский суп, ко мок — паста из креветок с рыбой, перцем и чесноком, салим — сладкая лапша, сангайя — кокосовый пудинг, суп из акульих плавников, «ласточкино гнездо», яйца красных муравьев...

Нам повезло, что меню было отпечатано, да еще типографским способом, — значит, заказ поймут правильно. А то помню, какой вышел конфуз, когда в

одной провинциальной харчевне я попросил жареного цыпленка. Чтобы изъясняться на тайском языке, надо обладать незаурядным музыкальным слухом. Важное значение имеет и место жительства. Сами тайландцы, если они родом из разных провинций, не всегда могут вести беседу друг с другом. Население страны говорит на многих языках, на десятках наречий и диалектов. В общем в упомянутом случае я очень старался произнести фразу насчет жареного цыпленка безошибочно и в той тональности, в которой это было необходимо. Но тщетно. Сперва мне принесли вареные яйца. Я их съел и... попросил жареного цыпленка. Мне принесли глазунью. Я разделался и с ней, а потом снова заказал цыпленка. На третий раз мне повезло, так как теперь уже я сопровождал свои слова взмахами рук и кудахтаньем.

Наиболее распространенные в Таиланде языки — китайский, тибето-бирманские (ака, лису, лаху, качин), каренский, малайско-полинезийские (малайский, мокен), мон-кхмерские (кхмерский, монский, куй, тин, кхаму, чаобои и другие), мяо-яоские, вьетнамский, новоиндийские (урду, бенгали) и, конечно, тайские (тай, лао, юан, шан, лы, кен, пуан, нанг, сэк и другие). Господствующее положение занимает тайский язык этнического большинства. Он и является государственным.

Тайский язык подразделяется на четыре основных диалекта: центральный, южный, северный и северо-восточный — в соответствии с принятым делением страны на географические области. Диалекты различаются в основном фонетически и частично лексически. Нормативным считается центральный диалект, который лежит в основе литературного языка, сформировавшегося на базе живой разговорной речи под воздействием устного народного творчества. А первый письменный памятник—упоминавшаяся уже стела Рамы Камхенга—некоторыми учеными рассматривается как первое литературное произведение на тайском языке. Первой же печатной книгой был королевский эдикт «О вреде курения», несмотря на ограниченные рамки «жанра» также не лишенный литературных достоинств.

Тайский язык обладает богатым словарным запасом, главное ядро которого составляют исконно тайские слова. Вместе с тем в нем есть довольно значительное количество слов из языков пали, санскрита, а также кхмерского, китайского, малайского, английского и других. Наиболее значительными по числу и по своей роли являются слова, заимствованные из пали и санскрита, которые проникли в тайский язык благодаря буддизму, ставшему в XIV веке государственной религией Таиланда, а также по причине длительного культурного общения с Индией. Слова, вернее, корни слов из пали и санскрита, измененные в соответствии с фонетическим строением тайского языка, не только образуют внушительную прослойку тайской лексики, но и служат «строительным материалом» для создания новых слов, подобно латинским и греческим корням в европейских языках.

Языки тайских национальных меньшинств не имеют официального статуса и служат главным образом средством общения в замкнутых общинах.

К тайскому близок язык лао. Живущие в Таиланде китайцы говорят преимущественно на диалектах чарджоуском (более половины) и хакка (около одной пятой); менее распространены хайнаньский, гуандунский и фуцзяньский. Жители пограничных с Малайзией районов изъясняются на малайских диалектах.

Тайский язык имеет целый ряд специфических особенностей. В типологическом плане он принадлежит к так называемым изолирующим языкам. Слова в нем лишены каких-либо формальных показателей синтаксических отношений — текст пишется в одну непрерывную строку без запятых и точек. Средствами связи в предложении выступают порядок слов, служебные слова и

интонация—в разговорной речи. Порядок слов фиксированный. Например, фраза «Большая черная собака гонится за маленьким белым котенком и кусает его» звучит следующим образом: «Собаки черное тело большое гонится, кусая кошки белое тело маленькое». Огромно значение тональности. В языке — пять основных тонов: средний ровный, низкий ровный, падающий, высокий и восходящий (в зависимости от регистра или контура). Они превращают простую речь в нечто похожее на песню. Тона имеют важное значение, и неверное их воспроизведение, как в упомянутом случае с жареным цыпленком, может привести к серьезным ошибкам. Слово «кау», например, в зависимости от тона и долготы гласного звука может означать «он», «колени», «входить», «рис», «новости», «белый». Весьма многочисленны местоимения. Для обозначения одного и того же лица их имеется несколько, а выбор зависит от общественного положения, возраста этого лица, степени родственных связей или дружеских отношений беседующих. Интересно и то, что до наших дней продолжает существовать придворный язык. Разговор с королем желательно вести на «рачасап», с употреблением самых изысканных выражений; слова грубые, повседневные следует заменять искусственно произведенными, отличными от простонародных.

Куда же ведут корни тайского устного языка? Этот вопрос продолжает интересовать ученых различных стран. Если прототипом тайской письменности принято считать кхмерскую, которая в свою очередь родственна одному из вариантов южноиндийской, то принадлежность тайского языка, как и всей тайской группы, к той или иной языковой семье пока не определена. В разное время разными авторами тайские языки связывались то с китайско-тибетскими, то с австронезийскими (малайско-полинезийскими), то с мон-кхмерскими или вьетнамскими языками. Все эти классификации основаны на наличии в тайских и других языках Юго-Восточной Азии, а также в китайском языке общих или сходных материальных и типологических черт. Однако остается неясным, какие из этих черт являются унаследованными от единого праязыка, если таковой был, какие—результатами заимствования и взаимовлияния, какие— просто случайным совпадением.

Пока на кухне повара орудовали над као ламом и цыпленком, несколько официантов быстро и ловко сервировали стол. Появился графин с прохладной водой, разнообразные приправы и всевозможные фаянсовые плошки с соусами: кислыми, сладкими, горькими. Принесли также салфетки в целлофановой упаковке—только что из холодильника. Их следует брать а одну руку и с силой ударять по ладони другой. Пакет с треском разрывается. Такие салфетки подают почти в каждом ресторане для обтирания лица и рук.

Мы любовались гордостью жителей Накхонпатхома — Золотой ступой, которая чуть-чуть, но все же выше всемирно известной бирманской пагоды Шведагон (в Рангуне). Хозяин что-то рассказывал о находящейся поблизости скульптуре собаки, за исключительную преданность увековеченной а бронзе одним из королей.

— А река Квай отсюда далеко? — задал вопрос мой спутник.

— Всего несколько десятков километров, в провинции Канчанабури. — Хозяин махнул рукой куда-то в сторону. — Там знаменитый мост. Столько времени прошло, а люди не забывают трагедию, связанную со строительством железной дороги, «дороги смерти», соединившей Таиланд с Бирмой. Шестьдесят две тысячи военнопленных различных национальностей и сто пятьдесят тысяч вольнонаемных тайцев прокладывали ее во время второй мировой войны для японских империалистов. Шестнадцать тысяч занятых на строительстве дороги домой не возвратились. Они погибли от голода и малярии, от безжалостного

солнца и амёбной дизентерии, от укусов ядовитых змей и навсегда остались лежать на трех огромных кладбищах на берегу реки.

Многие, наверное, слышали или читали о мосте через реку Квай, а может, даже видели фильм английского режиссера Д. Лина «Мост через реку Квай». Железная дорога, на строительство которой японцы согнали пленных англичан, австралийцев, голландцев, американцев, сохранилась и поныне. Правда, самый первый мост—деревянный—был взорван несколькими американцами, бежавшими из японского лагеря. Но снова используя труд военнопленных, японцы восстановили его (этот мост был показан в фильме как «исторический»). Сейчас на его месте находится новый—из стальных конструкций. Время от времени в Таиланде проводится «Неделя моста через реку Квай», проведение которой является важным звеном в цепи событий, отражающих нарастание в регионе волны протеста против возрождения японского милитаризма. Участники постоянного комитета Всемирной федерации бывших фронтовиков стран Азии и Тихого океана осуждают попытки Токио скрыть истину о японской агрессии в Азии в годы второй мировой войны. Нынешние поколения, говорится в одной из резолюций Федерации, должны знать правду о минувшей войне, какой бы горькой она ни была, чтобы не допустить возникновения новой!

Из двери, ведущей на кухню, официанты торжественно выносили поднос с... бамбуковыми поленьями.

— В каждом районе,— говорил тем временем хозяин, — есть свое, так сказать, фирменное блюдо. На севере отлично готовят хаем — свиные сосиски, на северо-востоке подают сырую рыбу под названием «пла дек». А вот такого вкусного као лама, как у нас, вы нигде в Таиланде не найдете.

Поленья бамбука мы видывали и раньше, однако никогда их не пробовали, да и понятия не имели, что это и есть знаменитый као лам. В звенья довольно толстого бамбука, набитые клейким, смоченным соком кокосового ореха рисом и запеченные в печи, специально для нас, по словам хозяина, добавили еще и изюм.

Добродушный таец, казалось, решил просветить заезжих фарангов по части тайской пищи. Пока мы ели, чего только он не успел нам порассказать.

По его словам, в Таиланде растут несколько десятков сортов бананов. Наиболее известные — «сладко пахнущие», которые главным образом идут на экспорт. Мелкие плоды называют «детскими», однако витаминов в них больше, чем в других сортах. В рационе жителей страны бананы держатся круглый год. Есть плоды малосъедобные, но почитаемый, потому что в них обитает «добрый дух». Банановые листья идут на изготовление корзин. А мягкая часть сердцевины ствола бананового дерева употребляется в пищу как пряность. Высушенные волокна самого ствола идут на изготовление веревок. Мелко порубленную древесину добавляют в корм свиньям. Боксеры упражняются с податливым стволом бананового дерева как со спарринг-партнером.

Тут мысль тайца перескочила на спортивные состязаний. Мы узнали, что все они, за редким исключением, берут начало от игр, которыми в свое время деревенские жители отмечали завершение полевых работ. Это петушиные бои, в ходе которых зрители заключают пари; поединки буйволов, широко распространенные на юге страны и отличающиеся от испанской корриды тем, что в них не участвуют люди; рыбы сражения, происходящие обычно в больших глиняных сосудах; схватки воздушных змеев, которые проводятся с наступлением жаркого сезона, когда принято запускать в небо змеев, сконструированных в виде бабочек, птиц, рыб, драконов, даже героев любимых мультфильмов (ося они могут быть и покупными, и самодельными) размерами, достигающими порой

нескольких метров. Сооружают змеев, как правило, из бамбуковых жердочек и рисовой бумаги.

«Воздушные бои» отнюдь не детская игра: по всей стране есть укомплектованные команды, борьба ведется по утвержденным правилам. Соревнования проводятся не только в провинциальном, но и в общенациональном масштабе. Битву змеев обычно облачают в форму поединка мужского начала с женским. Высоко над полем, где проходят соревнования, кружится кокетливая миниатюрная «папкао», а огромный «чула», удерживаемый командой до двадцати человек, пытается схватить «папкао» своими бамбуковыми «когтями». Но это не так-то легко. «Папкао», обладающая в руках опытных спортсменов всеми повадками роковой женщины, может затянуть «чулу» петлей своего троса, и тогда могучий змей, потеряв аэродинамическую устойчивость, бесславно валится на землю...

Не обошел молчанием хозяин ресторана и сиамский бокс, который, как полагают, возник подобно японской борьбе каратэ в период раннего средневековья, когда одиноким странникам на пустынных дорогах при встрече с разбойниками приходилось полагаться лишь на свои собственные силу и ловкость.

Сиамский бокс — и в этом мы смогли убедиться сами — совершенно не похож на привычный нам, европейцам, вид спорта. Противники выходят на ринг босыми и прежде всего начинают читать молитвы, поворачиваясь лицом вначале в направлении, где расположена их родная деревня или город, то есть к месту своего рождения, а затем поочередно на все четыре стороны, отгоняя злых духов, а также призывая на помощь покровителей и тени великих боксеров. Но вот ритуал завершен, и начинается матч. Спортсмены не только имеют право, но даже должны лупить друг друга ногами, локтями, коленями, совершать тычки головой. Наиболее сокрушительные удары наносятся ногами в прыжке. Нередко схватки заканчиваются трагически. На состязаниях в Лампанге, например, были убиты оба партнера. Один скончался тут же, на ринге, другой — в госпитале день спустя. Говорят, ставился вопрос об исключении из сиамского бокса наиболее опасных элементов. Но увы. Именно самые зверские приемы делают тайский бокс прибыльным бизнесом, привлекая местных богачей и туристов из капиталистических стран. Довольно активно прививается здесь и европейский бокс — тайские команды в легком весе считаются одними из самых сильных в Азии.

— А праздник качелей, чем не спорт? — Казалось, хозяина уже ничто не в состоянии остановить. — Церемония окончания полевых работ? Самые большие качели ставят, конечно, в столице, но и у нас — да и вообще повсюду — они весьма и весьма внушительные. Вы знаете, в чем смысл состязания? Нет? Так вот, на некотором расстоянии от качелей устанавливается гибкий бамбуковый шест, на котором подвешена корзиночка с серебряными монетами. Соревнующиеся должны, раскачавшись, ухитриться схватить монету зубами. Но чаще к вершине шеста прикрепляют сосуд, наполненный рисом, перемешанным с медными деньгами. Подобный винегрет символизирует достаток. Чем больше монеток удастся выудить из зерна, тем урожайнее будет грядущий год. Или вон, — таец указал на группу мальчишек, образовавших круг. — Такро! Игра, требующая немалой сноровки.

Мы расплатились, поблагодарили хозяина рестораника и направились к ребятам, чтобы вблизи удостовериться в их ловкости. Игроки под одобрительные возгласы нескольких болельщиков перекидывали друг другу сплетенный из стеблей пальмы ротанг мячик, не дотрагиваясь до него кистями рук.

Этот национальный вид спорта очень популярен в Таиланде. На школьных площадках во время перемен, в парках, просто на улице часто можно видеть тайцев, которые, разбившись на команды или встав в кружок, играют в такро. Если состязание происходит на специально оборудованной площадке, то спортсмены забрасывают мяч в подвешенную на столбе сетку. Мяч нельзя ронять на землю, удары следует производить ногами, локтями, плечами, коленками... Самые опытные игроки ухитряются забивать голы даже спиной.

— Поехали,— толкнул я спутника.— Опаздываем.

Мы рассчитывали, как я уже сказал, до вечера поспеть в город Чумпхон, что на перешейке Кра. Ночная езда в Таиланде малоприятна и чревата неожиданностями. На дорогу выползают питоны, выходят дикие животные...

Где живут сиамские коты?

По сложившейся в древности традиции, когда выпадают первые капли дождя, возвещающие о наступлении влажного сезона, тайские крестьяне совершают обрядовые танцы. В тех областях, где ирригационная система развита недостаточно, а подобных районов в стране много, сельские труженики постоянно испытывают нехватку влаги. Может быть, именно поэтому в стране сохраняется и поддерживается «ритуал дождя», в котором неизменно принимает участие бог Пра Пирун.

На картинках Пра Пирун изображается, как правило, стоящим на огромной змее Пья Нак, из пасти которой льется вода, питающая иссушенную землю. Помимо сколоченных из фанеры и раскрашенных Пра Пируна и Пья Нак для этой танцевальной церемонии необходим сиамский кот. Его сажают в плетеную железную корзину, используемую для ловли крабов. Впереди процессии шествуют барабанщики, за ними несколько самых уважаемых людей деревни несут кота. Следом идет крестьянин с бочонком воды, а в последние годы — с лейкой. Через небольшие промежутки времени раздается барабанная дробь, кот в испуге мечется по клетке и, отчаянно мяукая, пытается увернуться от выливаемой на него влаги. Сопровождается шествие танцами, а также песнями, слова которых обращены к богу дождя Пра Пируну. Ниспошлет он достаточное количество осадков — крестьяне соберут добрый урожай риса...

Для простого тайца рис означает нечто большее, чем для русского хлеб, для итальянца макароны, для скандинава картофель. Это и понятно: рис—основа жизни, главная сельскохозяйственная культура, важная статья тайландского экспорта, составляющая почти сорок процентов его продажи на мировом рынке, продукт, который служит не гарниром к какому-нибудь блюду, а, напротив, самим блюдом, требующим приправы.

Говорят, что первое упоминание о рисе в Таиланде относится ко II—I векам до нашей эры. Много воды утекло с тех пор, не счесть собранных урожаев. И неудивительно, что рис породил немало интересных, порой таинственных обрядов. В разных провинциях они разные, непохожие друг на друга.

Во главе торжественной процессии из десяти человек идет нарядная крестьянка в платье, расшитом национальным орнаментом. Она раскрывает белый зонт, поднимает его над головой, извещая тем самым о начале праздника риса. Женщина бережно держит, прижав к груди, словно это спеленутый младенец, белый сверток. От зонта на него падает тень. Сделав круг по полю, процессия направляется к расположенной невдалеке постройке. Заметив приближающихся, жители деревни выбегают им навстречу и, выкрикивая приветственные слова, отводят женщину в хижину, где она осторожно кладет сверток на заранее приготовленную постель: матрац и подушку. Настает время,

когда «младенца» надо распеленать... Внутри свертка, по обычаю, находятся семь колосков риса, окропленных маслом. Колоски надушены и связаны цветной ниткой. Это только что появившееся на свет «рисовое дитя».

Считается, что рис, подобно человеку, проходит полный жизненный цикл. А для сохранения его «души» необходимо, по старинному поверью, сберечь несколько колосков от предыдущего урожая и, подержав их длительное время в специальном мешке, начинать очередной сев с высадки именно этих колосков. В том же мешке находится «рисовая мама» — обычный сноп, обвязанный веревкой. Его считают священным, тщательно оберегают, оказывают ему соответствующие почести.

Так поступают крестьяне четырех самых южных провинций, населенных мусульманами (Паттани, Наратхиват, Яла и Сатун).

Мусульмане, проживающие на «хоботе слона», по которому мы стремительно неслись в сторону Малайзии, в общей своей массе сунниты, последователи имама Шафии; есть и мусульмане шиитского толка, а выходцы из Пакистана считают себя адептами имама Абу-Ханифа.

Руководящий совет мусульман Таиланда возглавляет шейх, назначаемый королевским декретом и одновременно исполняющий обязанности государственного советника при Министерстве внутренних дел и Министерстве образования. Исламские религиозные комитеты организованы в тех провинциях, где существуют общины. Комитеты защищают интересы мусульман и решают споры между руководством мечетей. Последних в стране около полутора тысяч. В Таиланде действует сто пятьдесят различных мусульманских ассоциаций и благотворительных обществ. Есть религиозные школы — пондоки, а в Бангкоке открыт исламский колледж для тех, кто хочет получить высшее духовное образование.

Как бы по-разному ни называли обряды, связанные с началом посевной страды, какими бы оригинальными ритуалами их ни обставляли, везде они дополняются праздником «Первой борозды», главное представление которого устраивается на одной из намеренно незаасфальтированных площадей Бангкока, недалеко от храма Пра Кео. Центральным действующим лицом тут выступает сам министр земледелия. Он трижды обходит «поле» за позолоченным плугом, в который впряжены два буйвола, возвещая тем самым о начале церемонии.

В деревнях все происходит в целом так же, как и в Бангкоке: буйволы с разукрашенными цветными лентами рогами, монах, медленно и важно придерживающий рукоять плуга, след в след идущие за монахом юные тайки с коромыслами, на которых подвешены корзинки, наполненные различным зерном. В проложенную борозду священнослужитель горстями бросает семена. Достигнув другого конца поля, девочки опускают корзины, отбирают семь из них и ставят эти корзины перед одним из буйволов. Теперь все зависит от животного. Подведет или не подведет? К какой корзине потянется? Если выберет, например, ту, что с кукурузой, перемешанной с мелко нарезанной травой, — жди высокого урожая; если обнюхает корзину с рисом — половина всходов погибнет. Но как правило, рис буйвола не прельщает. Естественно, ведь в соседней корзине такой вкусный корм! В южных провинциях крестьяне тоже выращивают рис, но все же предпочтение отдают разведению каучуконоса — гевеи. Правительство уделяет большое внимание производству натурального каучука, стремясь повысить его конкурентоспособность на мировом рынке перед малайзийским и широко распространенным синтетическим. Намечена даже программа омоложения плантаций, но из-за целого ряда неразрешимых трудностей она так и не осуществлена. Одна из сложностей связана с небольшими размерами каучуковых плантаций, их раздробленностью. В отличие от других стран Юго-Восточной Азии,

где основная часть площадей под гевеей находится во владении капиталистов-плантаторов, производство каучука в Таиланде сосредоточено в мелких хозяйствах середняков и бедняков, которым не под силу применять современные методы подсечки деревьев и первичной обработки сока каучуконосов — латекса. Владельцы наделов, несмотря на поощрительные субсидии, выделяемые правительством для реплантации деревьев—замены старых, «уставших», на новые,— не соглашаются рубить каучуконосы. Пока молодняк даст первый «резиновый сок», пройдет шесть-семь лет. А чем все это время жить? Поэтому-то местный каучук и отличается низким качеством.

Вдоль шоссе одиноко стоят домишки сборщиков латекса. Перед каждым жилищем либо на жердях, либо просто на траве сушатся белые «полотнища», напоминающие толстые вафельные полотенца. Это продукт первичной кустарной обработки каучука. Еще до рассвета уходят крестьяне в глубь плантаций гевеи, чтобы собрать накопившийся за ночь латекс. Он капает из надрезов на коре в прикрепленные к дереву глиняные чашки. В домашней мастерской сок разливают по формам, где он быстро загустевает. Потом его вынимают, мнут, выполаскивают и наконец пропускают между плотно сжатыми металлическими «челюстями» с тупыми шипами. В результате получают «полотенца», которые держат на солнце, пока они не станут коричневыми. Затем их складывают в стопку у обочины; отсюда их заберут на фабрику, где каучук пройдет еще много операций, прежде чем обретет товарный вид.

Первые саженцы гевеи (всего двадцать два) были завезены на Малаккский полуостров в 1876 году, а в Сиаме каучуковое дерево появилось в самом конце прошлого века благодаря китайцам, приехавшим из Малайи. Сегодня под посадками гевеи в Таиланде занято около двух миллионов гектаров, главным образом на полуостровной части. По производству натурального каучука — пятьсот тысяч тонн в год — страна занимает третье место в мире после Малайзии и Индонезии.

Так же как и в других областях, только, может быть, в несравнимо меньших объемах, на «хоботе слона» возделывают, как уже говорилось, рис, кроме того, производят кукурузу, тапиоку, джут и кенаф, сахарный тростник, сорго... Вокруг городов выращивают фрукты и овощи.

Следует отметить, что все перечисленные сельскохозяйственные культуры характерны практически для всех районов Таиланда. Что касается животноводства, то оно особенно развито в засушливых северо-восточных провинциях. Там выращивают свиней, мясо-молочные породы крупного рогатого скота. Важную роль играет такая отрасль сельского хозяйства как рыболовство; им занимается население и прибрежных районов, и внутренних, где крестьяне разводят рыбу на своих рисовых делянках, когда они залиты водой. Жители побережья ловят также различных ракообразных и моллюсков. В среднем в стране ежегодно вылавливают более полутора миллионов тонн рыбы, причем более девяноста процентов дает морской улов.

И все же первооснова сельского хозяйства Таиланда — земледелие, в котором как по валовому сбору (около девятнадцати миллионов тонн в год), так и по стоимости продукции выделяется рис. Под его посевами занято десять миллионов гектаров. Подобная монокультурная специализация порождена влиянием мирового капиталистического рынка.

В стране существуют два способа выращивания риса. В районах, где разливы рек регулярны и надежны, сажают рассаду, которая произрастает сначала в питомнике; примерно через месяц, когда стебельки достигают двадцати — тридцати сантиметров, молодые нежные растения втыкают в почву на затопленных полях. Такой метод, распространенный, например, в Центральном

Таиланде, позволяет собирать весьма высокие урожаи. Там, где разливы рек носят спорадический, нерегулярный характер, применяется разбросанный посев. Он особенно характерен для плато Корат. Рис тут обычно сеют по краям болот, образующихся во время наводнений.

В зависимости от природных условий крестьяне выбирают для выращивания тот или иной сорт риса. В северных районах и на плато Корат, где дождливый сезон длится недолго, возделывают клейкий рис, для вызревания которого требуется только четыре месяца. Клейкий сорт идет на удовлетворение нужд внутреннего рынка. В долине Чаупхраи выращивают высококачественный рис, идущий на экспорт.

Выше отмечалось, что тайский крестьянин в большинстве своем беден и неимущ: будь то арендатор, который за право возделывать участок должен выплачивать денежную или натуральную ренту, или собственник, клочок земли которого, как правило, ничтожно мал. Нельзя сказать, что правительство не оказывает сельскому хозяйству помощь. Создается так называемая аграрная инфраструктура — строятся фондоемкие мелиоративные сооружения, дороги, проводятся в жизнь различные программы, поощряется разработка исследовательских работ, открываются опытно-показательные станции и хозяйства. Но всего этого явно недостаточно. Власти, стремясь лишь опосредованно воздействовать на увеличение размера и качество продукции сельского хозяйства, обрекают эту отрасль экономики на экстенсивный путь развития. Слабая техническая оснащенность, высокая стоимость производства продуктов питания при непрерывно падающих мировых ценах на сырьевые товары таиландского экспорта вызывают неуклонное снижение уровня жизни крестьян.

В последние годы появился еще один фактор, оказывающий отрицательное воздействие на таиландское хозяйство в целом и на сельское в частности. Речь идет о влиянии транснациональных корпораций, которые доминируют не только на рынке сбыта, но уже и в производстве. Предоставляя крестьянам кредиты, семена, вакцину для животных, корма, удобрения, они диктуют, где и что сеять, контролируют закупки урожая. В результате иностранные фирмы стали играть ключевую роль в образовании цен на продукцию сельского хозяйства. Нередко такая «помощь» оборачивается для таиландцев трагедиями...

Долгое время жители северных и северо-восточных районов страны не могли понять, почему пресноводная рыба в этих местах гибнет от злокачественной опухоли. Когда за выяснение причин взялись эксперты, обнаружилось, что массовый «падеж» рыбы вызван пестицидами, которые накапливаются в почве, а в сезон дождей неизбежно попадают в водоемы. «Эпидемия» у рыб наносит ущерб в десятки миллионов батов ежегодно. Выяснилось также, что западные, прежде всего американские, монополии поставляют в Таиланд вредные, снятые с продажи химикаты. Ради прибылей заокеанские толстосумы не считают ни с чем. В докладе пестицидной лаборатории Министерства сельского хозяйства Таиланда сообщается, что приблизительно одна треть фруктов и овощей, продающихся на рынках столицы и ее пригородов, содержит остатки фосфорорганических пестицидов избыточного уровня. Исследованиями доказано опасное содержание пестицидов в водоемах и почвах Центрального Таиланда, северных и северо-восточных областей. Иностранные монополии предлагают сельским труженикам сотни видов различных химикалиев, что уже содержит в себе потенциальную угрозу, если учитывать общую отсталость тайских крестьян. Неумелое применение удобрений и средств борьбы с насекомыми и вредителями приносит порой больше вреда, чем пользы. В госпитали попадают сотни человек, страдающие от накопления в организме ядовитых веществ. Около миллиона жителей поражены неизвестной

болезнью, которая, как полагают врачи, вызвана инсектицидами, проникающими в овощи и фрукты.

Вот и остается тайским крестьянам в поисках выхода из тяжелого положения уповать, в частности, на старинные обычаи и ритуалы: оберегать «рисовую маму», отмечать день «Первой борозды», молиться и призывать на помощь добрых духов, носить по полю сиамского кота...

До поездки в Бангкок у меня не было сомнений в том, что все коты в этой стране — сиамские. Мы знаем их как славных домашних животных, умеющих с удивительной ловкостью взлетать по шторам под самый потолок, непостижимым образом взбираться на люстры, лазить по стенам, цепляясь за электропроводку. Родиной «сиамцев» действительно является Таиланд.

Однако, несмотря на то что котов в стране встречается много, далеко не все они сиамские. Если провести аналогию с собаками, то большинство котов следует поставить на одну доску с обыкновенными дворнягами.

Стопроцентный сиамский кот в Таиланде... редкость. Истину эту подтвердил как-то господин Ноб, владелец бангкокской транспортной конторы, с которым по долгу службы мне приходилось видеться довольно часто. У него в офисе было по крайней мере три «сиамца». Сытые и ухоженные, они вели более чем ленивый образ жизни. У меня ни разу не возникало сомнений относительно их породы: это были, разумеется, «сиамцы»! Светло-серые зверьки, с темными кончиками лап, хвостов, ушей, с удлинненными мордочками и слегка раскосыми голубыми глазищами.

— А эти?—как-то спросил я Ноба, имея в виду его кошачий питомник.

— Помесь,— махнул он рукой.— Уши маленькие, хвосты, вон, укороченные, толстые, цвет блеклый, словно они выгорели на солнце. Типичные гибриды. Но в целом отличить их от настоящих нелегко. Простым смертным нелегко, а специалистам...

— Так вы, стало быть, специалист?

— Нет, нет. Скорее исследователь-любитель. Доморощенный, так сказать, кандидат кошачьих наук. Не улыбайтесь, я вполне серьезно. Дело в том, что еще недавно вопрос о происхождении сиамских котов был покрыт глубокой тайной. Никто его, правда, и не изучал, никто им не интересовался. Ясно было одно: раз котов называют «сиамскими», то, стало быть, их впервые обнаружили в нашей стране. Зачем же, дескать, что-то там научно доказывать, сопоставлять, копаться в истории, когда и так все ясно. Но ученых подобные умозаключения не устраивали. Они рылись в архивах, ворошили горы старинных рукописей. И вот наконец труды их увенчались успехом. Во время археологических раскопок в развалинах бывшей сиамской столицы Аюттхаи был найден уникальный манускрипт, написанный в стихах и снабженный иллюстрациями. В нем дается описание семнадцати котов, которые в зависимости от раскраски приносят их владельцам либо добро, либо зло. Самый «счастливый» из них—седьмой, по имени Драгоценныйсредикотов.

Много позже на устроенной в Бангкоке выставке кошек гид дополнил мои познания о «сиамцах». Действительно, шесть веков назад в стране насчитывалось семнадцать видов сиамских кошек; родословные наиболее ценимых из них до сих пор хранятся в Национальном музее. Однако за прошедшие столетия тринадцать видов полностью вымерли, а оставшиеся отчасти утратили чистокровность: яркость окраса—основной признак, по которому они распознаются и ценятся. Сиамские кошки бывают абсолютно белые или голубые, бывают цвета меди, а наиболее распространенные—черно-белые. «В Таиланде ведется большая работа по восстановлению чистокровной сиамской кошки,—сказал гид.— Существует даже Общество защиты кошек, которое

возглавляет его основатель—сенатор, президент Ассоциации охраны диких животных Анусорн Супман. Члены Общества ездят по стране, тщательно подбирают пары. Правда, результаты не всегда положительные. Зачастую потомство рождается с пятнами или полосками. Строго между нами,— гид перешел на шепот,—сиамскую кошку можно отличить по глазам. Как правило, они или янтарные, или изумрудные. Согласно рукописи, найденной в Аюттхае, шерсть настоящего «сиамца» должна быть белой, а уши, нос, лапы и хвост— черными. В прежние времена такие коты очень ценились. Их было мало. Эта живая игрушка была по карману лишь самым богатым. Позднее один миллионер купил лучших сиамских котов и послал их в дар английской королеве Виктории. Потом из Британии часть их была перевезена в Америку, в Европу. И так далее. Теперь они встречаются во всем мире, а в Таиланде—увы...»

Я понимающе кивнул головой, про себя подумав, что это далеко не самый удручающий казус «страны улыбок».

«Жемчужный кулон юга»

Нам решительно везло на встречи с обезьянами...

Маршрут пролегал вдоль побережья, а стало быть, и проблемы ночевки практически возникнуть не могло: через каждые пять—десять километров попадались указательные стрелки с надписью: «Бунгало». Стоило только свернуть с основного шоссе на грунтовую дорогу, как спустя несколько минут мы оказывались на берегу моря среди домиков на тонких сваях, в которых вместо окон были вставлены противомоскитные металлические сетки. В одном из бунгало мы и заночевали, так и не успев добраться до Чумпхона прежде, чем наступила темнота.

Наутро, разбуженные громкими выкриками: «Ди! Ко май!», «Ди! Ко май!», мы вышли на пляж. Ноги утопали в бархатистом песке. Море спокойное, гладкое как зеркало. Густыми кронами шуршали пальмы. У самой кромки воды застыли баркасы и легкие катера; подростки прогуливали лошадей, на которых желающие могли совершить небольшое путешествие. Под высоким деревом, задрав голову, стоял таец и повторял: «Ди! Ко май!» (Хорошо! Давай еще!) Двое других собирали падающие с пальмы кокосы. Мы невольно посмотрели наверх. Там среди листвы сидела обезьяна и откручивала руками очередной плод. Такого мы еще никогда не видели! Хотя слышать приходилось не раз...

Это была представительница семейства тонкотелов (лангуров) — обезьян, сравнительно легко поддающихся дрессировке. Крестьяне южных провинций страны обучают их собирать кокосовые орехи.

Тонкотелы вообще удивительные животные. В процессе роста они демонстрируют невероятное множество самых разных окрасок. Очковый тонкотел рождается ярко-рыжим, в шестинедельном возрасте его шерсть приобретает темный цвет, а на лице возникают типичные для обезьян этого вида белые «очки». Остальные тонкотелы, наоборот, появляются на свет темно-коричневыми, а со временем становятся платиново-белокуроыми. Тонкотелы отличаются гибким телосложением, отсутствием волосяного покрова на мордочках, особым строением желудка, что позволяет им питаться исключительно листьями. Движения их быстры и легки; передвигаясь по деревьям и земле, они используют в качестве балансира длиннющие хвосты. Название «лангур» происходит, кстати, от слова «Lungoor», означающего на языке хинди «длиннохвостый». Лангуры распространены не только в Таиланде, их можно встретить в Южной Азии, на высоте трех с лишним тысяч метров по склонам Гималаев, в Малайзии, Индонезии; в Африке обитает «двоюродный брат» тонкотела — гверец (колобус).

Лангур, на которого мы с любопытством взирали, был из разряда платиново-белокурых.

Молодой таец поднял с песка кокос, примерил его на ладони, будто взвешивая, быстро поотрубал специальным тесаком, прикрепленным веревкой к поясу, волокнистую массу, покрывающую орех, освободил внутреннее ядро, одним взмахом ножа смахнул его верхушку, словно откупорил ядро, и подал моему спутнику:

— Пожалуйста, фаранг, пей! — произнес он по-тайски. Затем с такой же ловкостью проделал подобную процедуру со вторым кокосом, предназначенным для меня.

Кокосовый сок, прозрачный и прохладный, отлично освежает в жару.

— С вас два бата, — восторженно воскликнул молодой таец, когда мы, поблагодарив за угощение, собрались было возвращаться в бунгало, чтобы переодеться в купальные костюмы.

Несмотря на ранний час, в воде с веселыми криками уже плескались ребяташки. Тайские дети обычно купаются голышом, а вот взрослые предпочитают принимать морские ванны прямо в верхней одежде: женщины — в платьях, мужчины — в рубашках и брюках. Ничего странного тут нет. В этой привычке есть несомненные положительные моменты. Во-первых, полностью устраняется опасность получить ожог от солнца. А оно в Таиланде безжалостное, с ним шутки плохи. Зазеваешься — пеняй на себя: слезет кожа, по телу пойдут волдыри. Во-вторых, после морской или речной ванны, принятой в одежде, человек какое-то время не мается от жары. Правда, высыхает ткань быстро — не успеешь, как говорится, и оглянуться. Но что мешает снова окунуться в воду?

Перешеек Кра мы миновали, можно сказать, одним махом. Остановились лишь на минутку в том месте, где с одного из отрогов хребта Пукет открывался чудесный вид: внизу — красивый изгиб реки, уходящая вдаль долина, на вершине — большая вертикально поставленная бетонная плита, на обеих сторонах которой вылеплены и раскрашены карты Юго-Восточной Азии. На них показано, в каких местах через перешеек планируется провести канал, осуществив таким образом мечту древних индийских купцов и мореплавателей.

Впервые идея разрезать Малаккский полуостров поперечным каналом пришла в голову известному французскому дипломату и предпринимателю Фердинанду де Лессепсу, тому самому, который получил концессию на сооружение Суэцкого канала, а затем возглавил акционерное общество по строительству Панамского канала. В 1882 году он предложил проект водной магистрали через перешеек Кра, самое узкое место полуострова Малакка. Однако план не был осуществлен. В настоящее время этот вопрос вновь стоит на повестке дня. Дело в том, что движение по традиционному морскому пути через Малаккский пролив стало крайне интенсивным и угрожает безопасности судоходства. Кроме того, если канал будет построен, путь между Индийским и Тихим океанами сократится почти на полторы тысячи километров. Очевидны выгоды и для самого Таиланда — значительно активизировалось бы хозяйственное развитие южных провинций.

На протяжении последних двадцати с лишним лет проектом занимались в Бангкоке по крайней мере три правительственные комиссии. На рассмотрение кабинета министров время от времени поступают очередные доклады. Кроме аргументов «про» и «контра» канала выдвигаются предложения построить на перешейке железную дорогу, по которой наряду с обычными грузами можно было бы перевозить суда мелкого и среднего тоннажа. Годы идут, а решение так и не принимается. Камнем преткновения является вопрос о финансировании. Предполагалось, что сооружением канала займутся японские фирмы. Несколько

лет назад они проявили заинтересованность в проекте, предварительно наметили «маршруты» пролегания канала, согласно которым его длина варьировалась от шестидесяти до ста пятидесяти километров. Японию, получавшую ранее почти всю нефть из стран Ближнего Востока, преодоление перешейка Кра по воде весьма привлекало. Теперь, когда в Страну восходящего солнца несколько больше стало поступать нефти из Индонезии и Китая, интерес Токио к проекту существенно ослаб.

...Два часа спустя перед нами засверкал «Жемчужный кулон юга». Казалось, в бирюзовую оправу моря сказочный волшебник вплел нитку островов и островков с ослепительно белыми песчаными пляжами. Самый большой остров — Пхукет.

Пенные волны ласкали кромку берега, в нескольких метрах от которого начинались песчаные обрывы, постепенно переходящие в зеленые массивы леса, где среди пальм виднелись аккуратные хижины, острые макушки храмов и пагод. Бескрайние искрящиеся изумрудом водные просторы словно обняли Пхукет, в акватории которого скользили, оставляя за собой веселые бурунчики, моторки и парусники, похожие сверху на детские кораблики.

Остров испокон веков привлекает фарангов. Но не белыми пляжами и изумрудным морем, не украшениями из нежных кораллов и гигантскими раковинами-сувенирами, в которых слышен шум прибоя, не акульими плавниками, устрицами, омарами и черепахами—дарами моря, богато представленными на здешних базарах. Бизнесменов любого ранга, включая руководство транснациональных компаний, неудержимо манит олово, залегающее в недрах острова. Их привлекает также дешевая рабочая сила, используемая на разработках месторождений руды и предприятиях, занятых переработкой этого ценнейшего вида минерального сырья.

Общие залежи руды (касситерита) оцениваются в один — полтора миллиона тонн, то есть в половину мировых запасов, а по некоторым данным, почти в две трети. Малаккский полуостров и прилегающие к нему острова таят в своих недрах оловянную руду очень высокого качества: в ней содержится шестьдесят пять процентов металла. Разработки кроме Пхукета ведутся в провинциях Накхонситхаммарат и Паттани, в прибрежной зоне Сиамского залива. За пределами Малаккского полуострова небольшие запасы олова обнаружены в юго-западной части плато Корат, в нескольких местах вдоль границы с Бирмой.

Основным источником оловянной руды на полуострове Малакка являются аллювиальные отложения, добыча здесь ведется открытым способом. В надежде на открытие новых месторождений в шельфовой зоне Таиланд расширил территориальные воды с трех до двенадцати миль.

— Добыча олова в стране началась давно, — рассказал нам секретарь губернатора провинции Пхукет господин Сэн после того, как мы представились и обменялись традиционным тайским приветствием «Савади крап», сопровождаемым легким поклоном и прикладыванием плотно сложенных ладоней к подбородку.—Еще в шестнадцатом веке на нашем острове имелись рудники, разработку которых вели индийцы. Позже к ним подключились китайцы. А с начала нынешнего столетия активно заявил о себе английский капитал, который быстро вытеснил многих конкурентов. Из тридцати с лишним оловянных рудников, действовавших в Сиаме накануне второй мировой войны, почти двадцать находились в руках британских капиталистов. На их долю приходилось около семидесяти процентов добычи олова в стране. Поскольку, — продолжал Сэн,— у нас не было собственных плавильных заводов, вся руда скупалась иностранными агентами и отправлялась в Малайю. Англичане использовали современную технику. Добычу они вели драгами и гидравлическими установками. Небольшая

часть рудников принадлежала мелким китайским предпринимателям, которые вели разработку самыми примитивными методами. Перед войной общая добыча в стране превышала семнадцать тысяч тонн, из которых около двух третей поступало с нашего острова. В годы японского хозяйничанья добыча пришла в полный упадок. Последующее восстановление шло крайне медленно. А сейчас... Сейчас—размах!

Произнося с гордостью слово «размах», господин Сэн, похоже, не был осведомлен о том, что шестьдесят процентов всей горнодобывающей промышленности Таиланда, в том числе оловодобычи, захвачено транснациональными корпорациями. Они диктуют цены, они указывают рынки сбыта... Вот где действительно размах!

Ни словом не обмолвился господин Сэн и о так называемых шахтерах, которых в стране называют еще «браконьерами», промышленными добычей с помощью драг оловянной руды, на что они, разумеется, не имеют соответствующего разрешения властей. Подчиняются «шахтеры» своим хозяевам, за довольно приличную сумму скупающим их «добычу», которая контрабандой переправляется на перерабатывающие заводы Сингапура. По данным Министерства промышленности Таиланда, за год из страны нелегально вывозится приблизительно двадцать тысяч тонн касситерита. Это при условии, что официальный экспорт за такой же период составляет двадцать шесть тысяч тонн. Таким образом, государственная казна из года в год недополучает около миллиарда батов.

В промышленных кругах страны не без основания полагают, что за спиной «шахтеров» стоят влиятельные лица, уличить которых крайне трудно. Специальным расследованием установлено, что весь нелегальный вывоз оловянной руды находится под контролем нескольких крупных гангстерских организаций; у каждой есть «закрепленная» за ней тщательно охраняемая зона. Выплачивая солидные отступные, они подкупают полицию и таможеню. Если кто-либо из конкурирующей шайки посмеет нарушить границы «сферы влияния», с ним немедленно расправляются. Только в городе Пхукет на почве такого соперничества происходит в среднем четыре убийства в месяц. Одной из причин утечки олова в Сингапур, для переработки которого там построены три плавильных завода, выступает непомерно завышенный налог, взимаемый государством за каждую тонну добытого касситерита. До последнего времени он был равен тридцати процентам стоимости руды. Не так давно власти приняли решение о снижении налога, однако твердой уверенности в том, что этот шаг остановит всех любителей легкой наживы, нет.

Недалеко от «жемчужного кулона» расположен островок Кояояй, настолько маленький, что его даже нет на картах. Ничем внешне не примечательный, он знаменит тем, что когда-то здесь была открыта первая в стране ферма по выращиванию жемчуга.

В древних книгах, написанных на санскрите, часто упоминается кольцо «Наваратана», или по-тайски «Ноппакау», с девятью различными драгоценными камнями. Каждый имеет свое значение: алмаз придает силы, рубин предохраняет от нападения диких животных, топаз предвещает процветание и долгие годы жизни, гранат обеспечивает уважение окружающих, сапфир защищает от укусов ядовитых змей, циркон приносит удачу, «кошачий глаз» является залогом победы. Народное поверье гласит, что тому, кто носит на пальце «тайскую шапочку» — конусообразное кольцо с полным набором перечисленных камней,— обеспечены богатство и здоровье. Свежо, как говорится, предание... Немалые деньги надо иметь, чтобы приобрести колечко, «гарантирующее» безбедное существование.

Видимо, поэтому «тайские шапочки» так ныне подешевели. Вместо дорогостоящих драгоценных камней в них вставляют стразы. Только жемчуг, пожалуй, остался настоящим. Хотя...

В заливе вовсю бурлит жизнь. Постукивают моторы рыбацких сампанов, слышится равномерный гул землечерпалок. То тут то там над гребнями волн выступают остатки затонувших во время второй мировой войны японских и английских судов. И повсюду—связки плотов. Это и есть «жемчужные фермы». Сегодня они не редкость. С ростом популярности изделий из жемчуга их вокруг Пхукета и прилегающих к нему островов появляется все больше и больше. Сходство с плотами фермам придает бамбуковая крыша, прикрывающая сверху металлические сетки, в которых помещены раковины. Подвешены сетки к поплавкам из пенопласта. Длина каждой такой секции плота — сто метров, ширина — до трех.

Со стороны моря к бамбуковому понтону быстро приближается баркас. Это возвращаются с промысла рыбаки — охотники за ракушками. Мужчины—работники фермы в защитных перчатках встречают судно, подтягивают его руками к плоту и закрепляют канатами. Баркас битком набит корзинами, наполненными устричными раковинами. Мужчины разделяются на группы: одни разгружают баркас, освобождая его от груза, другие вытряхивают содержимое плетенок и сортируют раковины по размерам, тут же упаковывая их снова в соответствующие корзины. Мелкие пойдут в пищу, а крупные, созревшие, специалисты скоблят, моют и чистят, чтобы если не исключить, то хотя бы свести к минимуму опасность занесения в них чужеродных тел. Дальнейший этап обработки раковин требует большого терпения и навыка. Нередко уходит полчаса и более на то, чтобы эксперт, вооружившись пинцетом и щипчиками, открыл раковину. Осторожно раздвинув ее края, он вставляет между ними клинышки. Теперь остается произвести наиболее деликатную операцию. Из коробочек извлекаются пластиковые шарики, их половинки или перламутровые сколки, которые с помощью специального клея прикрепляются к внутренним стенкам раковины. Теперь жемчужниц помещают в садки, которые погружаются в морскую воду. На выращивание искусственного жемчуга уходит от восьми месяцев до года. Когда наступает пора «сбора урожая», камни извлекают, и после нескольких операций по дальнейшей, уже ювелирной обработке жемчуг готов для продажи. Обычно моллюск может дать четыре жемчужины; иногда их число доходит до семи.

Способ этот тайцы переняли у японцев, которые более двадцати лет назад открыли на острове Кояояй первую ферму, да и сегодня занимаются на островах Андаманского моря прибыльным бизнесом — производством искусственного жемчуга, образовав несколько смешанных фирм на паях с тайскими предпринимателями.

Культивируют тут и круглый жемчуг, и половинки его — разного размера и всевозможных цветов. Вопреки общепринятому мнению этот камень далеко не всегда бывает только серебристым. Опытный глаз ювелира различает в жемчужинах до ста двадцати оттенков. В чем секрет? Японские специалисты, занимающиеся массовым искусственным производством жемчужин, заметили, что на их будущий цвет влияет солевой состав воды. Если в море повышена концентрация соединений марганца, то жемчужины вырастают с розоватым оттенком, то есть самым модным. Районы подводных питомников обогащают различными солями, чтобы получать голубой, оранжевый, зеленый и лиловый жемчуг.

Думается, что именно шагнувшее с острова Кояояй на другие острова, и в частности на Пхукет, производство драгоценного камня оказало решительное

влияние на того, кто первым дал острову столь привлекательное название — «Жемчужный кулон юга».

Рабство двадцатого века

Завидев фарангов, к нам ринулись владельцы различных плавсредств, выстроенных рядком, словно на торжественном смотре, у кромки воды.

— Водные лыжи, мистер, пять долларов в час.

— Десять долларов, и я покажу вам коралловые острова!

— Мистер! Двести батов за настоящий клев!

Поскольку наше желание полностью совпадало с последним предложением, мы, не колеблясь, отдали себя в распоряжение владельца небольшого баркаса, тайца, которому на вид можно было дать лет сорок. Звали его Амной.

— Сынишка мой,— Амной указал на мальчонку, энергично выбиравшего якорь. — Помощник растет.

Пока добирались до места «настоящего клева», я успел просмотреть местную газету. Это уже вошло в привычку: где бы я ни был, в каком бы городе или провинции ни находился, я никогда не упускал возможности ознакомиться с выходящей там периодикой. Пресса Таиланда весьма специфична...

По данным Департамента общественных отношений, в стране выходят свыше ста тридцати газет и более четырехсот журналов. Кроме ежедневных есть издания еженедельные, воскресные, публикующиеся два раза в неделю, а также специальные выпуски и многочисленные приложения. Поскольку в Таиланде нет национального телеграфного агентства, сбор информации осуществляется редакциями через собственных репортеров. Это приводит к тому, что одно и то же событие освещается в различных органах печати по-разному. Основной источник международной информации — западные телеграфные службы; активно перепечатываются статьи из ведущих западных газет. В последние годы стало больше появляться материалов о социалистических государствах, уделяется внимание политическим, экономическим и культурным связям с нашей страной—особенно заметное оживление произошло после первого в истории советско-таиландских отношений официального визита в СССР премьер-министра Таиланда (март 1979 г.), посещения Таиланда делегацией Верховного Совета СССР (январь 1981 г.) и ответного визита делегации Национальной Ассамблеи Таиланда в СССР (июль—август 1984 г.).

Официальные правительственные сообщения редакции получают из секретариата премьер-министра и на пресс-конференциях членов кабинета и других видных государственных деятелей. Роль информационного центра выполняет Департамент общественных отношений, издающий специальный ежедневный бюллетень.

Почти все таиландские газеты находятся в частных руках, и вполне понятно, что их владельцев интересует прежде всего коммерческая сторона дела. В погоне за популярностью многие газеты по образцу буржуазной западной прессы на первых полосах помещают уголовную хронику, описания убийств, репортажи о транспортных катастрофах, пожарах и тому подобное.

Значительное место таиландские средства массовой информации (это относится также к радио и телевидению) отводят освещению деятельности буддийского духовенства, жизни королевской семьи, светской хронике.

Амной наладил нам донки, мелко нарезал и насадил на крючки кальмаров, объяснив, что лучшей наживы быть не может. Лодка, оказалось, принадлежала

богатому тайцу, который сдавал ее в аренду, за что Амной приходилось отсчитывать ему почти весь свой заработок.

— У хозяина много таких лодок, — сказал он. — Есть и катера, лошади для пляжных прогулок. Богатый. А я вот Лючая вынужден с собой возить. Ему бы в школу, но нет денег...

Клев действительно удался на славу. Пойманные нами рыбины поражали расцветкой. Казалось, их специально кто-то раскрасил. Бирюзовые и оранжевые, фиолетовые и перламутровые. Чаще всего, правда, попадались черно-белые в мелкую полоску: «морские зебры». И все это время нас не покидало чувство азарта, вызванное опубликованными в газетах сообщениями. Согласно утверждениям прессы, в тайландских водах (правда, пока что только в Чаупхрае) появилась «кровожадная» рыба, нападающая на находящихся в воде буйволов, а также на купающихся людей. Вверх по течению реки, примерно в ста километрах от Бангкока, есть якобы места, где скот приходится чуть ли не силой загонять на водопой, настолько животные запуганы неизвестной хищницей. В руки специалистов таинственная рыба еще не попадалась, но высказываются предположения, что это пирания — опасная гостья с Амазонки, «добравшаяся» до Таиланда стараниями любителей экзотических рыбок.

С наступлением обеденного часа мы расстелили скатерть на сиденье баркаса, разложили взятую соответственно случаю походную еду: курицу-гриль, помидоры с огурцами, зеленый лук, яйца вкрутую... Было у нас немного отварного риса. Амной притронулся только к нему.

— Не ем еду фарангов, — пояснил он. — Не привык. Рис — другое дело. Рис — это наша пища. — Он ласково взглянул на Лючая, за обе щеки уплетавшего все, что было на «столе». — Пусть поест. ЕМУ расти...

Я глядел на Лючая и думал: что ожидает его в будущем? Какая участь выпадет на долю сынишки Амной, троих ребятишек Лонсакуна, их сверстников — обитателей трущоб типа Клонг Тоя? Неужели все они превратятся в «мертвых душ»? Именно в «мертвых душ», но не по Гоголю, а наоборот. В Таиланде не имеют свидетельств о рождении или каких-либо других документов, удостоверяющих гражданство, а значит, официально «не существуют» более миллиона человек, в том числе все обитатели трущоб.

А может быть, Лючай, ребятишки Лонсакуна и тысячи их сверстников станут рабами?

Дети-рабы! Возможно ли такое в наше время? На пороге двадцать первого века? Оказывается, возможно. Хотя и не в традиционном понимании, но рабство детей встречается сегодня в некоторых отраслях хозяйства. Дети-рабы! Подобное словосочетание замелькало в местной прессе с начала восьмидесятых годов. Поводом послужили доклады лондонского и женевского антирабских обществ, в которых говорилось, что в Таиланде работают три с половиной миллиона детей при общей численности рабочей силы в двадцать миллионов человек. По приведенным в докладах данным, в «стране улыбок» существует разветвленная сеть агентств, поставляющих мальчиков и девочек на фабрики и в публичные дома. Один из авторов доклада, англичанин Тимоти Бонд, который в 1980 году в течение пяти месяцев находился в Таиланде, выяснил, что детей здесь продают по цене от ста пятидесяти до тысячи батов. За одну неделю на столичном железнодорожном вокзале Хуалампонг из рук в руки переходит свыше пятисот детишек. Сам Тимоти Бонд приобрел двух мальчиков двенадцати-тринадцати лет за семьсот батов. Эти дети, естественно, были потом возвращены англичанином их родителям. Контракт и расписку в получении денег он среди многих других вещественных доказательств предъявил в ходе разбирательства в находившуюся в Женеве рабочую группу ООН по вопросам рабства. В одном из западных

журналов приводилась документальная история «участников» работоторговли, подтверждающая доклад Тимоти Бонда. Историю эту, приведенную здесь с некоторыми сокращениями, нельзя читать без волнения.

«...Центральный автовокзал в Бангкоке. Четыре часа утра. На бетонной скамье дремлет калека. Тускло светят грязные лампочки. Оборванный человек сиплым голосом сообщает об отправлении и прибытии автобусов. Мы ожидаем приезда трех купленных нами накануне детей. Согласились мы на эту сделку с целью доказать, что в Таиланде, вопреки утверждениям правительства процветает работоторговля. Мангкорн, наш переводчик, замечает их первым. Впереди, в темных очках и шляпе, шагает посредник, доставивший «товар». За ним — маленькая девочка в лохмотьях, с обнаженным животом и узелком за плечами. Потом — коротко остриженный мальчик. Рядом — босоногий мальчуган, чуть поменьше. Все трое садятся на бетонную скамью, перепуганные и растерянные. Тхонг Думу, старшему из мальчиков, двенадцать лет. По мерилам торговцев людьми он достаточно «крепок», и мы уплатили за него сто семьдесят марок. Сто сорок марок стоила одиннадцатилетняя Боунлай. Ее ровесник Мон обошелся нам в сто тридцать марок. Теперь они наша «собственность» и могут считать, что им крупно повезло. Ведь Тхонг Дум вначале был продан на стекольный завод, где должен был таскать тяжести. Боунлай — на прядильную фабрику. Позднее она, очевидно, попала бы в детский публичный дом, называемый в Бангкоке «чайным домиком». Мону предстояло работать в ресторане. Но мы дали за них чуть побольше и теперь сможем вернуть их родителям, продавшим своих детей, потому что им не на что жить.

Еженедельно в Бангкоке владельцам фабрик продается пятьсот ребятишек в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Им приходится обслуживать тяжелые прессы, носить неподъемные мешки. Их заставляют складывать тюки, штамповать жестяные фигурки, завязывать тысячи пакетов — и все это по двенадцать часов в день. За труд им ничего не платят, только кормят. Хозяева избивают беззащитных детей, грозят им страшными карами, если те убегут. Многие ребята вообще не видят дневного света — вся их жизнь проходит в стенах фабрики. Здесь они работают, получают пищу, здесь же спят, иногда на голом каменном полу, — в полном смысле слова рабы своих хозяев.

Двенадцать часов дня. Мы садимся в автобус и отправляемся в деревню Хин Лад, чтобы вернуть детей родителям. Это несколько жалких деревянных хижин на сваях. Боунлай тут же бросается к своей сестренке — обнаженной, покрытой коркой грязи девчужке, играющей среди отбросов. Мон подбегает к старику, дремлющему рядом в тени. Родители детей безучастно выслушивают объяснения переводчика, рассказывающего о тяжелом труде на фабриках и лживых обещаниях «посредников». Мать Боунлай отнюдь нельзя обвинить в бессердечии. Она продала свою дочь, потому что не в силах прокормить пятерых детей. Муж ее умер два года назад. Она никогда не училась в школе, не знает, где находится Бангкок, но слыхала, что там живут богачи. Сто сорок марок, полученных за дочь, для нее целое состояние... Быть может, она уступит уговорам очередного торговца? У нее нет иного выбора, если и на следующий год будет неурожай, если люди в деревне станут голодать...»

Время от времени полиции удается напасть на след подпольных фабрик, где используется даровой детский труд, на след «чайных домиков». Там находят парализованных мальчиков и девочек, иногда трупы детей, скончавшихся от недоедания, побоев, болезней. Как правило, владельцы отделяются, как говорится, легким испугом — штрафом.

Любопытен факт: руководители тайландского Департамента труда выступили с опровержением цифровых выкладок, приведенных в докладах

лондонского и женевского антирабских обществ. С опровержением цифровых выкладок, но не их существования. Однако, даже согласно официальной статистике, свыше пяти тысяч предприятий Таиланда используют детский труд. Особенно остро вопрос этот стоит в «городе ангелов».

Это и понятно. Ведь в Бангкоке насчитывается десять с половиной тысяч заводов, фабрик и мастерских, то есть сконцентрирована основная часть промышленных предприятий страны. Со всех концов сюда доставляется сырье на переработку. А сырьем страна исключительно богата. Кроме олова, дающего львиную долю валютных поступлений, здесь добывают вольфрамовую руду (двадцать процентов мировой добычи), прежде всего вольфрамит (железисто-марганцевый тунгстит) и шеелит (кальциевый тунгстит). Залежи вольфрама открыты в районах вдоль таиландо-бирманской границы и на северо-западе страны. Велики запасы разведанной железной руды, которая встречается повсеместно. Наиболее известные— Као Тап Квай в Центральном Таиланде, где руда содержит до шестидесяти пяти процентов железа; Као Уклу—к западу от столицы, а также в провинциях Пхрэ и Лей — на севере, на острове Самуй и в районе Тасаль— на юге Таиланда. Свинец и цинк добывают в провинциях Чиангмай, Так и Пхрэ (Северный Таиланд), Канчанабури (Центральный) и Яла (Южный Таиланд).

Кроме того, в недрах имеются залежи марганцевых, медных и сурьмяных руд, нерудных минералов, в том числе плавикового шпата (флюорита), асбеста, гипса, глины, мрамора, поваренной соли, а также месторождения драгоценных камней. Из источников минерального топлива Таиланд располагает бурым углем (лигнит) и нефтью. Запасы лигнита разрабатываются в провинциях Лампанг, Чиангмай, Чианграй, Краби, Нан. За последние несколько лет в связи с развитием энергетики значительно возросла добыча лигнита, используемого как топливо на электростанциях в Мэмо и Краби. Крупные месторождения горючих сланцев имеются в районе города Ли. Все большее место в топливно-энергетическом балансе занимает нефть и нефтепродукты. Растет число электростанций, работающих на дизельном топливе, однако на многих промышленных предприятиях и в быту все еще широко используются различные виды «некоммерческого» топлива — древесный уголь, отходы сельскохозяйственного производства.

О наличии нефти в Таиланде было известно еще перед второй мировой войной. В 1950 году были обнаружены ее промышленные месторождения в районе Фанга, затем в провинции Чианграй, в окрестностях города Месун-Луанг. С помощью американских, японских и английских монополий открыты значительные запасы нефти в прибрежных районах Сиамского залива и Андаманского моря.

До второй мировой войны обрабатывающая промышленность Таиланда была развита крайне слабо. В основном она была представлена предприятиями легкой и пищевой промышленности, рисорушками и лесопильнями. Причина такого положения заключалась в том, что, навязав Сиаму еще в прошлом веке неравноправные договоры, колониальные державы фактически лишили его экономической самостоятельности. В руках иностранцев оказались наиболее важные отрасли таиландской экономики, прежде всего разработка месторождений полезных ископаемых, которые полностью были предназначены на вывоз. Иностраный капитал главным образом сосредоточивался в горнодобывающей промышленности и торговле, его вклад в обрабатывающую промышленность был минимальным.

Развитие обрабатывающей промышленности началось после второй мировой войны. Новые предприятия автосборочной, металлургической, пищевой промышленности строились в Бангкоке и в провинциях Центрального района.

Определенные позитивные изменения произошли в размещении обрабатывающей промышленности, заводы которой уже не целиком сосредоточивались в столице, а появлялись и в других удаленных от нее местах. Новые предприятия основывались вблизи источников сырья (джутовая, цементная, сахарная, нефтеперерабатывающая, оловоплавильная, рисо-очистительная и другие отрасли). К новым отраслям тайландской промышленности относятся черная и цветная металлургия.

Металлообрабатывающая промышленность представлена заводами по выпуску оцинкованного железа, стальных труб, небольших предприятий скобяных товаров, металлической посуды, тары. В машиностроении выделяются несколько небольших заводов по производству простейшей бытовой аппаратуры и сельскохозяйственного инвентаря, автосборочные заводы, предприятия, выпускающие аккумуляторы, шины, камеры для колес, насосы, компрессоры, бетономешалки, дорожные катки, железнодорожное оборудование. Однако машиностроительная промышленность в целом развита недостаточно, страна не может обеспечить свои потребности в оборудовании и большую часть его ввозит из-за границы. По-прежнему велика зависимость Таиланда от импорта станков, точных приборов, инструментов.

В Бангкоке фабрики и заводы сосредоточены главным образом на окраинах города и в его предместьях. Со временем, видимо, начнется процесс активного формирования единого промышленного пояса вокруг столицы. Во всяком случае начальные шаги уже сделаны. Еще первым пятилетним планом 1961—1965 годов предусматривалось — с целью децентрализации индустрии — строительство хозяйственных комплексов под Бангкоком и в окрестностях других крупных городов. Первым появился промышленный центр Бангчан — в двадцати километрах к юго-востоку от столицы. Он рос почти пятнадцать лет. Сегодня там функционируют около пятидесяти предприятий, ведущими среди которых являются химические и тракторосборочные. Программа строительства подобных поселков-спутников несколько замедлилась в связи с общим промышленным спадом.

Тайландская экономика характеризуется неустойчивыми темпами развития, что ярко проявляется в развитии промышленности, где подъемы чередуются с застоями. Одна из основных трудностей кроется в тесной привязанности тайландской экономики к мировому капиталистическому рынку, в ее зависимости от иностранных монополий. Внешняя задолженность страны достигла к 1986 году пятисот миллиардов батов, увеличившись тем самым за пять лет в семь раз. В результате выплаты по долгам поглощают четверть всех экспортных доходов, что по существу превратило страну в банкрота и дало иностранным кредиторам возможность полностью контролировать тайландскую экономику.

Американские капиталы сосредоточены в бумажной и нефтеперерабатывающей промышленности, выплавке олова, производстве резиновых изделий. Японский капитал господствует в радио- и электронной промышленности, в текстильном производстве, сборке автомашин, во внешней торговле рядом сельскохозяйственных товаров. Только в Бангкоке открыто около четырехсот представительств японских компаний.

Механизм торговли между двумя странами намного сложнее, чем кажется с первого взгляда. Например, в Бангкоке происходит сборка автомобилей «датсун» и «тойёта». Семьдесят процентов необходимых для сборки деталей доставляются в Таиланд из Японии, и получается, что, оплачивая крайне дешевый труд тайских рабочих в местной валюте, японские автомобильные монополии получают огромные суммы в твердой валюте. То же происходит и в других сферах. Все это ведет к обострению проблемы платежного баланса, усугубляющейся еще и тем,

что Токио старается закрыть двери своего рынка для импорта промышленных товаров. Словом, половина общего торгового дефицита страны приходится на торговлю с Японией. Одиннадцать видов экспортной сырьевой продукции Таиланда почти целиком зависят от японского рынка. Восемьдесят процентов машин, оборудования, стали, химикатов и других промышленных товаров ввозится из Японии. Ее прямые капиталовложения в местную экономику составляют свыше четырехсот миллионов долларов. На долю десяти ведущих японских фирм приходится около двадцати процентов оборота крупнейших корпораций, действующих в Таиланде.

Осуществление всех пятилетних планов (пятый в 1982— 1986 гг.) в огромной степени — и это специально в них отмечалось—зависело от иностранного финансирования, от получения средств из зарубежных источников и международных валютно-кредитных организаций. И с этой точки зрения таиландские планы можно рассматривать лишь в качестве прогнозов, поскольку иностранное финансирование внутри-экономического развития приносит еще один фактор неопределенности в их осуществление.

Хозяйственные неурядицы оборачиваются инфляцией, дорожанием продуктов питания, товаров широкого потребления, коммунальных услуг. Социальную напряженность усиливает растущая безработица. «Лишних людей» в Таиланде насчитывается около полутора миллионов. В очереди на бирже труда и за пособием вливаются все новые и новые отряды трудящихся. В последние годы, после того как был отменен закон, запрещающий, с одной стороны, забастовки, а с другой — сокращение производства и увольнение трудящихся (предприниматели обходили его и раньше), армия безработных стала расти еще быстрее.

На какие только ухищрения не идут предприимчивые дельцы. Печать сообщала как-то о небольшой фирме, которая подошла к проблеме свертывания работ «творчески». Когда тридцать ее сотрудников как-то утром пришли на службу, они с ужасом обнаружили, что их предприятие исчезло. Ночью здание разобрали и увезли. Таким образом «изобретательная» администрация избавилась от неприятных хлопот, связанных с увольнениями. Произошло это в Детройте.

Владельцы таиландских фабрик и заводов до такого еще не додумались. Им это и ни к чему. Рабочий класс в стране слаб и неорганизован. Самое большее, чего могут страшиться хозяева предприятий, в очередной раз сократившие персонал, — это черный венок. Да, венок из черных цветов, появляющийся перед входом на предприятие. Таким традиционным способом пролетариат Таиланда реагирует на увольнения, сокращение заработной платы. Вернее сказать— реагировал. Сегодня черный венок не более чем внешний атрибут нарастающего возмущения трудящихся, забастовочного движения, которым они отвечают на притеснения владельцев фабрик и заводов. Классовая борьба обостряется. И нарастает она в первую очередь в Бангкоке и других промышленно развитых центрах. Да и в деревнях крестьяне выступают против притеснений и несправедливости, против пут рабства, которыми иностранный капитал, транснациональные корпорации связали экономику Таиланда.

Конец семидесятых — начало восьмидесятых годов для Таиланда, равно как и для всех зависимых стран Азии, был периодом определенного экономического роста. Роста, но не развития, ибо по-прежнему не решаются задачи создания прочных основ независимой экономики.

Участники бангкокской сессии ЭСКАТО, состоявшейся в 1985 году, констатировали, что конъюнктура экономических отношений с империалистическими государствами складывается неблагоприятно: нет никаких

признаков снижения протекционистских барьеров для экспорта из стран Азиатско-тихоокеанского бассейна; регион все так же остается на периферии технологического прогресса; более девятисот миллионов человек живет здесь в условиях крайней бедности и отсталости; сохраняются вековые оковы нищеты, голода, неграмотности и болезней.

Документы, принятые ЭСКАТО, охватывают широкий круг задач. Участники сессии особо указали на тесную взаимосвязь между разоружением и развитием. Гонка вооружений, поглощающая огромные средства и ресурсы, резко сокращает возможности для преодоления отсталости и нужды.

В целом сессия ЭСКАТО подтвердила острую необходимость перестройки международных экономических отношений на справедливой и демократической основе. Она показала, что развитие всестороннего сотрудничества в регионе Азии и Тихого океана, обеспечение социально-экономического прогресса непосредственно связаны с укреплением мира и взаимопонимания.

Самый веселый Новый год

Крыса (мышь), бык (корова), тигр, кролик (заяц), дракон, змея, лошадь (конь), козел (овца), обезьяна, петух (курица), собака, свинья... И снова по порядку, начиная с крысы. Речь идет о двенадцатилетнем цикле¹⁷ бытового календаря, согласно которому каждый год носит название одного из вышеупомянутых животных и соответствует ему по характеру, нраву, расположению духа и так далее. Год дракона, например, благоприятствует заключению браков и рождению детей, он может принести счастье и процветание или, напротив, обрушить беды и страдания — в зависимости от того, каким будет дракон, добрым или злым. От лошади обычно не ждут никакого коварства, и, следовательно, год этот обещает быть спокойным, тихим и размеренным. Свинья символизирует достаток. В год быка особая удача ждет того, кто отмечает свой день рождения в апреле или мае. Люди, появившиеся на свет под «знаком коровы», несколько медлительны и вспыльчивы, их отличает верность и честность, они могут стать хорошими мореходами и врачами, весьма склонны к наукам, «расположены к семейной жизни»...

В Таиланде действуют сразу три летосчисления — григорианское, буддийское и мусульманское. Последнего, по которому начало нашей эры относится к 622 году, когда произошло переселение пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину, полуофициально придерживается население четырех самых южных провинций, расположенных на кончике «хобота слона».

Не единожды отмечают в «стране улыбок» и наступление Нового года. Сначала в ночь с 31 декабря на 1 января, потом в конце января — начале февраля — китайский, «дата рождения» которого относится к 2637 году до нашей эры, и Сонгкран—самый любимый в народе праздник, пришедший в Сиам в далекие времена из Индии.

Сонгкран обычно приходится на первую половину апреля, на тот самый день, когда солнце в соответствии с древним индийским астрологическим календарем переходит из созвездия Рыба в созвездие Овен. Отмечают праздник Сонгкран весьма своеобразно: в знак глубочайшего почитания Будды люди устраивают омовение его многочисленных изображений, статуй. Проявляя уважение к родителям, ко всем пожилым людям, молодежь окропляет ладони

¹⁷ В циклическом, или бытовом, календаре (цикл равен шестидесяти годам) фигурируют не только животные. К ним в различных вариациях добавляются вода, дерево, огонь, земля, металл. Например, 1968 год считался годом «земли и обезьяны», а 1980 год — годом «металла и обезьяны».

старших водой с благовониями или специальной настойкой из душистых цветов жасмина. Занимателен и обычай выпускать в этот день птиц из клеток на волю, а рыбок—из аквариумов в водоемы, что, согласно поверью, должно непременно обернуться счастьем!

Подготовка к Сонгкрану начинается задолго до его наступления: простые тайцы шьют новые костюмы и платья, по возможности красивые, нарядные. В канун Сонгкрана проводится всеобщая генеральная уборка—«весенняя чистка». Повсюду жители скребут улицы и дворы, моют полы, окна, стены, сжигают мусор. Интересно, что, воспользовавшись этой народной традицией, правительство официально объявляет день, предшествующий Сонгкрану, национальным днем борьбы за чистоту и здоровье.

Сонгкран застал нас в то время, когда на обратном пути в Бангкок мы проезжали провинцию Самутсонгхрам. Накануне мы были в Хуахине и стали свидетелями «весенней чистки». «Чистки» в переносном смысле, поскольку этот аккуратный, словно бы игрушечный курортный город всегда содержится в идеальном порядке. Хуахин стоит в одном ряду с таким фешенебельным курортным комплексом Таиланда, как Паттая, объединяющая несколько крупных дачных поселков. Та самая Паттая, которая в последнее время стала привлекать внимание богачей из... Гонконга.

Дело в том, что в 1997 году Гонконг перестанет быть британской колонией, и местные богачи уже подумывают о переселении в другое место. Они собираются строить «Гонконг-2». С этой целью ведутся переговоры с правительством Таиланда о предоставлении в их «пользование» курорта Паттая. Взамен они обязуются отстроить здесь ультрасовременный город с небоскребами, который в будущем должен стать новым финансово-политическим и торговым центром Юго-Восточной Азии. Гонконгские миллионеры, разбогатевшие сначала на сотрудничестве с английским капиталом, а позднее—с японским и американским, готовы вложить в сооружение «Нового Гонконга» миллиард долларов.

Еще несколько лет назад все бунгало в упомянутых курортных поселках были стереотипными, без особых удобств и напоминали простенькие финские домики. Погоня за прибылью, долларовая лихорадка и конкуренция изменили картину. Владельцы бунгало перестраивали их и расширяли. Айс-боксы уступили место холодильникам. Кондиционеры пришли на смену фенам. Сегодня можно получить бунгало на любой вкус: в виде яхты или гриба, треугольное или ромбовидное, с чисто европейским интерьером или в традиционном тайском стиле. Только плати баты.

Разумеется, в стране есть курорты и подешевле, рассчитанные не на самых богатых тайландцев и фарангов-миллионеров. В частности, местечко Сенсук, находящееся в пятидесяти километрах восточнее столицы, по дороге к бывшей американской военно-морской базе Саттахип. Хотя и его не без основания именуют местные жители «Счастьем за миллион». Примечателен Сенсук тем, что в основном все коттеджи и бунгало в свое время были построены здесь премьер-министром Саритом Танаратом в качестве подарка многочисленным женам. Танарат был самым крупным помещиком в стране. Используя высокий пост, он за семь лет правления скопил более шестидесяти миллионов долларов и присвоил несколько тысяч гектаров земли. До последнего времени сто пятьдесят бывших жен бывшего премьера вели друг с другом борьбу за его наследство, а на регулярно проводившихся аукционах распродавались личные вещи и имущество Танарата. Поселок «Счастье за миллион» не составил исключения, он тоже пошел с молотка. «Достойными» преемниками Сарита стали упоминавшиеся премьер-министр Таном Киттикачон и его заместитель Прапат Чаруса-тиен. Под

контролем их семейств, близких и дальних родственников находилось, по утверждению местной печати, не менее половины всего частного национального банковского капитала. После свержения военной диктатуры Комитет по расследованию деятельности кланов Киттикачона и Чару-сатиена оценил принадлежавшие «кровавым маршалам» вклады и имущество в семьдесят миллионов долларов; причем неизвестной оставалась сумма, переведенная ими за границу. Интересные сведения об источниках таких баснословных доходов дала газета «Нью-Йорк тайме». Одному банкиру, который был связан с военно-бюрократическими кругами, задали вопрос: верно ли, что видный деятель при режиме Киттикачона — Чарусатиена, а позднее верховный главнокомандующий вооруженными силами Таиланда Крит Сивара занимал директорские посты более чем в двухстах фирмах? Ответ был следующим: «В этом не было необходимости... У него, вероятно, было несколько директорских постов, но сотни компаний — гораздо больше двухсот — платили ему крупные суммы. Он был их покровителем».

...Так в чем же заключалась «весенняя чистка» в Хуахи-не? Люди подрезали и без того аккуратно подстриженные деревья и кусты. Причем делали работу неторопливо, старательно, относясь к ней творчески, создавая подлинную «скульптуру» из зелени на улицах города.

В провинции Самутсонгхрам мы познакомились с местами добычи соли, которая поступает отсюда во многие районы страны. Еще вчера тут можно было увидеть мужчин в надвинутых по самые брови широкополых соломенных шляпах, в платках, которые повязываются так, что остаются открытыми лишь узкие щелочки для глаз — иначе их ослепляет сверкающая на солнце выпаренная соль. Еще вчера здесь крутились ветряки, приводившие в движение черпалки, с помощью которых вода, поступающая во время приливов с Сиамского залива, распределяется по прямоугольникам соляных полей, отделенных друг от друга земляными барьерами. Еще вчера разутые люди — ведь никакая обувь не выдерживает соли — вручную утрамбовывали дно соляных площадок тяжелыми катками. Но теперь работа приостановлена — сегодня праздник.

Для жителей провинции Самутсонгхрам день начался как обычно, только утро наступило, возможно, чуть раньше. В домах уже готовили еду для монахов, которые вот-вот должны были прийти за своим ежедневным подношением. Пищу надо было приготовить особую, праздничную, вкусную, разумеется, исходя из имеющихся средств и возможностей.

Влившись в толпу, мы двигались по направлению к храму. Неожиданно раздался громкий хлопок — и на землю упал целлофановый пакет с водой. Он разорвался, и брызги обдали ноги, а откуда-то сверху на нас еще вдобавок вылили с полведра воды. Облить первого встречного в первый день Нового года считается хорошим тоном, а если встречным окажется фаранг, то это вдвойне приветствуется.

Храм был до отказа заполнен людьми. Женщины в пестрых платьях, мужчины в белых рубашках с короткими рукавами. На лицах радость и возбуждение. Те, кто находился в храме, занимались, как нам показалось, в основном тем, что либо возводили из песка маленькие, словно детские куличи, пагоды, либо поливали водой позолоченные изображения Будды, проявляя тем самым уважение к основателю религии.

А на улице разворачивалось не менее интересное зрелище. Впереди празднично разодетой колонны людей медленно двигался грузовик, в кузове которого на деревянном тигре восседала девушка. Она, по всей видимости, была главным действующим лицом шествия.

Легенду о ней и ее сестрах мне приходилось слышать.

...У одного бездетного миллионера жил по соседству горький пропойца. Однажды, зайдя в дом богача, он разбушевался и наговорил хозяину много оскорбительных слов. «Да как ты смеешь при мне вести себя подобным образом? — разъярился хозяин дома. — Я богат, а ты...»

Смысл ответа пьяницы сводился к следующему: сколько у кого денег—не имеет никакого значения, а вот его сыновья—это действительно богатство; и он ставит себя выше миллионера, у которого нет детей.

С того дня богач принялся денно и ночью молиться, выпрашивая у Солнца и Луны ребенка. Так продолжалось три года. На четвертый, когда начался праздник Сонгкран, богач приказал слуге семь раз промыть рисовые зерна и сварить их. Взяв рис в пригоршню, богач вскарабкался на гигантскую смоковницу, что одиноко росла на берегу реки, и предложил зерна духу дерева, который сжалился бы над ним и послал ему ребенка. Дух благосклонно отозвался на просьбу и отправился к богу Индре, защитнику и покровителю людей. Индра в свою очередь превратил одного из богов—Дхармабала—в ребенка, дал ему имя Дхарма Кумара и послал к богачу.

Миллионер построил на берегу реки, рядом с индийской смоковницей, семиэтажную башню для сына. К семи годам ребенок оказался, по нашим понятиям, вундеркиндом. Он даже выучил язык птиц. Когда слухи о чудо-ребенке дошли до бога Кабилабрахмы, он снизошел с небес и задал Кумаре сразу три вопроса: где находится красота утром, днем и вечером? «Пусть мне отрубят голову,— сказал Кабилабрахма, обращаясь к Кумаре,— если ты ответишь на них. Если же не ответишь, пеняй на себя. С плеч слетит твоя голова».

Мальчик попросил неделю на размышление. Минуло шесть дней, а он все не находил ответа. И тогда Кумара решил убежать, скрыться от Кабилабрахмы. Он спрятался под пальмовым деревом, на котором жили орлы. Ночью орлица спросила орла, какую пищу он принесет ей завтра. «Тело Дхарма Кумары,— сказал орел.—Он не сможет ответить на три вопроса и будет обезглавлен». Орлица поинтересовалась, что это за такие трудные вопросы, которые были заданы Кумаре. Орел назвал их и тут же дал ответы: «Утром красота на лице — вот почему люди освежают по утрам лица. Днем красота в груди — вот почему люди смачивают в полдень грудь. Вечером красота в ногах — вот почему люди моют ноги по вечерам».

Кумара, слышавший разговор орлов, вернулся обратно в башню. На следующий день он дал Кабилабрахме ответы на все три вопроса.

Тогда Кабилабрахма вызвал семь своих дочерей, которые были женами Индры, и приказал им отрубить себе голову. «Но голова моя обладает волшебными свойствами,— предупредил он,— и потому ее нельзя класть на землю, иначе сгорит весь мир. Ее нельзя бросать в воздух, иначе воздух станет таким сухим, что никогда не выпадет дождь. Ее нельзя опускать в воду, иначе вся вода испарится и земля останется без влаги». Дочери должны были поместить голову отца в специальное вместилище и отнести ее в пещеру той горы, где проживал Индра. Каждый год в один и тот же день им по очереди следовало вынимать голову отца и проносить ее вокруг горы. День этот—Сонгкран. А голову теперь носят просто по улицам. И в праздник обязательно выбирают девушку, которая символизирует одну из дочерей Кабилабрахмы. Избранница должна передвигаться, сидя на спине какого-нибудь определенного животного. Сонгкран может выпасть на любой день недели. Если это понедельник, то девушку нарекают именем Корага, и едет она на тигре. Если вторник, девушка носит имя Ракос и сидит на свинье, если среда—это Мондха едет на осле, в четверг восседает на слоне девушка Кирины, в пятницу Кимитха красуется на буйволе, в

субботу Маходхара прячется в перьях павлина, а в воскресенье девушка Дунгша должна «оседлать» мифическую птицу гаруду...

— Ну, а чем празднование Сонграна в вашей провинции отличается, скажем, от Нового года, который справляют в Чиангмае? — поинтересовались мы у владельца кафе, куда зашли, чтобы утолить жажду кружкой местного пива «Кратинтонг», памятуя напутствие портье в отеле Чиангмая.

— Точно не знаю,— ответил таец,— но говорят, что там брызгаются водой не только в знак уважения к старшим, но и главным образом для того, чтобы предстоящий год был дождеобильным. Вот и не жалеют воды, заливают ею из шлангов и даже из брандспойтов всё и вся. «Уж куда больше», — думал я, разглядывая свою одежду. Пока мы добирались до кафе, пришлось не раз испытать на себе «водные процедуры». Промокли буквально насквозь.

Повсюду люди лили воду друг на друга, пытались попасть водой в открытые окна машин и автобусов. В ход шло все, из чего только можно было выплескивать воду: плошки, ведра, целлофановые пакеты, ладони, специальные трубочки, чайники, кастрюли... И вокруг слышалось громкое «Савади пи май!» — «С Новым годом!»

С надеждой ожидают тайландцы наступления Нового года—христианского ли, буддийского ли, лунного. Каждый раз они верят, что он принесет им наконец долгожданную удачу, что настанут лучшие времена.

Знаменитый норвежский ученый и мореплавателю Тур Хейердал как-то сравнил книги о путешествиях с билетами во все уголки земного шара для тех, кого манит романтика странствий и открытий.

Путешествие наше закончено, но, думается, в будущем читатель еще вернется в Таиланд, вернется в сопровождении нового «гида», который поведаст о нераскрытых сторонах жизни его обитателей, пригласит вместе с ним забраться в ее глубины, где нам побывать пока что не удалось.

Андрей Всеволодович Кочетов

Золотой топор Вритры

Путешествие по Таиланду

Заведующий редакцией Ю. А. Кулышев

Редактор Е. В. Лаврентьева

Редактор карты В. И. Ильина

Оформление художника В. А. Белана

Художественный редактор Е. М. Омеляновская

Технический редактор Т. В. Лячина

Корректор И. В. Шаховцева

ИБ № 3048

Сдано в набор 28.07.86. Подписано в печать 20.01.87. А 08807. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Гельветика». Печать высокая. Усл. печатных листов 10,08 с вкл. Усл. кр.-отт. 16,0. Учетно-издательских листов 13,25 с вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2865. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.